

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Portfolio Theory and Capital Markets

Investments

Fifth edition

07/06 01/07 07/07 01/08 07/08

William F. Sharpe
Stanford University

John J. Alexander
University of Minnesota

Gregory V. Bailey
Richards & Tremay Inc

Economics of Computers

Plenty of Dividend Growth
(S&P 500)
International Inc.

3,500
3,000
2,500

80

40

20

10

0

Sharp = $E(R$

$$S = \frac{E[R - R_f]}{\sigma} = \frac{E[R - R_f]}{\sqrt{\text{Var}[R - R_f]}}$$

20

2015

Часть IV

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 20 (100) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

На обложке изображен Уильям Форсайт Шарп (род. 1934) — американский экономист, лауреат Нобелевской премии 1990 г..

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Альханов Н. М.**
Амнистия: условия ее применения 329
- Альханов Н. М.**
К вопросу о механизме противодействия экстремизму 331
- Ахъядов Э. С.**
Перспективы и проблемы введения дистанционного высшего образования 333
- Ахъядов Э. С.**
Проблемы и перспективы формирования правовой активности молодежи 334
- Баженов А. В.**
Определение понятий оружия, боеприпасов и военной техники в контексте ст. ст. 346–348 УК РФ 336
- Басаев В. А.**
К проблеме эвтаназии 338
- Басаев В. А.**
Понятие и особенности коррупции в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков 340
- Бидова Б. Б.**
Назначение уголовного наказания в виде ареста 342
- Бидова Б. Б.**
Наказание в виде ареста в современном уголовном законодательстве СНГ и зарубежных стран 344
- Галкин А. Ю.**
Отличительные признаки договора на выполнение научно-исследовательских работ от договоров на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ 347
- Ганаева Е. Э.**
Назначение и исполнение уголовного наказания в виде ареста в отношении осужденных военнослужащих 350
- Ганаева Е. Э.**
Наказание в виде ареста: порядок, условия исполнения и отбывания 353
- Гринь Е. А., Лебедь Ю. А.**
Некоторые проблемы правового регулирования национализации земельных участков в Российской Федерации 355
- Зайцева Ю. Д.**
Участие граждан и общественных объединений в осуществлении общественного контроля за милицией в Советском государстве в 1917–1930 гг. 357
- Залевская Е. С.**
Проблемы правового регулирования оказания стоматологических услуг и пути их решения .. 360
- Зимнева С. В., Федосеева А. Л.**
Условие о количестве подаваемой энергии как существенное условие договора энергоснабжения 363
- Киракосян А. Г.**
Еще раз к вопросу о прецедентном характере решений Конституционного Суда РФ 364
- Ковалева Н. В.**
К вопросу о понятии «управляющая организация» 367
- Конина Т. Ю.**
Особенности оформления гражданско-правовых договоров с физическими лицами 368
- Крюков В. В.**
Мечь и возмездие в доктрине советского уголовного права 370

Мадлаева Ф. В.
Гипноз как способ совершения преступления 372

Новаков А. О.
Поджоги и пожары: уголовные дела и меры профилактики 374

Пономарев С. С.
Оценочные признаки хулиганства в уголовном праве 376

Саморуков А. А., Декке Д. А.
Мониторинг российского антикоррупционного законодательства 379

Саттарова Г. И.
Уголовно-правовая и криминологическая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего 383

Тельхигова М. Ш.
Правовое регулирование обеспечения экологической безопасности недропользования на северных территориях Российской Федерации 385

Тесленко А. О.
Особенности проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 388

Федосеева А. Л., Зимнева С. В.
К вопросу о действительности завещаний 390

Ходжалиев С. А.
Теория и практика исполнения наказания в виде ограничения свободы 392

Ходжалиев С. А.
Анализ государственной молодежной политики России в области занятости и трудоустройства выпускников учреждений высшего образования 394

Шапиро И. М., Абушова А. Э.
Нравственные основы общества в правовом государстве 397

Яхьяева М. У.
Идеология терроризма: актуальные аспекты .. 399

Яхьяева М. У.
Религиозный экстремизм: истоки и тенденции возникновения 401

ПОЛИТОЛОГИЯ

Казакова А. В.
Миграционный коридор: понятие, тенденции, риски 403

Тарасов А. С.
Влияние репутации политической партии на ход избирательной кампании: пример норвежской Партии прогресса на региональных выборах 2011 г. 405

СОЦИОЛОГИЯ

Каменская Е. В.
Образ жизни сельского жителя 411

Лебедев А. В.
Экономика и экономия безопасности полетов 414

Петухова И. С., Сиушкина Н. В.
Влияние социальных инноваций на социальную безопасность общества 416

Прокофьева А. А.
Стигматизация школьников подросткового возраста как фактор девиантного поведения . 419

Хизбуллина Р. Р.
Особенности формирования компетенций молодого специалиста с позиции теории капиталов: методологический аспект 423

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Амнистия: условия ее применения

Алханов Насруди Магомедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Амнистия — это акт верховного органа государственной власти, освобождающий определенную категорию лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности и наказания, смягчающий назначенное наказание либо снимающий с осужденных судимость.

Однако содержание понятия амнистии не исчерпывается только нормами уголовного права — это комплексный, межотраслевой институт, который включает также нормы конституционного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального права.

Статья 103 Конституции РФ объявление амнистии относится к ведению Государственной Думы Федерального Собрания. Отдельными учеными правоведами высказывается мнение, что Конституция тем самым несколько принижает значимость амнистии [1, с. 40]. Думается, указанное соображение заслуживает внимания, так как амнистия, особенно в современной социально-политической обстановке, способна оказать серьезное воздействие на развитие общества в целом. В соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ вопросы амнистии (равно как и помилования) находятся в ведении Российской Федерации. Таким образом, органами государственной власти субъектов Российской Федерации акты об амнистии приниматься не могут.

Часть 1 ст. 84 УК РФ, воспроизводя конституционное положение об объявлении амнистии Государственной Думой Федерального Собрания, конкретизирует его указанием на то, что амнистия применяется в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. Этим амнистия отличается от помилования, которое применяется к определенному лицу.

Амнистия является одним из средств реализации принципа гуманизма уголовно-правовой политики и уголовного законодательства Российской Федерации. Как правило, акты об амнистии принимаются в связи с какими-либо знаменательными событиями в жизни страны.

В отдельных случаях амнистия может применяться исходя из оценки политической обстановки в стране или отдельных регионах. Акт об амнистии не устраняет преступности и наказуемости предусмотренных им деяний. В этом

одно из его принципиальных отличий от уголовного закона, которым деяние декриминализуется, т.е. исключается из числа уголовно наказуемых деяний. Акт об амнистии освобождает от уголовной ответственности и наказания либо смягчает наказания только в отношении определенной категории лиц, совершивших преступные деяния до издания этого акта, но не распространяется на деяния, совершенные после его издания. Другими словами, акт об амнистии — это единовременный акт, не имеющий юридической силы в отношении действий, которые будут совершены в будущем. Даже в тех случаях, когда акт об амнистии применяется спустя длительное время после принятия (преступление не было своевременно раскрыто, преступник скрылся и т.п.), он распространяет свое действие только на деяния, совершенные до его издания.

Лишь в исключительных случаях акт об амнистии может распространяться на деяния, совершенные в течение определенного времени после вступления его в силу, при условии выполнения амнистируемым лицом указанных в этом акте действий, например явки с повинной.

В соответствии с ч. 2 ст. 84 УК РФ акты об амнистии могут предусматривать: 1) освобождение от уголовной ответственности; 2) освобождение от наказания; 3) сокращение назначенного приговором суда наказания; 4) замену назначенного судом наказания более мягким видом наказания; 5) освобождение от дополнительного наказания; 6) снятие судимости.

Как было отмечено, акт об амнистии распространяется на индивидуально неопределенный круг лиц. Вопрос о применении или неприменении амнистии к конкретному лицу решается органами, указанными в акте об амнистии или в постановлении о его применении либо специально созданными для этой цели. Юридическим основанием освобождения от уголовной ответственности (наказания), смягчения наказания, применения других мер, предусмотренных актом об амнистии, являются решения этих органов.

При этом окончательное решение ими принимается на основе общих критериев, установленных актом об амнистии, с учетом оценки личности амнистируемого, на-

пример в зависимости от того, признается данное лицо злостным нарушителем режима отбывания наказания или нет. Таким образом, применение или неприменение амнистии к конкретному лицу во многом может зависеть от усмотрения органа, исполняющего акт об амнистии. Тем большее значение приобретает строгое следование закону при исполнении этих гуманных актов. В предупреждении возможных при этом злоупотреблений, нарушений законности важная роль принадлежит прокурорскому надзору за соблюдением требований законов при применении амнистии.

Уголовным кодексом не определен порядок применения амнистии. Освобождение от уголовной ответственности на основании акта об амнистии в соответствии со ст. 27 УПК РФ оформляется: на стадии возбуждения уголовного дела — постановлением об отказе в его возбуждении; на стадии расследования либо в отношении дел, по которым закончено расследование, но они не были направлены в суд, — постановлением о прекращении уголовного дела; по делам, поступившим в суд, в случае если акт об амнистии вступил в силу до начала судебного разбирательства, — постановлением судьи о прекращении уголовного дела (ст. 239 УПК РФ).

В случаях, когда возможность применения амнистии обнаруживается в стадии судебного разбирательства, согласно ч. 6 ст. 302 УПК РФ суд доводит разбирательство дела до конца и постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

В актах об амнистии определяется также категория лиц, на которых они не распространяются. Обычно к таковым относятся лица, совершившие преступления против основ конституционного строя, особо тяжкие либо тяжкие преступления, а также неоднократно судимые. Кроме того, амнистия, как правило, не распространяется на осужденных, ранее освобождавшихся из мест лишения свободы в порядке помилования или в соответствии с актом об амнистии и вновь совершивших умышленные преступления, а также на осужденных, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. В постановлениях о порядке применения актов об амнистии подробно определяются признаки, на основании которых осужденные признаются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Не способствует выработке единообразного подхода на практике к определению данной категории осужденных то обстоя-

тельство, что она в каждом акте о применении амнистии определяется по-разному. Поэтому заслуживают внимания предложения о выработке единого понятия злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания, например, применительно к ст. 116 УИК РФ.

Прекращение производством определенной актом об амнистии категории следственных дел и дел, не рассмотренных судом до вступления в силу этого акта, в уголовно-правовом смысле означает безусловное освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности. Тем самым погашается уголовно-правовое значение факта совершения лицом преступления. К примеру, новое аналогичное преступление не может быть квалифицировано как повторное, но криминологическое значение этого факта сохраняется: суд вправе учесть его в качестве обстоятельства, отрицательно характеризующего личность, при назначении наказания за новое преступление.

Освобождение от наказания по амнистии теоретически может касаться любого наказания. На практике освобождению от наказания, как правило, подлежат лица, осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, либо к лишению свободы на небольшие сроки. [2, с. 178]

Известные трудности возникают при применении актов об амнистии к осужденным по совокупности преступлений, когда на одно или несколько преступлений, входящих в совокупность, амнистия не распространяется. В последние годы решение этих вопросов облегчается, в связи с тем что в самих актах содержатся указания о том, как поступать в таких случаях.

Лицо, освобожденное от наказания вследствие амнистии, считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ). Кроме того, в акте об амнистии может содержаться специальное указание о снятии судимости с определенных категорий амнистируемых лиц. Однако в ряде актов об амнистии судимостям, ранее снятым вследствие амнистии, придается правовое значение. Так, в п. 9 Постановления Государственной Думы от 24 декабря 1997 г. сказано, что амнистия не применяется к осужденным, ранее освобождавшимся из мест лишения свободы в порядке помилования или в соответствии с актом об амнистии и вновь совершившим умышленное преступление. Как отмечалось, освобождение вследствие амнистии от уголовной ответственности (наказания) носит безусловный характер.

Литература:

1. Марогулова, И.Л. Законодательные проблемы амнистии и помилования // Журнал российского права. 1998. № 1. — с. 40.
2. Агаджанян, Э.М., Бидова Б.Б., Оссауленко С.Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196 с.

К вопросу о механизме противодействия экстремизму

Альханов Насруди Магомедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Исследования по проблемам толерантности проблематизируют поиски единой платформы для этнонациональной коммуникации в социокультурном пространстве Северного Кавказа.

Принципы толерантной коммуникации, с одной стороны, реализуются в рамках обеспечения прав человека, а, с другой стороны, исходят из философии общего жизненного мира, присущего представителям различных этнических, конфессиональных и других сфер.

Понятие толерантности в общественном сознании является неоднозначным, чрезвычайно сложным и многоаспектным понятием, по поводу которого нет определенной ясности среди исследователей.

Глобализация смешивает все культуры, ориентирует на их унификацию и единство, тем самым вызывая противодействие каждой из культур, стремление к сохранению своей идентичности. Толерантность как универсальная ценность должна и может выступать посредником между глобальной цивилизацией и каждой культурой в отдельности.

Толерантность, как справедливо отмечает отечественный специалист в этой области Б.Б. Бидова, не просто является одной из ценностей, ее роль в современности вырастает до значения правила обращения с универсальными ценностями вообще. А это возможно, если универсальные ценности будут «символизироваться» в культуре, помещаться в историко-культурный и политический контекст, т.е. укрепятся в культурно значимых символах, мифах, философских, религиозных или политических теориях и воззрениях. [1, с. 345]

В этом случае, плюрализму культур в идеале будет соответствовать множественность парадигм толерантности. Представляется, что, когда он говорит о «признании либеральной ценности толерантности принципиально значимой для современного мира» и вместе с тем «о понимании необходимости ее переосмысления или, скорее, восполнения ради адаптации к современным реалиям и, прежде всего, к мультикультурности и глобализационным процессам». [2, с. 63]

Попыткой переосмыслить принципы толерантности, которые были развиты в рамках западной рационалистической культуры Нового времени, явились размышления А.В. Перцева, который оспаривает видение толерантности как панацеи, лекарства от всех социальных бедствий, как «конечного результата», к которому должно стремиться любое общество. Для него толерантность — всего лишь промежуточный этап в движении от конфликта к действительному взаимопониманию и взаимодействию. [3, с. 141]

Исходя из определения, что толерантность — это переходное состояние от конфликта, выливающегося в насилие,

к взаимопониманию и сотрудничеству, по новому видятся многие стороны толерантности. Толерантность для него — это позиция неустойчивого равновесия, поскольку такое состояние возникает в конфликтных ситуациях. Толерантность не разрешает конфликта, не устраняет его причин, не снимает противоречие между конфликтующими сторонами, а переводит конфликт в относительно мирное, ненасильственное русло. Конфликт, даже если он переходит из «горячей» в «холодную» стадию, ведется до тех пор, пока существует образ врага.

Новизна подхода заключается в том, что центр тяжести переносится с изучения толерантности как акта на изучение толерантности как потенциала для чего-то иного. Толерантность как действительность оказывается менее интересной, чем толерантность как возможность для взаимодействия. [4, с. 56]

Налицо восприятие толерантности как явления, требующего своего постоянного воспроизводства, перманентного приложения усилий духа и души. Вероятно, это реакция на некую рутинизацию жизни в разных её проявлениях, в том числе и на отсутствие развитого гражданского общества.

В действительности проблема толерантности вызревает в определенном опыте людей. Она формируется при наличии предпосылок и набора инструментов, способных разрешения напряженности, нетерпимости в регулировании человеческих отношений. Такой накопленный на протяжении относительно небольшого исторического периода Нового времени, прежде всего, в рамках гражданско-правовой легитимации опыт имеется. Он содержит опробованную практику публикации, кодификации и закрепления различных форм толерантного поведения.

Наличие развитого гражданского общества и правового государства определяют характер нормативно-регулирующих средств и способов общения и сотрудничества различных конкурирующих социальных групп. Принцип толерантности кодифицируется как гражданско-правовая норма.

Правовая легитимация толерантности становится предпосылкой диалога культур и приобретает со временем моральную ценность, утрачивая свой остро политический характер.

Толерантность перестает быть политической категорией, поскольку утрачивается «образ врага». Толерантность характеризуется принятием одним индивидом или обществом интересов, убеждений, верований и т.д. других людей или сообществ. В этих условиях неполитическое противоречие уже в тот самый момент, когда оно порождает эти группировки, теряет свои прежние «чисто» религиозные, «чисто» экономические, «чисто» куль-

турные критерии и мотивы. Постепенно неполитическое противоречие «подчиняется... новым условиям и следствиям отныне уже политической ситуации». [5, с. 79]

Основные области или центры человеческого пребывания, которые составляют содержание европейского культурного развития XVI—XIX вв. Это — теология, метафизика, мораль и экономика. Каждая из этих центральных областей сменяет друг друга благодаря «нейтрализации и деполитизации» предыдущей области. [6, с. 66]

Возьмем для примера область теологическую. Религиозные войны со временем уменьшали свой враждебный потенциал, непримиримость и нетерпимость. Религия постепенно переходит в разряд частного дела, она «становится инстанцией, нейтральной по отношению к битвам и противоположностям действительной жизни». Религия перестает быть всеохватывающей системой легитимации европейской культуры, утверждающей толерантные отношения к различным конфессиям. [7, с. 42]

На место прежней области приходит и утверждается другая система — государство-нация. На новом поле, которое поначалу считается нейтральным, сразу начинает интенсивно разворачиваться противоположность людей и интересов.

Со временем этнические, национальные конфликты, разрывающие европейское общество, выносятся за рамки необходимости достижения по ним политического консенсуса, то есть снимается отношение «друг-враг». Представляется, что политический консенсус относительно прав религиозного или этнического меньшинств уже существует в западном сообществе, что свидетельствует о «толерантности как акте», «толерантности как действительности».

Российская же действительность в большей степени указывает на решение проблем политической толеран-

ности как «возможности» и «потенции». В этом контексте целесообразно проанализировать причины современного экстремизма в его международном, внутригосударственном и региональном проявлениях.

Так, исследование детерминант современного радикального исламского движения (в том числе в странах мусульманского ареала) аргументировано доказывает, что исламский экстремизм обладает мощным потенциалом, нацеленным на экспансию наиболее реакционных положений своих идеологических доктрин и эскалацию политической практики насилия. Его разрушающий порыв направлен на слом и упразднение секуляризованных обществ, он игнорирует нормы международного права, отрицает такие его ключевые положения, как государственный суверенитет, территориальную целостность, неизблемость границ, уважение прав граждан и запрещение применения силы для достижения политических и иных целей.

Восточная культура конфликта, кстати, воспроизводимая в светских условиях, отличается от западной в силу того обстоятельства, что в западном сообществе очевидным является усиление значимости договорных отношений между людьми. Общественный договор отражает такую форму ассоциации, где защита интересов осуществляется с помощью компромисса как процедуры решения. Здесь важно достижение обоюдного, общеприемлемого результата. На постсоветском пространстве в ареале распространения мусульманской культуры часто компромисс и жертвенность выступают в форме героического самоотречения ради достижения полной победы над врагом или «неверными». Толерантность в этом контексте есть собственно социальное партнерство, распространяющееся на различные социальные группы — конфессиональные, этнические и т. д.

Литература:

1. Бидова, Б. Б. Особенности национального самосознания и его роль в становлении межконфессиональная толерантность // Молодой ученый. 2013. № 3. — с. 344—347.
2. Солдатова, Г. У., Нестик Т. А., Шайгерова Л. А. Принципы формирования толерантности и управления рисками ксенофобии // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. — с. 60—77.
3. Перцев, А. В. Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе/. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 253 с.
4. Койбаев, Б. Г., Курбанов Р. Н. Противодействие экстремистской деятельности в Республике Северная Осетия-Алания: политико-правовые аспекты. — Владикавказ: Изд.-полиграф. предпр. им. В. Гассиева, 2010. — 221 с.
5. Тхагапсоев, Х. Г. К особенностям социального бытия современной России // Философские науки. 2007. № 9. — с. 78—82.
6. Бидова, Б. Б. Толерантность как часть политической культуры: проблемы концептуализации и российские особенности // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2012. № 6. — с. 66—68.
7. Бидова, Б. Б. Личностно-ориентированная образовательная концепция высшего профессионального образования как элемент профилактики экстремизма // Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2013. № 2. — с. 40—46.

Перспективы и проблемы введения дистанционного высшего образования

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В условиях современного информационного общества значительную роль играют знания и квалификация молодого специалиста, а качество полученного им образования определяют его благополучие (вследствие успешной социализации) и степень осознания закономерностей в развитии общества. В настоящее время система образования становится доминирующей подсистемой общества, является стратегическим ресурсом функционирования государственных и политических структур, фундаментальной основой цивилизации.

Согласно теории «человеческого капитала», образование не является чем-то немедленно потребляемым, скорее всего это — капиталовложение в будущее человека, и все усилия, направленные на образовательную сферу в прошлом, будут вознаграждены в будущем. Подобная теория частично оправдывает неравенство между молодыми людьми, так как они затратили неравные средства на подготовку к разным видам деятельности.

В современной России традиционное высшее образование (очная форма обучения) недоступно для значительной части молодежи. Это связано с различными факторами: низкий доход молодого человека и его родителей, невозможность пройти обучения без отрыва от производства, территориальные факторы, физические ограничения и т. д.

Дистанционное образование (ДО), получившее широкое распространение в зарубежных вузах, представляется автору настоящей статьи разумной альтернативой традиционному высшему образованию и представляет собой процесс, при котором студент получает набор учебных пособий и учебных заданий в текстовой или электронной формах, выполняет их, пересылает в вуз, и, в зависимости от успешности или неуспешности выполнения, продолжает учебу. Дистанционное образование не подразумевает личного контакта преподавателя и студента, подобное взаимодействие осуществляется электронно или иным методом.

Дистанционное образование является одним из факторов успешной социализации молодого человека, в перспективе приводящим к его восходящей вертикальной мобильности. Основные преимущества такого образования для молодежи связаны в первую очередь характерными чертами ДО:

Экономическая эффективность дистанционного образования. Затраты на организацию дистанционного образовательного процесса значительно ниже по сравнению с организацией традиционного процесса обучения, следовательно, работающие молодые люди смогут оплачивать участие в образовательных программах.

Отсутствие территориальных ограничений при использовании дистанционной формы образования. Активное использование глобальной компьютерной сети Интернет

позволяет студенту обучаться практически из любого места без отрыва от профессиональной деятельности.

Личностный рост студентов за счет перехода от репродуктивного метода обучения к творческому с элементами самообразования, способствующий восходящей вертикальной мобильности.

Гибкость дистанционного образования. Дистанционное образование может адаптироваться под требования студента, учитывать его жизненные обстоятельства, род занятий.

Масштабируемость дистанционного образования. В отличие от очной формы высшего образования дистанционное позволяет распространить учебные курсы и материалы (лекции, практические задания и т. д.) среди неограниченного количества студентов, благодаря использованию современных методов хранения данных.

Образование для всех на протяжении всей жизни возможно при использовании дистанционных технологий обучения, в связи с вышеперечисленными преимуществами.

Скептическое отношение молодых людей к дистанционному образованию, по мнению автора статьи, связаны в первую очередь с их неосведомленностью о возможности и эффективности данной образовательной формы.

Рассматривая историческую ретроспективу дистанционного образования в мире, отметим, что данная форма обучения имеет глубокие исторические корни. Академик В. П. Тихомиров отмечает «...что еще Иисус Христос передавал проповеди своим ученикам для трансляции в территориально удаленных религиозных учреждениях и на открытых пространствах» [1]. Первобытные люди также использовали простейшие формы дистанционного обучения, оставляя наскальные рисунки, засечки на деревьях и т. д. Значительное влияние на развитие дистанционного образования в мире оказало появление Открытого университета Великобритании в 1969 г. С этого момента впервые начал применяться комплексный подход с использованием разнообразных средств обучения при доминирующем положении печатных материалов. Взаимодействие между студентом и преподавателем осуществлялось посредством почтовой переписки, очных консультаций и кратких курсов по месту жительства. Данная модель дистанционного обучения получила название «корреспондентской модели».

С развитием информационных технологий (появление компьютеров, локальных и глобальных сетей, электронных образовательных платформ) началось развитие «трансляционной модели» дистанционного обучения (ДО). Если первый тип («корреспондентская модель») ДО был характерен для европейских стран, то второй («трансляционная модель») — в первую очередь для вузов США. Бурное развитие телевидения привело к появ-

лению образовательных каналов, которые были востребованы как в вооруженных силах, так и в бизнесе. К недостаткам трансляционной модели дистанционного обучения в первую очередь можно отнести слабую обратную связь между преподавателем и студентом. Если в корреспондентской модели студент не является пассивным слушателем, а активно обучается и самостоятельно приобретает новые знания, то во втором случае он пассивен, что негативно сказывается на результатах обучения. Подобный недостаток отсутствует в современной «гибридной модели» обучения, для которой характерны: Проведение дистанционных и очных занятий. Применение последних образовательных технологий (наличие электронной образовательной среды). Большой объем самостоятельной работы студента. Автоматизированный контроль над выполнением заданий. Своевременная помощь инструктора. Групповая работа в режиме онлайн.

Согласно статистическим данным, нетрадиционные формы обучения, к которым можно отнести и дистан-

ционное образование, обретают популярность в мире, об этом свидетельствует рост количества открытых образовательных учреждений данного типа. [2].

С развитием дистанционного высшего образования в России связываются определенные надежды, обусловленные тем, что, как показывает мировая образовательная практика, дистанционное образование может сделать традиционное высшее более удобным, доступным и востребованным российской молодежью, что позволит повысить эффективность и успешность социализации современного молодого человека.

Для обеспечения развития высшего дистанционного образования в России требуется совершенствование нормативно-правовой базы в области высшего дистанционного образования, создание компьютерной инфраструктуры, подготовка программного обеспечения для внедрения электронных образовательных платформ, а также обучение и переподготовка преподавателей для ведения дистанционных образовательных курсов.

Литература:

1. Караев, А. М. Социализация молодежи: методологические аспекты исследования // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 3. — с. 33–37.
2. Тихомиров, В. П. ДО: история, экономика, тенденции // Дистанционное обучение. 2007. № 2. — с. 72–76.

Проблемы и перспективы формирования правовой активности молодежи

Ахьядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Более четверти века активных реформ российского общества изменили не только наш мир, но и затронули глубинные слои сознания человека, обуславливающие его восприятие окружающего мира, в том числе и правовой реальности. Изменения в политической, экономической и духовной сферах жизнедеятельности общества повлияли и на внешние способы взаимодействия человека с юридическими нормами на правовое поведение людей. Правовое поведение, являясь социальным феноменом социально-правовой действительности, проявляется в различных формах и объективируется в деятельности участников общественных отношений. Характер, масштаб и направление данного поведения во многом определяется не только степенью совершенства юридических норм и их реализации, но и особенностями самой личности, ее осознанием общественных и личных перемен, самосознания и правосознания. В связи с этим произошедшие и происходящие процессы социальной трансформации, в том числе в поведении личности, требуют юридического анализа и обобщения с целью выработки механизмов, блокирующих социальную нестабильность и обеспечивающих рост доли правомерности в правовом поведении. Динамика право-

вого поведения наиболее ярко проявляется у несовершеннолетних, которые, с одной стороны, являются наиболее активной, противоречивой и малокомпромиссной частью общества, с другой стороны, обучающиеся, курсанты, молодежь — это будущее правового регулирования, будущее государства и всего нашего общества.

В правовом поведении современной молодежи неуклонно возрастает доля противоправных деяний. Данная тенденция в поведении молодого поколения во многом детерминируется не только политическими, экономическими и духовными изменениями в российском обществе, но и их физиолого-психологическими особенностями, а также и тем, что в настоящее время правовое воспитание курсантов военного вуза, студентов и школьников осуществляется в принципиально новых социально-экономических и политических условиях [1, с. 32]. Например, возрастная аддикция: несформированность ориентаций, неадекватность восприятия и оценок явлений социальной действительности, недостаточная правовая информированность и т. д.

Возрастные особенности проявляются в желании продемонстрировать силу, смелость, завоевать авторитет

и друзей. Посредством правонарушений проявляются изобретательность и изощренность, пытаюсь самоутвердиться в своей среде. Правовое воспитание. Формирование правосознания студента — сложный и длительный процесс, требующий творческого подхода всего коллектива вуза, готовности, желания и умения всех и каждого бороться за укрепление общественной дисциплины и правопорядка в университете и обществе, за искоренение негативных явлений в жизни университета и нашего демократизирующегося российского общества. Правовое воспитание представляет собой последовательное и систематическое воспитательное воздействие на молодых людей с целью формирования и развития их правовой культуры. [2].

Недостаточная эффективность обеспечения правомерного и рост доли неправомерного поведения обучающихся, помимо прочих обстоятельств, в известной степени детерминирована отсутствием должного научно-теоретического осмысления вопросов, связанных с правовым регулированием поведения обучающихся, должного правового воспитания и правового образования. Следовательно, высока роль именно формирования правовой активности, учитывая, что ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу. И, как следует, по мнению автора, именно формируя правовую активность у современной молодежи, у обучающихся, мы сможем построить правовое, социальное государство согласно Конституции РФ [3].

В юридической литературе правовая активность нередко определяется с различных позиций. Одни авторы рассматривают ее только как деятельность по реализации правовых предписаний, другие включают в это понятие также и деятельность, не соответствующую требованиям юридических норм, т. е. противоправную. Подобный подход объясняется, по-видимому, тем, что правонарушители, как правило, достаточно активны. В этом случае авторы не учитывают функционально-структурные особенности правовой активности, предполагающей осознание

деятельности в соответствии с требованиями правовых норм. Она выражает высокую степень развития правосознания личности, которое позволяет ей проявить способность к правомерной самореализации, положительной активности, раскрытию своих потенциальных возможностей. Правовая активность — это вид социальной активности, представляющий собой родовое понятие по отношению к интересующей нас категории. Правовая активность имеет личностную (субъективную) и внешнюю формы. В первом плане она выражается в готовности, желании, стремлении субъекта к полезной с точки зрения права деятельности. Ее внешняя форма связана с объективизацией указанного качества в правомерном поведении.

С учетом изложенного, правовую активность можно рассматривать как сознательное, инициативное осуществление гражданами предоставленных им прав и возложенных на них юридических обязанностей в соответствии с целями правового регулирования. Здесь следует подчеркнуть элемент инициативы, который аккумулирует главное в рассматриваемом общественном качестве субъектов права, дает возможность по определенным показателям зафиксировать, учесть, оценить правовую активность граждан.

Правовая активность представляется важной характеристикой современного человека. В настоящее время трудно представить себе успешность в военном деле, бизнесе, политике или любой другой сфере деятельности без инициативы, самостоятельности и активности людей. Пассивное восприятие правовой действительности ушло в прошлое. Признавая тот факт, что темперамент людей, психолого-физиологические характеристики каждого человека различны от природы, мы все чаще начинаем задавать вопрос: как можно сформировать активность человека в области права при его соблюдении и уважении, да и возможно ли это осуществить «искусственно». В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы формирования правовой активности личности посредством научно выработанных технологий правового образования, правового воспитания, правовой работы.

Литература:

1. Головкин, Р.Б., Декопольцев С.В., Фортова Л.К. Аддиктивная детерминация правового поведения несовершеннолетних. — Владимир: ВГГУ, 2010. — 211 с.
2. Тхакохов, А.А. Причины и условия противоправного поведения несовершеннолетних // Молодой ученый. 2014. № 4. — с. 882–884.
3. Фортунатов, В.В. Основы ювенологии: опыт комплексного междисциплинарного исследования. — СПб.: БИС-проект, 2012. — 231 с.

Определение понятий оружия, боеприпасов и военной техники в контексте ст. ст. 346–348 УК РФ

Баженов Андрей Викторович, капитан юстиции, адъюнкт
Военный университет МО РФ

В статье рассматриваются определения понятий оружия, боеприпасов и предметов военной техники в контексте ст. ст. 346–348 УК РФ. Исследуются критерии относимости того или иного военного имущества к предмету преступлений против порядка сбережения военного имущества. Отражены актуальные вопросы теории практики по теме исследования.

Ключевые слова: порядок сбережения, оружие, боеприпасы, предметы военной техники, военное имущество, уголовная ответственность.

Definitions of weapons, ammunition and military equipment in the context of articles 346–348 of the criminal code

The article discusses the definitions of weapons, ammunition and items of military equipment in the context of articles 346–348 of the criminal code. Examines the criteria of relevance of this or other military property to the subject of crimes against the order of savings of military property. Reflected topical issues of the theory of practice on the research topic.

Keywords: savings, weapons, ammunition, items of military equipment, military equipment, criminal liability.

Из всей совокупности военного имущества, используемого при обеспечении защиты, безопасности и обороноспособности Российской Федерации, наибольшую важность представляют оружие, боеприпасы и предметы военной техники, так как именно они представляют собой основную материальную базу непосредственного вооруженного противостояния, материальную основу вооруженной борьбы. Именно поэтому правовое регулирование порядка сбережения перечисленных материальных средств является важной задачей военного права.

К правовой базе, регулирующей порядок оборота оружия, боеприпасов и военной техники, включающий в себя порядок их сбережения, можно отнести Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», Общевоинские уставы, утвержденные указом Президента РФ от 10 ноября 2007 N 1495, Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 31 августа 2004 г. № 130 и другие нормативные документы.

Анализ совокупности указанных нормативных правовых документов позволяет сделать вывод о том, что порядок сбережения оружия, боеприпасов и военной техники представляет собой систему специальных правил, регулирующих соответствующую систему общественных отношений по обеспечению сохранности названных предметов.

Порядок сбережения оружия, боеприпасов и военной техники имеет существенные особенности в срав-

нении с правилами обеспечения сохранности иного военного имущества. Эти особенности во многом обусловлены целью, преследуемой порядком сбережения оружия, боеприпасов и военной техники, которая заключается не просто в обеспечении интересов сохранности собственности, а главным образом направлена на защиту интересов обороны и безопасности Российской Федерации.

Кроме этого, порядок сбережения оружия, боеприпасов и военной техники наибольшим образом сопряжен с исполнением обязанностей военной службы — имеет выраженный воинский характер, в то время как оборот иного имущества в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях, может происходить и не затрагивая непосредственные военно-служебные отношения.

Специальный характер правил сбережения оружия, боеприпасов и военной техники обуславливает необходимость обеспечения защиты их от нарушения системой специальных мер ответственности, выделенной из системы мер ответственности за нарушение порядка сбережения иного военного имущества, что нашло свое отражение и в разграничении мер уголовной ответственности.

Так, уголовная ответственность за нарушение порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники предусмотрена ст. ст. 346–348 УК РФ, входящих в систему специальных составов преступлений против военной службы.

Привлечение к уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения иного военного имущества происходит на основании общеуголовных норм, предусмотренных ст. ст. 167–168 УК РФ.

Таким образом, система мер уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения военного имущества (система преступлений против порядка сбережения

военного имущества) включает в себя как общеуголовные, так и специальные нормы.

Вместе с тем, наука военно-уголовного права под системой преступлений против порядка сбережения военного имущества понимает лишь специальные нормы — преступления, предусмотренные ст. ст. 346–348 УК РФ [1, 87–88], которые фактически соотносятся с остальной совокупностью преступлений против порядка сбережения военного имущества как часть и целое.

Подобное противоречие, на наш взгляд, обусловлено тем, что существующая система классификации преступлений против порядка прохождения военной службы по видовому объекту сформировалась еще до принятия действующего уголовного кодекса, определившего в качестве предмета преступлений против порядка сбережения военного имущества оружие, боеприпасы и военную технику. Ранее действующий уголовный закон к предмету рассматриваемых преступлений относил и иное имущество, что и дало основание именовать группу данных преступлений преступлениями против порядка сбережения военного имущества.

Исходя из изложенного, на современном этапе развития уголовного законодательства в отношении преступлений против порядка прохождения военной службы, с целью недопущения искажения их содержания, группу преступлений, предусмотренных ст. ст. 346–348 УК РФ, объединенных общим видовым объектом, наиболее правильно было бы именовать преступлениями против порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники.

Важным вопросом при применении ст. ст. 346–348 УК РФ является определения относимости того или иного имущества к предмету данных преступлений.

Диспозиции обозначенных статей определений оружия, боеприпасов и военной техники не содержит. Использование для толкования названных терминов положения других нормативных правовых актов по принципу бланкетного характера норм уголовного закона представляется не вполне корректным, что обусловлено различным подходом к пониманию оружия, боеприпасов и военной техники в различных сферах правоотношений.

Так, основополагающим нормативным правовым актом для правоотношений, связанных с оборотом оружия и боеприпасов, является ФЗ «Об оружии». Этот документ устанавливает основные правила регулирования отношений, возникающих в процессе оборота оружия и боеприпасов к нему, права и обязанности участников этих отношений. Согласно ст. 1 указанного нормативного пра-

вового акта под оружием, например, понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Однако, такое понимание оружия не в полной мере подходит для целей ст. ст. 346–348 (в частности — сигнальное оружие не может быть предметом рассматриваемых преступлений). Кроме этого, согласно постановлению Пленума Верховного суда от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» разъясняет, что положения Федерального закона «Об оружии» регулируют только правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия, в то время как уголовный закон предусматривает ответственность за противоправные действия как с указанными видами оружия, так и с иными видами боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении и на которые действие Федерального закона «Об оружии» не распространяется.

Аналогичным образом вызывает затруднение определение военной техники как предмета ст. ст. 346–348 УК РФ. А.И. Ноздринов [2], например, отмечает отсутствие легального определения данного термина, которое подходило бы универсально для использования в различных правоотношениях.

Отсутствие определенности в толковании понятий «оружие», «боеприпасы» и «военная техника», что во многом затрудняет правоприменительную деятельность. Как отмечает В.М. Сырых, неясный текст нормативно-правового акта является одним из факторов, снижающих эффективность его использования. [3, с. 269–271]

При такой ситуации, внесение в диспозицию рассматриваемых статей определений оружия, боеприпасов и военной техники как предметов данных преступлений представляется необходимым.

Выработку этих определений целесообразно производить с использованием положений Боевого устава по подготовке и ведению общевойскового боя, введенного в действие приказом главнокомандующего сухопутными войсками — заместителем Министра обороны РФ от 31 августа 2004 г. № 130, как нормативно-правового документа, регламентирующего порядок использования перечисленных предметов в условиях боевых действий, т.е. в условиях их непосредственного целевого предназначения, а также с использованием научного толкования и судебной практики.

Литература:

1. Военно-уголовное право: Учебник/Х.М. Ахметшин, И.Ю. Белый, Ф.С. Бражник и др.; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М.: За права военнослужащих, 2008. Вып. 93. с. 384
2. Ноздринов, А.И. Вопросы квалификации уничтожения и повреждения военного имущества // Право в Вооруженных Силах: Военно-правовое обозрение. 2003. N 12 (Вкладка «Военно-уголовное право». 2003. № 11–12.)
3. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права. Том 2. М.: Юстицифорт, 2004. с. 560

К проблеме эвтаназии

Басаев Висхан Ахмедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Эвтаназия (от греч. «хорошая смерть») — практика безболезненного прекращения или сокращения жизни человека, испытывающего сильные страдания, по его просьбе, чаще с применением фармакологических средств.

Отношение отечественных законодателей к вопросу об эвтаназии обозначено в ст. 45 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее «Об основах...»), которая однозначно запрещает эвтаназию в любых формах. Её диспозиция гласит: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента». [1]

В медицинской практике различают активную и пассивную эвтаназию, добровольную и недобровольную. При активной эвтаназии врач активно вмешивается в жизнь пациента (как правило, обречённого, страдающего от неизлечимого заболевания, близкого к естественной кончине), ускоряя данным вмешательством его смерть. С религиозной точки зрения, такие действия врача приравниваются к совершению тяжкого греха — к убийству. И эта религиозная точка зрения во многом определяет общественное мнение по данному вопросу и является основным препятствием для принятия закона об эвтаназии. При пассивной эвтаназии врач не вмешивается в жизнь пациента с целью ускорения его смерти, но и не оказывает по просьбе больного, необходимую помощь для продления жизни. С религиозной точки зрения, ответственность здесь лежит на пациенте, а сам отказ от медицинского вмешательства, необходимого по жизненным показаниям, расценивается как тяжкий грех против Божьего дара жизни, равноценен греху самоубийства.

Лицо, которое сознательно побуждает пациента к эвтаназии (доводит его до самоубийства) или осуществляет эвтаназию (убийство), несёт уголовную ответственность в соответствии с УК РФ. Активная эвтаназия и соучастие в ней медицинских работников в нашей стране наказуемы в соответствии со ст. 105 УК РФ — «Убийство», но законом предусмотрено и смягчающее обстоятельство — совершение преступления по мотивам сострадания (ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Пассивная эвтаназия в России в некоторых случаях может привести к уголовной ответственности за неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), особенно, если отказ от лечения, в соответствии со ст. 20 «Об основах...», вовсе не оформлен в медицинской документации или оформлен ненадлежащим образом.

Добровольная эвтаназия осуществляется по просьбе больного или с предварительно высказанного его согласия.

Например, в мире существует практика предварительного выражения в юридически достоверной форме пациентом своей воли на случай развития необратимой комы или повреждения головного мозга.

Недобровольная эвтаназия в медицинской практике осуществляется без согласия больного, находящегося в бессознательном состоянии либо неспособного выразить свою волю по иной причине. Она проводится с некомпетентным пациентом на основании решения его законного представителя (родственника, опекуна).

Недобровольная эвтаназия дееспособных людей по своей сути однозначно ничем не отличается от умышленного убийства, и здесь вряд ли применим сам термин «эвтаназия», т.е. «хорошая смерть». Эвтаназия «из чувства сострадания», но без письменного согласия дееспособного пациента во всех странах расценивается как убийство. В любом случае, медик стоит перед жёсткой необходимостью выполнять действующий закон.

Во всём мире право человека на активную, а в России — даже пассивную эвтаназию является предметом дискуссий. Споры особо ужесточаются в случаях возбуждений уголовных дел против врачей и медицинских сестёр, осуществивших эвтаназию, при этом зачастую вскрывается противоречивость законов относительно данной проблемы. Огромное влияние на общественное сознание оказывают религиозные воззрения, бытующие в христианстве, исламе, иудаизме, препятствующие намеренному лишению жизни человека человеком.

Имеются и обосновываются и противоположные точки зрения, в основу которых положены атеистические и гедонистические взгляды [2, с. 280]. Реальное благополучие личности, по мнению чуждых религиозности людей с гедонистическими установками, обычно заключается в другом. Не всех привлекает жизнь, полная страданий и унижений, без вселяющих надежду перспектив, как и не всем родителям нужен ребёнок с наличием серьёзных врождённых дефектов. По существующему в некоторой части общества мнению, человек имеет право на достойную смерть, избавляющую его от унижительных страданий. Однако, с любой точки зрения, врач обязан облегчать страдания умирающего всеми доступными ему и только законными способами.

В принципе, неизлечимый и жестоко страдающий больной, находящийся в ясном сознании, может обратиться для защиты своих интересов в суд. Подобные процессы в мире уже известны, были выиграны в одних случаях и проиграны в других.

«Декларация об эвтаназии» (октябрь 1987 г.) Всемирной Медицинской Ассамблеи (ВМА) гласит, что «эвтаназия, как акт преднамеренного лишения жизни пациента,

даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких, не этична, но это не исключает необходимости уважительного отношения врача к желанию больного не препятствовать течению естественного процесса умирания в терминальной фазе заболевания». [3, с. 182] Таким образом, ВМА, не одобряя активную эвтаназию, предусматривает возможность применения пассивной эвтаназии.

Пассивная эвтаназия в большинстве стран мира разрешена, активная эвтаназия ранее была запрещена, но иногда практиковалась по решению консилиума в Нидерландах, так как в 1984 году Верховный суд страны признал добровольную эвтаназию приемлемой. 28.11.2000 года в Нидерландах под давлением общественности впервые в мире был принят закон, разрешающий активную эвтаназию в случаях просьбы неизлечимого тяжёлого больного. При этом государство обеспечило всю процедуру эвтаназии правовым контролем. Где нет закона, там есть теневой бизнес и бесконтрольность. Где есть закон, там есть и расписанная в мелочах процедура, есть контроль исполнения закона.

16.05.2002 г. подобный закон был принят в Бельгии. Пособничество врачей при самоубийстве в терминальной стадии заболевания законодательно разрешено в нескольких штатах США. В Азербайджане эвтаназия «наказывается исправительными работами на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового», т. е. фактически признана преступлением меньшим, чем убийство.

К активной эвтаназии часто относят и самоубийство с врачебной помощью, с предоставлением больному по его просьбе препаратов для безболезненного самоубийства. Некоторые юристы и медики [4] считают, что человек имеет право выбрать достойную смерть путём самоубийства, и способ её достижения, в том числе с помощью кого-либо, а все попытки других лиц предотвратить самоубийство должны повлечь за собой гражданскую ответственность. Но для этого необходимо юридическое признание права на самоубийство, однако уголовное законодательство многих стран запрещает любую форму участия в самоубийстве.

Положение «Декларации об эвтаназии» о пассивной эвтаназии получило развитие в другом документе (сентябрь 1992) — «Заявлении о пособничестве врачей при самоубийствах». В нём сказано:

«Известны случаи использования приспособлений, сконструированных врачом, который инструктирует пациента о том, как ими воспользоваться в целях самоубийства. Налицо помощь в осуществлении акта самоубийства. Иногда врач дает пациенту лекарство и информирует о дозе, прием которой приведет к летальному исходу. В перечисленных случаях речь идет о серьёзно и даже смертельно больных людях, жестоко страдающих от боли, отдающих себе отчет в своих действиях и самостоятельно принявших решение о самоубийстве. Пациенты, намере-

вающиеся покончить жизнь самоубийством, зачастую находятся в депрессии, которая обычно сопровождается смертельным заболеванием.

Подобно эвтаназии, самоубийство при пособничестве врача является неэтичным и подлежит осуждению со стороны медицинской общественности. Врач поступает неэтично, если его действия направлены на помощь пациенту в деле совершения самоубийства. Вместе с тем, право пациента отказаться от медицинской помощи является одним из основных и действия врача, направленные на уважение этого права, даже если они ведут к смерти пациента, вполне этичны».

Пособничество врача при самоубийстве трудно доказуемо, а в случаях доказанности не может расцениваться как доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), но представляется вполне возможным применение ст. 125 УК РФ — «Оставление в опасности», так как своими действиями врач-пособник вместо иной помощи, указывая лёгкий путь к смерти, сам ставит пациента в опасное для жизни состояние и оставляет его в опасном для жизни положении.

Способы осуществления криминальной эвтаназии разнообразны, при этом наблюдается тенденция к поиску врачами и медицинскими сёстрами всё более утончённых и трудно распознаваемых при судебно-медицинском исследовании способов. Проблема в распознавании медицинских убийств ещё и в том, что трупы лиц, умерших от заболевания в больнице, подвергаются не судебно-медицинскому исследованию, а патологоанатомическому.

Проблема недобровольной эвтаназии с прекращением поддержания жизни в случаях установления факта наступления смерти головного мозга разрешается в соответствии со ст. 66 ФЗ «Об основах...» — «Определение момента смерти человека и прекращения реанимационных мероприятий» и «Инструкции по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга» — приложение к Приказу Минздрава РФ № 460 от 20.12.2001 г. Действовавшая ранее «Инструкция по определению момента смерти человека, отказу от применения или прекращения реанимационных мероприятий» от 10.04.1997 г. отменена Приказом Минздрава РФ № 289 от 28.07.2000. [5]

С медицинской точки зрения, смерть головного мозга эквивалентна смерти человека, т. е. означает наступление биологической смерти.

С религиозной точки зрения, установление диагноза «смерти мозга», как показателя биологической смерти, означает смерть личности, необратимое отделение души от тела, когда искусственно, благодаря достижениям медицины, остаётся живой лишь телесная оболочка. Душа в ней отсутствует — она уже на пути к Богу, преодолела порог Вечности. Искусственное поддержание жизнедеятельности тканей, комплекса органов возможно неопределённо долго, но от этого ткани не становятся вместилищем души. Отключая тело биологически умершего человека от аппарата ИВЛ, прекращая поддерживать телесную жизнь медикаментозно, врач не нарушает заповеди «не убий». [6, с. 108] Противоречия религиозной морали здесь нет.

Литература:

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724.
2. Sonnen, B.R. Sterbehilfe als strafbare vorsätzliche Tötung oder als straflose Suizidbeteiligung // Z. Gerontol. Geriatr. — 1995. — Jul-Aug; Vol. 28, N 4. — P. 279–284.
3. Декларация об эвтаназии. Принята 39-й Всемирной медицинской ассамблеей, Мадрид, октябрь 1987 // <http://z-l.com.ua/ru/new422/>
4. Weber, W.M. What right to die? // Suicide Life Threat Behav. — 1988. — Vol. 18, N 2. — P. 181–196.
5. Приказ Минздрава РФ от 20 декабря 2001 г. N 460 «Об утверждении Инструкции по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга» // Здравоохранение. 2002. № 3.
6. Трохачев, С.Ю. Врачебная этика и религиозная мораль: этапы истории // Православная Церковь и современная медицина / Под ред. С. Филимонова. — СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2000. — 243 с.

Понятие и особенности коррупции в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков

Басаев Висхан Ахмедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Коррупция в сфере незаконного оборота наркотиков — одновременно составная часть и коррупции как таковой, и незаконного оборота наркотиков. При этом ведущая роль в определении предмета исследования отводится именно последнему, поскольку совершение коррупционных преступлений в связи и по поводу различных действий, составляющих незаконный оборот наркотиков, является отличительной особенностью коррупции в рассматриваемой сфере общественных отношений — в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Незаконный оборот наркотиков и коррупция, — тесно взаимосвязанные явления. Являясь одной из наиболее прибыльных отраслей теневой экономики, наркобизнес приносит огромную выгоду, часть которой может использоваться преступниками для подкупа работников правоохранительных органов, позволяющих им беспрепятственно пересекать границы государств, распространять наркотики среди населения нашей страны, уходить от ответственности. На коррупцию как неперемный признак организованной преступности, в т.ч. связанной с незаконным оборотом наркотиков, указывали многие отечественные ученые — криминологи, занимавшиеся изучением организованной преступности [1]. Так, по образному выражению Клейменова М.П., «Коррупция также неразрывно связана с мафиозными отношениями, как дыхание с жизнью» [2].

Закрепленное в ст. 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ (далее — ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах») [3] понятие «оборот наркотиков» включает в себя широкий круг дей-

ствий с наркотиками, разрешенных и контролируемых в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации, в т.ч. их разработку, производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, отпуск, реализацию, распределение, приобретение, использование, ввоз на таможенную территорию Российской Федерации, вывоз с таможенной территории Российской Федерации, уничтожение.

Незаконным оборот наркотиков становится тогда, когда перечисленные действия осуществляются в нарушение законодательства Российской Федерации.

В статье рассматриваются коррупционные преступления, совершаемые как в связи с наркопреступлениями, так и в связи с административными правонарушениями в сфере незаконного оборота наркотиков. При этом под наркопреступлениями в работе традиционно имеются в виду противоправные деяния, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 228–233 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [4]. К административным правонарушениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, относятся правонарушения, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.8, 6.9, 6.13, 6.16, 10., 10.5, 10.5.1, 20.20, 20.22 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и некоторые др.

ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» не раскрывает значение понятия «противодействие незаконному обороту наркотиков». Отмечается только, что его осуществляют различные государственные органы: Генеральная прокуратура Российской Федерации, Следственный комитет Российской

Федерации, ФСКН России, федеральный орган исполнительной власти в области внутренних дел, федеральный орган исполнительной власти по таможенным делам, федеральная служба безопасности, федеральная служба внешней разведки, федеральный орган исполнительной власти в области здравоохранения, а также другие федеральные органы исполнительной власти в пределах предоставленных им Правительством Российской Федерации полномочий (ст. 41 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»). Таким образом, организация противодействия незаконному обороту наркотиков в России строится на основе множества субъектов этой деятельности. При этом ведущая роль отводится органам ФСКН России.

Не раскрывается рассматриваемое понятие (хотя и активно используется) и в утвержденной указом Президента Российской Федерации от 09.06.2010 г. № 690 «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» (далее — Стратегия) [5].

При этом Стратегия определяет государственную антинаркотическую политику как систему стратегических приоритетов и мер, а также деятельность федеральных органов государственной власти, Государственного антинаркотического комитета, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, антинаркотических комиссий в субъектах Российской Федерации, органов местного самоуправления, направленную на предупреждение, выявление и пресечение незаконного оборота наркотиков и их прекурсоров, профилактику немедицинского потребления наркотиков, лечение и реабилитацию больных наркоманией. При этом деятельность указанных субъектов по реализации государственной антинаркотической политики охватывается в Стратегии понятием «антинаркотическая деятельность».

В криминологии также нет единства мнений по рассматриваемому вопросу. Разными учеными используются различные термины, характеризующие воздействие государства на преступность. Одни используют понятие «борьба с преступностью», другие — «предупреждение» или «профилактика преступности», четвертые — «воздействие на преступность» и др. В этой связи необходимо отметить, что в настоящее время в федеральном законодательстве имеются случаи не только использования, но и определения содержания понятия противодействия правонарушениям, в т. ч. преступности.

Так, в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 279-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — ФЗ «О противодействии коррупции») под противодействием коррупции понимается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (или профилактика коррупции), по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (т. е. борьба с коррупцией), а также по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Таким образом, противодействие коррупции включает три основных направления деятельности: профилактику коррупции, борьбу с коррупцией и минимизацию (ликвидацию) негативных последствий коррупционных правонарушений.

В связи с изложенным отметим, что в работе противодействие незаконному обороту наркотиков рассматривается как деятельность указанных в ст. 41 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» субъектов по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию административных правонарушений и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (борьба с незаконным оборотом наркотиков и их немедицинским потреблением), по предупреждению незаконного оборота наркотиков и их немедицинского потребления, в т. ч. по выявлению и последующему устранению причин и условий этих негативных социальных явлений (профилактика коррупции), а также по минимизации и (или) ликвидации последствий незаконного оборота наркотиков и их немедицинского потребления.

Если определение понятий, относящихся к сфере незаконного оборота наркотиков, в основном не представляет большой сложности в виду достаточной разработанности и устоявшейся практики их понимания, как в науке, так и в правоприменительной деятельности, то с определением понятия коррупции дело обстоит значительно сложнее.

Коррупция — социальное негативное явление, не ограничивающееся только преступностью. Помимо коррупционных преступлений она также включает и административные правонарушения коррупционного характера. Коррупционными могут быть и дисциплинарные проступки, и гражданско-правовые деликты в самых различных сферах правоотношений.

Коррупция — социальное негативное явление, не ограничивающееся только преступностью. Помимо коррупционных преступлений она также включает и административные правонарушения коррупционного характера. Коррупционными могут быть и дисциплинарные проступки, и гражданско-правовые деликты в самых различных сферах правоотношений.

Литература:

1. Долгова, А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. — с. 66.
2. Клейменов, М. П. Проблема коррупции среди сотрудников службы криминальной милиции. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. — с. 10.
3. Федеральный закон РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (в актуальной ред.) //Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

4. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной ред.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» от 09.06.2010 г. № 690 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 24. Ст. 3015.

Назначение уголовного наказания в виде ареста

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Анализируя назначение уголовного наказания в виде ареста, следует отметить, что существуют проблемы как теоретического, так практического плана.

Итак, арест, заключающийся в содержании осуждённого в условиях строгой изоляции от общества (ч. 1 ст. 54 УК РФ), применяется только в качестве основного вида наказания (ч. 1 ст. 45 УК РФ).

Международный пакт о гражданских и политических правах закрепил, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишён свободы иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

Остановимся на процедуре назначения уголовного наказания в виде ареста, регламентированной УК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 60 УК РФ (Общие начала назначения наказания), наказание, назначаемое лицу, признанному виновным в совершении преступления должно быть справедливым. Это положение напрямую коррелировано с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ) в уголовном праве. Ч. 1 ст. 6 УК РФ определяет, что наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. [1, с. 67]

Как справедливо отмечает Е. Л. Артамонова, «принцип справедливости заложен в самом содержании права и проявляется в конкретных его отраслях» [2, с. 37], в том числе и в уголовном праве. Вместе с тем, справедливость, воплощаемая в Уголовном законе, должна находить своё отражение, прежде всего, в санкциях уголовно-правовых норм Особенной части. Конструируя санкции, законодатель должен исходить из тяжести преступления. В связи с этим И. Э. Звечаровский утверждает, что санкция является справедливой, если она:

- а) соответствует тяжести описанного в диспозиции преступления;
- б) согласуется с санкциями, предусмотренными за совершение других преступлений;
- в) даёт суду возможность индивидуализировать ответственность и наказание с учётом всех обстоятельств конкретного уголовного дела. [3, с. 66]

Анализ уголовного законодательства показывает, что арест как вид уголовного наказания закреплён в санкциях уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления небольшой и средней тяжести. За совершение тяжких и особо тяжких преступлений арест не назначается. Такое положение представляется нам вполне справедливым. При этом просматривается определённое соответствие тяжести ареста (назначаемому на срок не более шести месяцев) характеру и степени общественной опасности преступлений, за совершение которых он предусматривается. Например, неосторожные преступления не могут быть тяжкими и особо тяжкими (ст. 15 УК РФ).

Следует заметить, что в юридической литературе вопрос об ответственности осуждённых к аресту за совершение тяжких и особо тяжких преступлений рассматривается неодинаково.

Всего более чем за сто сорок составов преступлений может быть назначено наказание в виде ареста. Так, арест предусматривается за ряд преступлений против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ). Например, за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) санкция представлена в виде ограничения свободы на срок до двух лет, ареста на срок от четырех до шести месяцев или лишения свободы на срок до двух лет. Такая санкция, по нашему мнению, является вполне справедливой и соответствует тяжести описанного в диспозиции ст. 119 УК РФ преступления.

Наказание в виде ареста встречается в 140 санкциях статей Особенной части УК РФ, из них: за преступления небольшой тяжести — 102 раза, или 70,8%, средней тяжести — 43 раза, или 29,2%.

Сроки ареста колеблются в разных вариантах: по принципу «от» и «до»:

— 90 раз, или 62,0%, а по отдельным группам они распределяются так:

- от двух до четырех месяцев — 8 раз, или 5,5%;
- от трех до шести месяцев — 45 раз, или 31,0%;
- от четырех до шести месяцев — 37 раз, или 25,5%.

По принципу «до» — 54 раза, или 38%, а по отдельным группам они распределяются так:

- до трех месяцев — 23 раза, или 15,8%;
- до четырех месяцев — 9 раз, или 6,2%;

— до шести месяцев — 22 раза, или 15,0%.

Наиболее часто арест встречается в санкциях статей, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности (16 раз), за преступления против правосудия (19 раз), за преступления против порядка управления (13 раз), за преступления против жизни и здоровья (11 раз), за преступления против общественной безопасности (11 раз) и за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (9 раз).

В юридической литературе высказывается мнение, что арест является наказанием «шокирующего» характера. Видимо, в какой-то мере такое мнение оправданно. Однако, исходя из анализа судебной практики осужденных к кратким срокам лишения свободы (до двух лет) мы полагаем, что арест будет применяться, как правило, к лицам, совершившим хулиганство, кражи, мошенничество, грабеж, умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои, истязание, заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией и т. д. Для подобных личностей наказание в виде ареста едва ли будет «шокирующим».

Полагаем, что применение наказания в виде ареста не противоречит принципу справедливости. Конечно же, арест — это лишение свободы, но только меньшего срока и отбывается в специфических условиях содержания. Эти строгие условия содержания компенсируют кару, заложенную в лишении свободы большей продолжительности, которое исполняется в исправительных колониях общего режима. [4, с. 358]

Назначая наказание в пределах санкции уголовно-правовой нормы Особенной части суд должен обратить внимание на имеющиеся в санкции виды наказаний основные и дополнительные.

Арест, согласно ч. 1 ст. 45 УК РФ, является основным видом наказания. Суд, выбирая по своему усмотрению основное наказание в виде ареста, обязан исходить из того, что менее строгий вид наказания, например, ограничение свободы, ограничение по военной службе, исправительные работы и др., не смогут обеспечить достижение целей наказания.

То есть, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ) могут быть осуществлены, в таком случае, только путём краткосрочного содержания виновного в условиях строгой изоляции от общества.

Так называемое «шоковое» воздействие арестом, по нашему мнению, действительно способно достичь указанных целей, в то же время, не отрывая осужденного от общества на длительное время.

На основании ч. 1 ст. 54 УК РФ арест может быть назначен на срок от одного до шести месяцев. Вместе с тем, санкции статей Особенной части УК РФ устанавливают конкретные сроки ареста. Так, за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) по ч. 1 может быть назначен арест на срок до четырёх месяцев.

Минимальный срок ареста в данном случае не может быть, по общему правилу, меньше одного месяца. За квалифицированный вид нарушения неприкосновенности частной жизни (ч. 2 ст. 137 УК РФ) арест может быть назначен на срок от четырёх до шести месяцев. Выйти за пределы размеров наказаний, регламентированных санкцией статьи Особенной части, в сторону их увеличения правоприменитель в лице суда может лишь в случае назначения наказания по совокупности преступлений или совокупности приговоров (ч. 2 ст. 60 УК РФ) в порядке ст. ст. 69, 70 УК РФ.

При назначении наказания по совокупности преступлений, за которые предусматривается арест и при выборе данного вида наказания суд назначает окончательное наказание путём поглощения менее строгого более строгим либо путём частичного или полного сложения (ч. 2 ст. 69 УК РФ), так как, если за совершённые преступления предусматривается арест, то из этого следует, что данные преступления небольшой или средней тяжести. Напомним, что арест предусматривается санкциями уголовно-правовых норм о преступлениях небольшой или средней тяжести.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ, окончательное наказание, в таком случае, не может превышать более чем на половину максимальный срок ареста. Например, вменяя по совокупности два эпизода нарушения неприкосновенности частной жизни по ч. 1 ст. 137 УК РФ, максимальный срок ареста может составлять шесть месяцев. Такой же максимальный срок ареста будет и в случае назначения наказания по совокупности квалифицированных видов нарушения неприкосновенности частной жизни (ч. 2 ст. 137 УК РФ).

Из данного примера следует вывод, что при назначении наказания в виде ареста по совокупности преступлений в одних случаях наказание будет больше срока, предусмотренного санкцией статьи, в других — не выходит за рамки санкции статьи Особенной части.

Схожий порядок назначения ареста регламентирован и для ситуаций назначения наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ). Назначая наказание в виде ареста по совокупности приговоров, суд должен полностью или частично присоединить к наказанию, назначенному по последнему приговору суда неотбытую часть наказания по предыдущему приговору суда (ч. 1 ст. 70 УК РФ).

Кроме того, в ч. 4 ст. 70 УК РФ указывается, что окончательное наказание по совокупности приговоров должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершённое преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда. Поглощение наказания при его назначении по совокупности приговоров Уголовным законом не предусматривается.

Авторы учебников уголовного права, полагают, что арест может применяться в порядке смягчения наказания (ст. 64, 80 УК РФ). Юридически с таким мнением следует согласиться, однако, по моему мнению, такое решение едва ли будет целесообразно применять. [5, с. 177]

Исследование судебной практики показывает, что средний срок лишения свободы, который определяют

суды за преступления небольшой тяжести не превышает одного года, а за преступления средней тяжести — двух с половиной лет. Осужденные за преступления небольшой или средней тяжести могут быть условно-досрочно освобождены после отбытия одной трети срока лишения свободы.

Проведённое исследование вопросов назначения ареста как вида уголовного наказания позволяет сделать

следующие основные выводы: арест, заключающийся в содержании осуждённого в условиях строгой изоляции от общества (ч. 1 ст. 54 УК РФ), применяется только в качестве основного вида наказания (ч. 1 ст. 45 УК РФ); единственным дополнительным наказанием, присоединение которого возможно к аресту, является лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью.

Литература:

1. Зубкова, В.И. Система наказаний по УК РФ и проблемы её реализации [Текст]/В.И. Зубкова // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2011 г. — М., 2012. — с. 64–68.
2. Артамонова, Е.Л. О назначении наказания с позиций справедливости [Текст]/Е.Л. Артамонова // Правозащитник. — 2004. — № 1. — с. 36–39.
3. Звечаровский, И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. — СПб., 2001. — с. 67.
4. Ганаева, Е.Э. История развития законодательного оформления ареста в российском уголовном праве [Текст]/Е.Э. Ганаева // Молодой учёный. — 2015. — № 18. — с. 357–359.
5. Агаджанян, Э.М., Бидова Б.Б., Оссауленко С.Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196 с.

Наказание в виде ареста в современном уголовном законодательстве СНГ и зарубежных стран

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В настоящее время ощущается нехватка новейших сведений о применении уголовных наказаний в зарубежных странах. Указанное положение в полной мере относится и к уголовному наказанию в виде ареста. Арест является одним из видов уголовных наказаний, который предусмотрен в современном уголовном законодательстве ряда зарубежных стран. [1, с. 189] Так, в настоящее время арест как вид уголовного наказания закреплен в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г., Грузии 1999 г., Италии 1930 г., Казахстан 1997 г., КНР 1979 г., Кыргызской Республики 1997 г., Латвийской Республики 1998 г., Литовской республики 2000 г., Республики Молдова 2002 г., Норвегии 1902 г., Республики Сан-Марино 1974 г., Республики Таджикистан 1998 г., Республики Узбекистан 1994 г., Украины 2001 г., Швейцарии 1937 г., Эстонской Республики 1992 г. и Японии 1907 г.

Следует отметить, что в юридической литературе некоторые вопросы, связанные с применением ареста как вида уголовного наказания в зарубежных странах, ранее исследовались. [2, с. 154] В настоящее время рассматриваемый вид наказания в уголовном законодательстве зарубежных стран, как правило, называется «арест». Исключением

является лишь УК Японии, в котором данный вид наказания называется как «уголовный арест» [3, с. 33].

В зарубежном уголовном законодательстве арест предусматривается, как правило, в качестве основного вида уголовного наказания. Указанное положение отражается в уголовном законодательстве ряда стран. Так, на арест как основной вид уголовного наказания указывается в ч. 1 ст. 48 УК Республики Беларусь, ч. 1 ст. 41 УК Грузии, УК Италии, ч. 1 ст. 39 УК Казахстана, ст. 33 УК КНР, ч. 1 ст. 42 УК Кыргызской Республики, ч. 1 ст. 36 УК Латвии, ч. 1 ст. 48 УК Таджикистана, ч. 2 ст. 62 УК Молдова, ч. 1 ст. 43 УК Узбекистана, ч. 1 ст. 52 УК Украины, ч. 1 ст. 21 УК Эстонии, ст. УК Японии.

Следует отметить, что в некоторых УК, например УК Литвы и Республики Сан-Марино, законодатель не классифицирует уголовные наказания на основные или дополнительные. Отличительным является положение ст. 42 УК Литвы, согласно которой арест как вид уголовного наказания предусматривается не только к лицу, совершившему преступление, но и к лицу, совершившему уголовный проступок. В отдельных УК зарубежных стран указывается, что арест заключается в содержании лица в условиях строгой изоляции. На данный признак ареста как вида

уголовного наказания указывается в семи УК зарубежных стран (в ч. 1 ст. 48 УК Грузии, ч. 1 ст. 54 УК Беларусь, ч. 1 ст. 46 УК Казахстана, ч. 1 ст. 48 УК Кыргызской Республики, ч. 1 ст. 55 УК Таджикистана, ст. 48 УК Узбекистана, ч. 1 ст. 60 УК Украины). Несколько иное положение указывается в ст. 43 УК КНР, согласно которой осужденные к аресту преступники находятся под непосредственным контролем органов общественной безопасности. В соответствии с зарубежным уголовным законодательством арест назначается на определенный срок. Согласно некоторых зарубежных УК арест назначается судом на срок от одного до шести месяцев.

Иной срок ареста предусматривается в УК Италии, Латвии, Литвы, Молдовы, Республики Сан-Марино, Эстонии и Японии.

Так, в УК Италии закрепляется положение о том, что арест назначается на срок от 5 дней до 3 лет. Часть 2 ст. 39 УК Латвии гласит о том, что арест устанавливается на срок от трех дней до шести месяцев. В ч. 2 ст. 49 УК Литвы отмечается, что срок ареста исчисляется в сутках, а в ч. 3 данной статьи законодатель закрепляет положение о том, что арест назначается на срок от пятнадцати до девяносто суток за преступление, от десяти до сорока суток — за уголовный проступок. В ч. 1 ст. 68 УК Молдовы указывается, что арест состоит в лишении свободы от 3 до 6 месяцев. Статья 16 УК Японии гласит, что уголовный арест устанавливается на срок от одного дня до тридцати дней. В Эстонском УК устанавливается, что арест может быть назначен на срок до трех месяцев. [3, с. 550].

В УК Швейцарии в ст. 39 собственно регламентирующей уголовное наказание в виде ареста срок, на который применяется арест не указывается. Вместе с тем, в ч. 1 ст. 37 указывается, что если за наказуемые действия осужденного в отношении него исполняется тюремное заключение на срок не более трех месяцев, то применяются предписания об аресте.

В УК Норвегии в § 39 указывается, что в приговоре об аресте суд должен установить временные рамки, которые обычно не должны превышать срок 15 лет и не могут превышать срок в 21 год. По ходатайству органов прокуратуры суд, однако, может посредством приговора продлить установленные рамки на срок до 5 лет одновременно. Вопрос о продлении поднимается в суде первой инстанции самое позднее за 3 месяца до истечения срока нахождения под арестом. Минимальный срок заключения под арест не должен превышать 10 лет.

В ряде УК зарубежных стран указывается, что срок ареста может быть менее установленного, в случае замены им некоторых уголовных наказаний. Так, в ч. 3 ст. 48 УК Грузии отмечается, что в случае замены общественно полезного труда, исправительных работ или ограничения свободы арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца. В ч. 2 ст. 46 УК Республики Казахстан указывается, что в случае замены привлечения к общественным работам, исправительных работ или штрафа арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца. В ч.

2 ст. 68 УК Молдовы отмечается, что при применении ареста вместо неоплачиваемого труда в пользу общества в случае злостного уклонения осужденного от такого труда срок ареста может составлять и менее 3 месяцев. Согласно ч. 3 ст. 55 УК Таджикистан в случае замены исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца. По иному решается вопрос в ч. 3 ст. 48 УК Кыргызской республики, согласно которой в случае применения ареста взамен общественных работ при уклонении от отбывания наказания арест может быть назначен на срок не менее одного месяца, т. е. не менее установленного. В УК Латвии в отличие от вышеназванных УК отмечается, что срок ареста может быть не менее, а более установленного, в случае замены им денежного штрафа. Так, в ч. 2 ст. 39 УК Латвии отмечается, что при замене денежного штрафа арестом он может быть установлен на срок до одного года.

В отдельных зарубежных УК устанавливается перечень лиц, к которым не применяется арест. Так, в УК Казахстан, Кыргызии, Молдова и Украины указывается три категории лиц, к которым не применяется арест. Так, в ч. 3 ст. 46 УК Республики Казахстан отмечается, что арест не применяется к лицам, не достигшим к моменту вынесения приговора шестнадцати лет, а также беременным женщинам и женщинам, имеющим несовершеннолетние их детей. Согласно ч. 4 ст. 48 УК Кыргызской Республики арест не применяется к беременным женщинам, женщинам, имеющим малолетних детей, к несовершеннолетним, не достигшим к моменту вынесения приговора шестнадцати лет. В соответствии с ч. 3 ст. 68 УК Молдова арест не может быть применен к лицам, не достигшим 16 лет, беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 8 лет. В ч. 3 ст. 60 УК Украины отмечается, что арест не применяется к лицам в возрасте до шестнадцати лет, беременным женщинам и к женщинам, имеющим детей в возрасте до семи лет. В УК Грузии указывается, что арест не может быть назначен к четырем категориям лиц. Часть 4 ст. 48 УК Грузии гласит, что арест не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения приговора четырнадцатилетнего возраста, инвалидам первой и второй групп, беременным женщинам, а также женщинам, имеющим детей в возрасте до семи лет. Белорусский законодатель в ч. 2 ст. 54 УК закрепляет положение о том, что арест не может быть назначен к четырем категориям лиц: лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста; беременным женщинам; женщинам и одиноким мужчинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов; 4) инвалидам I и II группы.

В некоторых УК зарубежных стран указывается лишь две категории лиц, к которым арест не применяется.

Например, согласно ч. 5 ст. 39 УК Латвии арест не применяется к беременным женщинам и матерям, ухаживающим за ребенком в возрасте до одного года. В соответствии с ч. 6 ст. 49 УК Литвы арест не применяется к беременным женщинам и может не применяться

к лицам, ухаживающим за ребенком в возрасте до трех лет, учитывая интересы ребенка.

Таким образом, в соответствии с зарубежным уголовным законодательством арест как вид уголовного наказания не может применяться к следующим категориям лиц: к лицам, не достигшим к моменту вынесения приговора шестнадцати лет (УК Беларусь, Казахстан, Кыргызии, Молдова и Украины), к лицам, не достигшим к моменту вынесения приговора четырнадцатилетнего возраста (УК Грузии); беременным женщинам (Модельный УК СНГ, УК Беларусь, Грузии, Казахстан, Кыргызии, Латвии, Литвы, Молдова, Украины); женщинам, имеющим малолетних детей (УК Кыргызии), женщинам имеющих несовершеннолетних детей (УК Казахстан), к матерям, ухаживающим за ребенком в возрасте до одного года (УК Латвии), женщинам, имеющим детей в возрасте до двенадцати лет (Модельный УК СНГ), женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет (УК Беларусь), женщинам, имеющим детей в возрасте до семи лет (УК Грузии, Украины), женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет (УК Молдова); женщинам, имеющим детей-инвалидов (УК Беларусь); одиноким мужчинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов (УК Беларусь); к лицам, ухаживающим за ребенком в возрасте до трех лет, учитывая интересы ребенка (УК Литвы); инвалидам I и II группы (УК Беларусь, Грузии).

Уголовное законодательство ряда стран не предусматривает возможности условного неприменения уголовного наказания в виде ареста к виновному. Указанное положение, а также невозможность применения меры уголовно-правового характера схожей с условным осуждением содержится в УК ряда зарубежных стран.

В соответствии с зарубежным уголовным законодательством большинства рассматриваемых нами стран лицо, отбывающее уголовное наказание в виде ареста, не подлежит условно-досрочному освобождению. Так, условно-досрочное освобождение от отбывания ареста не предусматривается в ч. 1 ст. 70 УК Казахстана, ч. 1 ст. 69 УК Кыргызии, ст. 77 УК Литвы, ч. 1 ст. 76 УК Таджикистана, ч. 1 ст. 73 УК Узбекистана, ч. 1 ст. 81 УК Украины, ч. 1 ст. 55 УК Эстонии.

Иное положение, т. е. вероятность применения условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания ареста или схожей с ним меры уголовно-правового характера предусматривается лишь в отдельных зарубежных УК. В частности, в ч. 1 ст. 90 УК Беларусь, ч. 1 ст. 72 УК Грузии, ч. 1 ст. 61 УК Латвии, ч. 1 ст. 91 УК Молдовы указывается на возможность условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания ареста. В ч. 1 ст. 30 УК Японии закрепляется возможность применения подобной по своему содержанию с условно-досрочным освобождением от отбывания ареста меры уголовно-правового характера в виде условного освобождения из арестного дома. Так, в указанной норме УК Японии отмечается, что лицу, приговоренному к уголовному аресту, может быть, если позволяют обстоятельства, в любое время решением ад-

министративных властей разрешено условное освобождение из арестного дома. В УК Норвегии в § 39 указывается, что осужденные к аресту до истечения срока нахождения под арестом могут быть освобождены с испытательным сроком от одного до пяти лет. Недопущение замены неотбытой части ареста более мягким видом наказания вытекает из содержания ч. 1 ст. 73 УК Грузии, ч. 1 ст. 71 УК Казахстана, ч. 1 ст. 70 УК Кыргызии, ч. 1 ст. 77 УК Литвы, ч. 1 ст. 92 УК Молдова, ч. 1 ст. 77 УК Таджикистана, ч. 1 ст. 74 УК Узбекистана, ч. 1 ст. 82. Исключением является лишь ч. 1 ст. 91 УК Беларусь, предусматривающая возможность замены неотбытой части ареста более мягким наказанием.

В соответствии с зарубежным уголовным законодательством некоторых стран арест как вид уголовного наказания может применяться и к несовершеннолетним.

Арест как вид уголовного наказания в отношении несовершеннолетних предусматривается в ст. 109 УК Беларусь, ст. 82 УК Грузии, ч. 1 ст. 79 УК Казахстан, ст. 78 УК Кыргызии, ч. 1 ст. 65 УК Латвии, ч. 1 ст. 90 УК Литвы, ч. 1. Следует отметить, что в отличие от вышеназванных УК зарубежных стран УК Швейцарии допускает возможность применения так называемого «школьного ареста» от одного до шести неполных рабочих дней, который законодатель называет дисциплинарным наказанием, в отношении ребенка достигшего семи лет, но еще не достигшего пятнадцати лет. Согласно УК отдельных зарубежных стран арест применяется несовершеннолетним только лишь мужского пола. На данное обстоятельство указывается в ст. 114 УК Беларусь, ст. 87 УК Грузии, ч. 5 ст. 87 УК Таджикистана. В большинстве же зарубежных УК арест может назначаться как несовершеннолетним мужского, так и женского пола.

Проведенный анализ норм зарубежного уголовного законодательства, регламентирующих применение уголовного наказания в виде ареста, позволяет сделать вывод о том, что при наличии некоторых различий регламентация ареста в уголовном законодательстве зарубежных стран имеет ряд общих признаков. К таковым следует отнести: использование одноименного названия уголовного наказания как «арест»; закрепление ареста как вида наказания, назначаемого только в качестве основного вида наказания; определение ареста как вида уголовного наказания, заключающегося в содержании лица в условиях строгой изоляции; установление срока, на который назначается арест; регулирование применения ареста взамен других видов уголовных наказаний; установление перечня лиц, к которым арест не может назначаться; невозможность применения условного осуждения к аресту; отсутствие возможности применения к осужденным к аресту условно-досрочного освобождения; недопущение замены неотбытой части ареста более мягким видом уголовного наказания; регламентация применения ареста как вида уголовного наказания в отношении несовершеннолетних; установление специального срока, на который назначается арест несовершеннолетним.

К отличительным признакам уголовного наказания в виде ареста и порядка его применения в зарубежных странах, присущим лишь отдельным странам, следует отнести: возможность или обязанность лица, отбывающего арест трудиться; вероятность отбывания ареста на дому у осужденного или по определенным дням в учреждении; закрепление в законе положения о том, что осужденные военнослужащие арест отбывают на гауптвахте; зако-

нодательная регламентация уголовной ответственности за совершение осужденным побега из-под ареста; законодательная регламентация уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания в виде ареста.

В заключение хотелось бы отметить, что зарубежный опыт применения уголовного наказания в виде ареста, бесспорно, представляет интерес и может быть использован и при применении ареста в России.

Литература:

1. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196 с.
2. Орлов, В. Н. Сравнительный анализ уголовного наказания в виде ареста в Модельном УК СНГ и современном зарубежном уголовном законодательстве // Сборник научных трудов. Выпуск 2. — Ставрополь: СФ К А МВД РФ, 2004. — с. 153—166.
3. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Под ред. И. Д. Козочкина. — М.: Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова, 2001. — 648 с.

Отличительные признаки договора на выполнение научно-исследовательских работ от договоров на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ

Галкин Алексей Юрьевич, старший преподаватель
Ростовский институт защиты предпринимателя

В последнее время «вопросы, связанные с научно-исследовательской и инновационной деятельностью являются весьма актуальными, что обусловлено стремлением нашего государства выйти на инновационный путь развития» [1, с. 13] экономики.

В этой связи, «актуализируется роль договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» [2, с. 236—237] (далее — НИОК и ТР).

Данные «договоры выступают одним из основных «инструментов» по оформлению гражданских правоотношений направленных на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» [3, с. 8].

Настоящая статья посвящена отличительным признакам договора на выполнение научно-исследовательских работ (далее — договор на выполнение НИР) от договоров на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ (далее — договоры на выполнение ОКР и ТР).

Нормы об указанных договорах объединены в гл. 38 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (далее — ГК РФ) [4].

Для определения отличительных признаков рассматриваемых договоров, в первую очередь обратимся к дефини-

циям понятий данных договоров, которые закреплены в ст. 769 ГК РФ.

Нормы данной статьи «дают «собирательное» понятие рассматриваемых договоров» [5, с. 53]. Выделим каждое из понятий.

Договор на выполнение НИР — это договор, по которому исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее.

Договор на выполнение ОКР — это договор, по которому исполнитель обязуется разработать образец нового изделия, конструкторскую документацию на него, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее.

Договор на выполнение ТР — это договор, по которому исполнитель обязуется разработать новую технологию, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее.

Таким образом, из указанных определений вытекает, что данные договоры имеют разные предметы. По договору на выполнение НИР проводятся научные исследования, по договору на выполнение ОКР разрабатывается образец нового изделия, конструкторская документация на него, а по договору на выполнение ТР разрабатывается новая технология.

Отмеченное можно проиллюстрировать следующей схемой:

Рис. 1. Предмет договоров на выполнение НИОК и ТР

В результате проведения работ по договорам на выполнение НИОК и ТР «может возникнуть результат интеллектуальной деятельности» [6, с. 31].

В юридической литературе отмечается, что договор на выполнение НИР и договоры на выполнение ОКР «различаются по уровню творческого характера выполнения работ» [7, с. 452]. Договору на выполнение НИР присуща «большая степень творчества» [8, с. 199].

Не совсем одинаковы положения о привлечении третьих лиц к выполнению работ по договорам на выполнение НИОК и ТР.

Так, согласно п. 1 ст. 770 ГК РФ, исполнитель обязан провести научные исследования лично. Он вправе привлекать к исполнению договора на выполнение научно-исследовательских работ третьих лиц только с согласия заказчика.

В соответствии с п. 2 ст. 770 ГК РФ, при выполнении опытно-конструкторских или технологических работ исполнитель вправе, если иное не предусмотрено договором, привлекать к его исполнению третьих лиц. К отношениям исполнителя с третьими лицами применяются правила о генеральном подрядчике и субподрядчике (ст. 706 ГК РФ).

Таким образом, по договору на выполнение НИР, «нормы ГК РФ презюмируют личное выполнение работ исполнителем» [9, с. 13]. «Право исполнителя на привлечение третьих лиц по договору на выполнение НИР осуществляется только с согласия заказчика» [10, с. 496].

По договорам на выполнение ОК и ТР, «нормы ГК РФ презюмируют право исполнителя привлекать к выполнению работ по рассматриваемым договорам третьих лиц. Данная норма, однако, является диспозитивной. Поэтому,

право исполнителя на привлечение третьих лиц к выполнению работ по этим договорам будет иметь место, если иное не предусмотрено договором» [11, с. 13].

Отмеченное можно изобразить следующей схемой:

Не совсем одинаковы и положения о последствиях невозможности достижения результатов работ и невозможности или нецелесообразности продолжения работ по договорам на выполнение НИОК и ТР. Данные положения предусматривают специальные правила, в соответствии с которыми договоры на выполнения НИОК и ТР могут быть прекращены.

В соответствии со ст. 775 ГК РФ, если в ходе НИР обнаруживается невозможность достижения результатов вследствие обстоятельств, не зависящих от исполнителя, заказчик обязан оплатить стоимость работ, проведенных до выявления невозможности получить предусмотренные договором на выполнение НИР результаты, но не свыше соответствующей части цены работ, указанной в договоре.

Согласно ст. 776 ГК РФ, если в ходе выполнения ОКР и ТР обнаруживается возникшая не по вине исполнителя невозможность или нецелесообразность продолжения работ, заказчик обязан оплатить понесенные исполнителем затраты.

Таким образом, специальным правилом, в соответствии с которым договор могут быть прекращен, для договоров на выполнение НИР является невозможность достижения результатов НИР, а для договоров на выполнение ОК и ТР — невозможность или нецелесообразность продолжения ОКР и ТР [12, с. 342].

При этом, по договорам на выполнение НИР, заказчик обязан оплатить стоимость работ, проведенных до выявления невозможности получить предусмотренные дого-

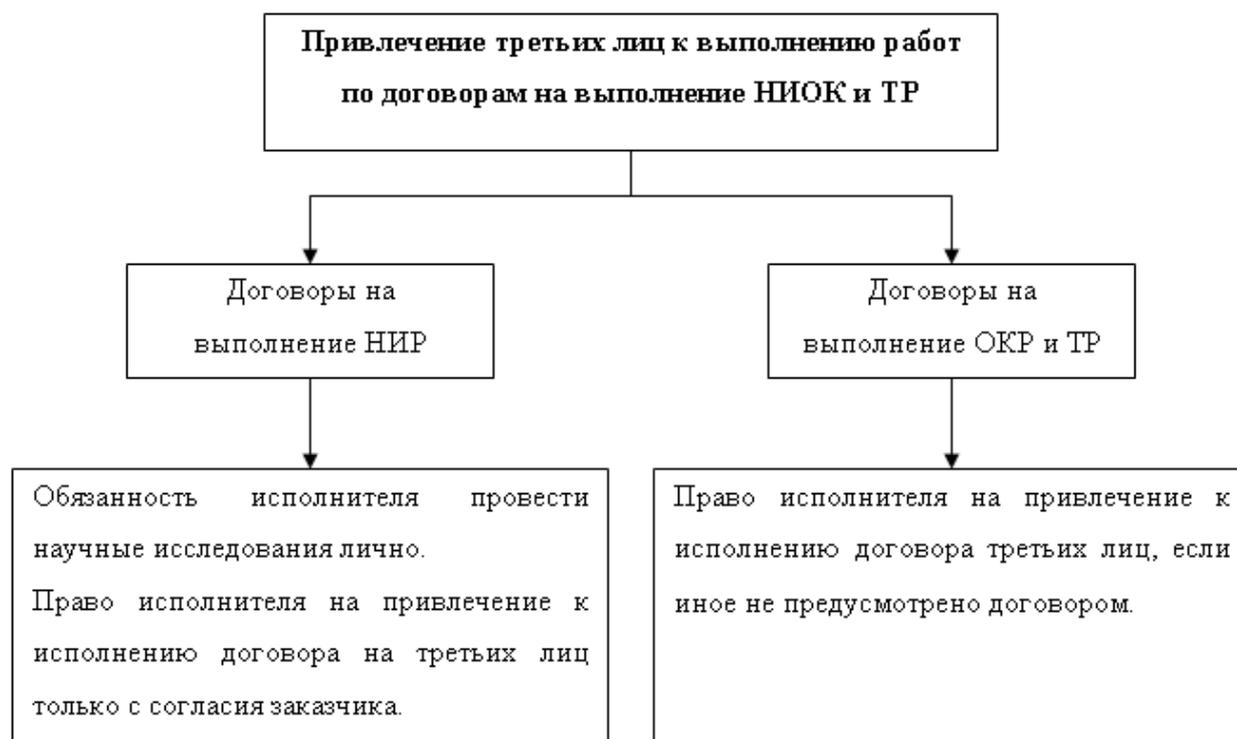

Рис. 2. Привлечение третьих лиц к выполнению работ по договорам на выполнение НИОК и ТР

вором на выполнение НИР результаты, но не свыше соответствующей части цены работ, указанной в договоре, а по договорам на выполнение ОКР и ТР, заказчик обязан оплатить понесенные исполнителем затраты.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что отличительными признаками договора на выполнение НИР от договоров на выполнение ОКР и ТР, являются:

- предметы данных договоров;
- положения рассматриваемых договоров о привлечении третьих лиц к выполнению работ;
- положения о последствиях невозможности достижения результатов работ и невозможности или нецелесообразности продолжения работ по данным договорам.

Литература:

1. Галкин, А. Ю. Права и обязанности сторон по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 11 (54). с. 13–15.
2. Галкин, А. Ю. Особенности предмета договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Креативность образовательной и предпринимательской деятельности/Материалы международного форума «Проблемы улучшения восприимчивости экономикой инновационных преобразований» г. Ростов-на-Дону 23–27 апреля 2012 г./Под ред. Паршина А. В., Харченко В. Н., Голуб Л. В. — Ростов н/Д.: Изд-во АкадемЛит, 2012. с. 236–242.
3. Галкин, А. Ю. Элементы договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 10 (53). с. 8–9.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
5. Галкин, А. Ю. Понятия и правовая природа договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2014. № 3 (82). с. 53–55.
6. Галкин, А. Ю. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Юрист-Правоведь. № 5 (48). 2011. с. 28–32.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй/Под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. — М.: Юрайт-Издат, 2005. 1045 с.

8. Брагинский, М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М.: Статут, 2005. 1055 с.
9. Галкин, А. Ю. Привлечение третьих лиц к выполнению работ по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Проблемы, идеи, тенденции в общественных, технических, гуманитарных и естественных науках в свете современных исследований». 25–26 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2015. с. 12–13.
10. Галкин, А. Ю. Выполнение работ по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). с. 494–497.
11. Галкин, А. Ю. Привлечение третьих лиц к выполнению работ по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Проблемы, идеи, тенденции в общественных, технических, гуманитарных и естественных науках в свете современных исследований». 25–26 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2015. с. 12–13.
12. Галкин, А. Ю. Последствия невозможности достижения результатов научно-исследовательских работ и последствия невозможности продолжения опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 14 (94). с. 340–342.

Назначение и исполнение уголовного наказания в виде ареста в отношении осужденных военнослужащих

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Пункт 3 статьи 54 УК РФ и глава 19 действующего Уголовно-исполнительного кодекса РФ затрагивает общие вопросы исполнения уголовного наказания в виде ареста в отношении осужденных военнослужащих.

Ввиду наличия некоторых особенностей правового положения данной категории граждан России существует нормативный акт, более конкретно регламентирующий порядок отбывания ареста военнослужащими.

В соответствии с уголовным и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации устанавливают порядок и условия исполнения наказаний в отношении осужденных военнослужащих, определяют организацию, цели и задачи уголовно-исполнительного воздействия на них в условиях прохождения военной службы. Правила распространяют свое действие на осужденных военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах Российской Федерации и определяют процедуру исполнения наказаний, отбываемых в условиях дальнейшего прохождения осужденными военной службы, а именно: ограничения по военной службе, ареста и содержания в дисциплинарной воинской части. Вместе с тем в отношении военнослужащих, отбывающих наказание в виде ареста, действуют общие правила об амнистии и помиловании. [1, с. 56]

Прежде всего, необходимо отметить, что в случае осуждения военнослужащего к аресту он не увольняется,

а отбывает наказание в условиях дальнейшего прохождения военной службы.

Данное положение дает мощный дополнительный стимул осужденному для его исправления, так как сохраняет социальные связи и дальнейшие жизненные перспективы, связанные с делом, которому военнослужащий посвящает свою жизнь. Этим определяются некоторые особые условия отбывания ареста для указанной категории лиц. Арест исполняется командованием гарнизонов на гауптвахтах для осужденных военнослужащих или в соответствующих отделениях гарнизонных гауптвахт; данное положение имеет большое значение для практического применения уголовного наказания в виде ареста, так как устраняет одно из основных препятствий его исполнения — отсутствие специализированных учреждений, по крайней мере, в отношении военнослужащих. Однако, возможность должного исполнения наказания в виде ареста для военнослужащих на гауптвахтах или в соответствующих отделениях гарнизонных гауптвахт вызывает серьезное сомнение.

Во-первых, потому, что сами гауптвахты не отвечают требованиям, предъявляемым к местам отбывания уголовного наказания, в конкретном случае — общему режиму в тюрьме; во-вторых, предназначение гауптвахт совершенно иное; в-третьих, арест — это вид уголовного наказания, который должны исполнять специально подготовленные кадры, как правило, таковых не имеется

на гауптвахтах; в-четвертых, материальная база гауптвахт весьма далека от той, которая требуется для исполнения ареста [2, с. 106].

По сравнению с ранее действовавшим законодательством арест выступает самостоятельным видом наказания, а не как замена наказания военнослужащим в виде исправительных работ с содержанием на гауптвахте. УИК РФ детально регламентирует осуществление ареста в отношении военнослужащих в самостоятельной главе, так как порядок и условия его исполнения и отбывания в воинских частях имеют существенную специфику по сравнению с правилами, предусмотренными в нормах статей гл. 10 настоящего Кодекса, регуливающими реализацию этого наказания в гражданской сфере.

Наказание в виде ареста отбывают следующие категории военнослужащих: солдаты, матросы, прапорщики, мичманы и офицеры; срок наказания определяется военным судом. По смыслу закона гражданские лица, совершающие преступления против военной службы в период прохождения воинских сборов, будут отбывать назначенное им судом наказание в виде ареста в арестных домах, как и другие граждане, не входящие в приведенную выше категорию.

Статьей 150 УИК РФ дополнительно, по сравнению с общими положениями уголовного закона, предусмотрено раздельное содержание осужденных военнослужащих, причем порядок их разделения по категориям. На наш взгляд, нет особой необходимости, достаточно простой ссылки на указанную статью. Таким образом, разделение военнослужащих при отбывании ареста производится в зависимости от воинского звания, основания несения воинской службы и основания помещения на гауптвахту.

Подобная углубленная дифференциация осужденных военнослужащих, отбывающих наказание в виде ареста, вызвана не только отношениями воинской субординации, но и их возрастными особенностями, а также существующими в ряде мест неуставными отношениями типа «дедовщины». Кроме того, более или менее однородная масса осужденных позволяет эффективнее организовывать воспитательное воздействие [3, с. 318].

Правовая основа порядка и условий отбывания ареста осужденными военнослужащими определена путем отсылки к положениям Уголовно-исполнительного кодекса РФ, нормативным правовым актам Министерства обороны и правилам отбывания уголовных наказаний осужденными. Пункт 21 Правил гласит: «в соответствии со ст. 54 Уголовного кодекса Российской Федерации (арест) заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. В случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца». Понятие «строгая изоляция» в данном нормативном акте не раскрывается, хотя даются некоторые положения, касающиеся его: передвижение без конвоя осужденных к аресту военнослу-

жащих не разрешается; осужденные пользуются правом ежедневной прогулки продолжительностью не менее одного часа; начальник гауптвахты вправе привлекать осужденных к труду и к занятиям по военной подготовке не более четырех часов в день, что отличает их от других категорий осужденных, находящихся на гауптвахте. Осужденным не предоставляются свидания, за исключением свиданий с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи. Не разрешается получение посылок, передач и бандеролей, за исключением содержащих предметы первой необходимости, продукты питания. [3, с. 176]

При исключительных личных обстоятельствах осужденным к аресту может быть разрешен телефонный разговор с близкими (п. 26 Правил). Никаких сколько-нибудь значительных различий в условиях отбывания наказания военнослужащими и гражданскими лицами не имеется.

К осужденным военнослужащим, как и к другим категориям лиц, отбывающих уголовное наказание, применяется специфическая система мер поощрения и взыскания с целью стимулирования примерного поведения и добросовестного отношения к военной службе. Эти меры разнообразны и способны не только удержать осужденного военнослужащего от неправомерных действий, но и обеспечить его успешное исправление.

В соответствии со ст. 153 УИК РФ и п. 27 Правил к осужденным военнослужащим могут быть применены следующие меры поощрения: благодарность, досрочное снятие ранее наложенного взыскания, зачет времени отбывания ареста в общий срок военной службы полностью или частично. Телефонный разговор, предоставляемый гражданским лицам в качестве поощрения, для военнослужащих не предусмотрен. Основанием применения данных видов поощрения является примерное поведение и добросовестное отношение к военной службе. Примерное поведение осужденного военнослужащего должно выражаться не только в правопослушном поведении, но и в проявлении активных форм участия в различного рода мероприятиях, проводимых в рамках гауптвахты. Естественно, у него не должно быть нарушений порядка отбывания наказания и наложенных за это взысканий.

Данное требование особенно важно, как показатель степени исправления осужденного, при решении вопроса о применении поощрения в виде зачета времени отбывания ареста полностью или частично в общий срок военной службы. Оно является достаточно значимым для военнослужащего в силу частичного восстановления ряда положенных ему по роду профессиональной деятельности льгот. В этом отношении немаловажную роль играет то, что правом применения мер поощрения и взыскания к осужденным военнослужащим пользуются военный комендант и начальник гарнизона. Однако право применения такого вида поощрения, как зачет времени отбывания ареста полностью или частично в срок военной службы, предоставлено лишь начальнику гарнизона. Это право связано с реализацией значительных интересов

военнослужащего — будет ли сокращен срок службы по призыву или контракту на время ареста или, наоборот, настолько же увеличен. [4, с. 177]

В качестве мер взыскания к осужденным военнослужащим, как и к отбывающим наказание в арестных домах гражданским лицам, могут применяться выговор или перевод в одиночную камеру на срок до 10 суток. Основанием применения мер взыскания к осужденному военнослужащему выступает нарушение порядка отбывания наказания. Конкретные виды нарушений определяются в нормативных правовых актах Министерства обороны Российской Федерации. Вид взыскания обуславливается не только тяжестью проступка и спецификой личности осужденного военнослужащего, но и педагогической целесообразностью с учетом обстановки и сложившихся на данной гауптвахте традиции.

Особенности правового положения осужденных военнослужащих, определенные ст. 154 УИК РФ, раскрывают карательную сущность ареста, которая обращена в значительной мере на будущее. Это особенно важно для лиц, связавших свою жизнь и судьбу с военной службой и заинтересованных в сохранении своего правового статуса именно как военнослужащего. Единственным материально значимым элементом для осужденных военнослужащих во время отбывания наказания является то обстоятельство, что денежное содержание им выплачивается лишь в размере оклада по воинскому званию. Это особенно ощутимо для офицерского и начальственного состава.

Время отбывания ареста в общий срок военной службы не засчитывается, что может неблагоприятно проявиться при выходе на пенсию по достижении предельных сроков службы или иным обстоятельством (болезнь, ранение, увечье и т. п.). Не засчитывается этот срок и при присвоении очередного воинского звания. В этом случае срок, необходимый для присвоения очередного воинского звания, как бы приостанавливается на срок отбывания ареста и возобновляется лишь после отбытия данного наказания. Кроме того, осужденные к аресту военнослужащие не могут быть представлены к присвоению очередного воинского звания, назначены на вышестоящую должность, переведены на новое место службы или уволены с военной службы. Исключение составляют случаи признания их не годными к военной службе по состоянию здоровья, тогда суд должен рассмотреть вопрос об освобождении такого лица от дальнейшего отбывания ареста либо о замене его другим видом наказания.

Арест имеется в санкциях практически половины статей главы 33 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за воинские преступления, в основном являющиеся

преступлениями небольшой и средней тяжести. Отличительной чертой конструкции санкций является установление максимально возможного высшего предела срока для данного наказания, за исключением ч. 1 ст. 346 — «Уничтожение или повреждение военного имущества», за это деяние арест назначается до 3-х месяцев. В большинстве статей нижний предел не установлен, что дает суду большую свободу выбора в каждом конкретном случае. Ни в одной статье арест не предусматривается, как наиболее строгое наказание, в каждом случае альтернативой служат содержание в дисциплинарной воинской части либо лишение свободы. Исключая ч. 1 ст. 337 — «Самовольное оставление части или места службы», где арест сроком до 6 месяцев — наиболее легкое наказание, во всех санкциях, где имеется арест, эту роль выполняют штраф или ограничение по военной службе. В общем же возможности применения ареста в отношении военнослужащих характеризуются повышенной карательной направленностью в сравнении с другими главами особенной части УК РФ, где предусмотрено это наказание. [5, с. 352]

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы: несмотря на то, что уголовное наказание в виде ареста по основным положениям, касающимся сроков и условий отбывания этого наказания для военнослужащих (за исключением места его исполнения), практически не отличается от аналогичного наказания для гражданских лиц, имеется целый ряд различий, обусловленных особенностями правового положения данной категории осужденных.

Важнейшей из этих особенностей является продолжение прохождения военной службы осужденным к аресту военнослужащим, на наш взгляд этот фактор несколько ослабляет карательный момент, в некоторой степени сближая арест с условиями отбывания дисциплинарных взысканий.

Вместе с тем он дополнительно стимулирует стремление осужденного к исправлению, восстановлению своего социального статуса и быстрому включению в общественную жизнь после отбытия наказания. Данной цели подчинены правила отбывания ареста, довольно подробно регламентирующиеся нормативными актами Министерства обороны Российской Федерации и обращенные в основном на дальнейшее прохождение военной службы после окончания срока наказания.

Большое значение имеет также реальное наличие учреждений, в которых предполагается исполнение ареста в отношении военнослужащих, что, несомненно, исключает целый ряд проблем, в основном финансово-экономического характера, связанных с устройством арестных домов.

Литература:

1. Мисковский, В.Ю. О Правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими. [Текст]/В. Ю. Мисковский — М.: Военное дело, 2014. — 199 с.
2. Бидова, Б. Б., Бессонова С. И., Гаджаева А. К., Егизарова С. В. Право: Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 292 с.

3. Комментарий к УИК РФ/Под ред. А. И. Зубкова. — М.: Изд-во Норма, 2008. — с. 318.
4. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196 с.
5. Бидова, Б. Б. Понятие, сущность и содержание ареста в уголовном праве России [Текст]/Б. Б. Бидова // Молодой ученый. — 2015. — № 18. — с. 351–354.

Наказание в виде ареста: порядок, условия исполнения и отбывания

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В юридической литературе время введения уголовного наказания в виде ареста рассматривается по-разному. Арест как мера наказания известен российскому уголовному законодательству довольно давно.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. он был самым низшим видом лишения свободы и подразделялся по срокам: от трех недель до трех месяцев; от семи дней до трех недель; от трех до семи дней; от одного до трех дней. Порядок его отбытия зависел от социального положения виновного. Так, не освобожденные от телесных наказаний или избавленные от них по особым постановлениям отбывали арест в помещениях при полиции, пользующиеся правами состояния — в тюрьме, дворяне и чиновники (лица, достигшие классовых чинов на государственной службе) — при тюрьме, на военной гауптвахте, в собственных квартире или в домах того служебного ведомства, где они трудились.

Применялся арест за малозначительные преступления — недонесение о богохульстве, самоуправство и др. Из 2043 статей 304 назвали арест в качестве санкции. При невозможности применения он заменялся розгами. По Уголовному Уложению 1903 г. арест назначался на срок от одного дня до шести месяцев, а в случаях, оговоренных законом, до одного года. Осужденные содержались в арестных домах. Лица, приговоренные к аресту на срок свыше семи дней, могли по определению суда отбывать его по месту жительства. Офицеры — на гауптвахте. При этом осужденные на срок менее семи дней работали только по желанию, остальные трудились, выбирая себе работу, которая могла быть допущена в арестном помещении.

В первые годы советской власти термин «арест» употреблялся в ряде декретов, но обозначалось ли им лишение свободы или самостоятельное наказание — неизвестно. Наука уголовного права по-разному толкует указанное явление. Так, одни ученые полагали, что в большинстве законодательных актов этого периода лишение свободы связывается с принудительными работами, поскольку других видов лишения свободы законодательство этого времени не знало.

Например, Е. Н. Зайцева считает, что «трудно дать научное объяснение установлению нового наказания в виде

ареста. Он предусмотрен за преступления небольшой тяжести, и если он будет применяться, то как правило, к лицам, не представляющим большой опасности для общества. Арест будет применяться только в целях устрашения преступников, т. е. для юридического исправления. Для содержания арестованных должны быть построены арестные дома. Если осужденные к аресту будут содержаться в общих помещениях, то это будут краткосрочные курсы повышения преступной квалификации, т. е. обмена опытом, знаниями, установлениями связей и т. п. Следовательно, арестованных нужно будет содержать в одиночных камерах. А это будет обходиться государству дорого с точки зрения экономики, и, конечно же, отрицательно скажется на физическом и психическом состоянии арестованных». [1, с. 46]

Заметим лишь, что осужденные к аресту не могут содержаться в общих помещениях, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 69 УИК РФ на осужденных распространяются условия содержания, установленные для осуждения к лишению свободы, отбывающих наказания в условиях общего режима в тюрьме.

Таким образом, арест как уголовное наказание лишает осужденного возможности пользоваться большинством материальных благ, возможных в обществе, а также максимально, насколько это возможно при лишении личности свободы, ограничивает возможность выбора поведения при исполнении этого наказания. Осужденный ограничивается в свободе пользования гражданскими правами в полном объеме, однако не лишается их совсем, государство устанавливает определенный порядок их осуществления. [2, с. 352]

Ряд авторов считают, что в настоящее время вполне возможно применять уголовное наказание в виде ареста в отношении осужденных военнослужащих. Справедливо отмечается в юридической литературе, что в настоящее время «имеются все возможности для исполнения нового наказания в виде краткосрочного уголовного ареста в отношении военнослужащих всех категорий и ведомств, что никаких противопоказаний к этому не имеется. Позиция авторов о допустимости в настоящее время введения ареста, на наш взгляд, не вызывает сомнения. В настоящее время он впервые включен в систему уголовных

наказаний и состоит в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества — помещениях камерного типа. Арест назначается на срок от одного до шести месяцев. В случае замены обязательных или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца.

Администрация учреждения, исполняющего арест, вправе привлекать их к работам по хозяйственному обслуживанию помещений, предназначенных для лиц, отбывающих арест.

Военнослужащие содержатся на гауптвахте. Срок ареста в общий срок действительной службы и выслугу лет не засчитывается, осужденный не может представляться к очередному воинскому званию, назначаться на вышестоящую должность, переводиться к новому месту жительства и увольняться со службы, за исключением случаев непригодности к ней.

Арест — основная мера уголовного наказания, может быть назначен, когда указан в качестве такового (самостоятельно или в альтернативе с другими видами наказания) в санкции применяемой статьи УК. [3, с. 189]

Сроки ареста исчисляются в месяцах и днях. При назначении ареста осужденному, содержащемуся до судебного разбирательства под стражей, время этого содержания засчитывается из расчета день за день.

Наказание осужденных к аресту, а также лиц, которым это наказание назначено в порядке замены иного вида наказания, исполняют арестные дома. Арестные дома — учреждения уголовно — исполнительной системы и находятся в прямом подчинении ее территориальных органов. Они являются юридическими лицами и в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, владеют, пользуются и распоряжаются имуществом уголовно-исполнительной системы, являющимся федеральной собственностью.

Арестные дома создаются, реорганизуются и ликвидируются территориальными органами уголовно — ис-

полнительной системы по согласованию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Министерством юстиции РФ. Предельная численность осужденных, содержащихся в арестных домах, утверждается Правительством РФ в соответствии с санитарными нормами, устанавливаемыми законодательством Российской Федерации. Положение об арестных домах утверждается Правительством РФ.

К таким условиям в качестве основного следует отнести создание в составе учреждений уголовно — исполнительной системы Министерства юстиции РФ арестных домов с соответствующей инфраструктурой, обеспечивающей их функционирование.

Поскольку осужденные к аресту должны отбывать наказание в арестных домах, находящихся по месту своего осуждения, их необходимо создать в каждом субъекте Российской Федерации и городах федерального значения.

Лица, которым арест назначен в порядке замены иного вида наказания, могут быть направлены для отбывания наказания в арестные дома другого субъекта Российской Федерации. Решение о переводе осужденного в безопасное место или других мерах, устраняющих угрозу личной безопасности осужденного, принимает начальник арестного дома по заявлению осужденного либо по собственной инициативе. Под иными исключительными обстоятельствами, препятствующими дальнейшему нахождению осужденного в арестном доме, следует понимать угрозу жизни и здоровью других осужденных либо дестабилизацию деятельности учреждения, а также опасность возникновения чрезвычайной ситуации. Порядок перевода осужденных из одного арестного дома в другой определяется Министерством юстиции РФ.

Военнослужащие отбывают наказание в виде ареста на гауптвахте. Исполнение уголовного наказания в виде ареста осужденных военнослужащих регламентируется положениями гл. 19 УИК РФ.

Литература:

1. Зайцева, Е. Н. Цели наказания и средства их достижения в исправительных учреждениях: Дисс... канд. юрид. наук. — Краснодар, 1998. — 234 с.
2. Бидова, Б. Б. Понятие, сущность и содержание ареста в уголовном праве России [Текст]/Б. Б. Бидова // Молодой ученый. — 2015. — № 18. — с. 351–354.
3. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196 с.

Некоторые проблемы правового регулирования национализации земельных участков в Российской Федерации

Гринь Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;

Лебедь Юлия Александровна, студент

Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье проводится анализ понятия «национализация», отмечаются фактические проявления национализации в России, рассматриваются вопросы правовой регламентации и реализации норм законодательства данного принудительного прекращения прав на земельный участок, а также анализируются основные проблемы отсутствия закона о национализации.

Ключевые слова: *земельный участок, национализация, принудительное прекращение права собственности, деприватизация, публичная собственность.*

Новая российская государственность формируется в достаточно сложной общественно — политической обстановке: изменения экономической системы нашей страны в 90-е годы, становление и развитие многообразия форм собственности, в том числе и на землю, вхождение Республики Крым в 2014 году. Указанные явления породили необходимости рассмотрения вопросов правового регулирования оснований и порядка принудительного отчуждения земельных участков в государственную собственность, и в первую очередь вопрос о национализации.

Таким образом, проблематика деприватизации представляется дискуссионной и актуальной, чему свидетельствует множества примеров правоприменительной практики, неоднозначных научных дискуссий об институте деприватизации и существующая необходимость дальнейшего узаконивания данного института.

Национализацию необходимо рассматривать как с юридической, так и экономической позиции.

Экономисты рассматривают национализацию как отчуждение или передачу имущества частных лиц, компаний, предприятий, целых отраслей в собственность государства. Осуществляется как на основе государственных актов, так и выкупа государством имущества компаний, фирм, домашних хозяйств. Деприватизация чаще всего распространяется на отрасли производства, где ведение хозяйства на основе коллективной и частной собственности становится неэффективным, невыгодным, нерентабельным [1].

Юридическая наука же исходит из понимания того, что национализация — это мера социально-экономической политики государства, в силу которой имущество, находящееся в частной собственности, передается в собственность государства; одно из оснований прекращения права собственности. Право государства на деприватизацию частной собственности, в том числе и принадлежащей иностранцам, является бесспорной прерогативой суверенного государства. В демократических государствах деприватизацию производится только на основании закона и при условии адекватной компенсации собственнику национализированного имущества [2].

При этом национализация проводится в «публичных интересах», «общенациональных потребностях», «интересах всего общества» [3]. Одной из главных целей национализации является сохранение предприятий и других объектов производственной и социальной сферы, имеющих стратегическое значение для обеспечения национально-государственной безопасности страны или необходимых обществу. Сегодня, для большинства российских предприятий, характерно моральная и физическая деградация всего производства в целом. Согласно экспертным оценкам, около 80 процентов отечественных предприятий остро нуждаются в модернизации производства. Только с помощью государственного капитала и вмешательства его как нового участника, хотя бы, на определенный период, может быть проведено оздоровление всего производства в целом.

Кроме того, необходимо выделить и основные признаки национализации:

- обращение имущества (в том числе и земельных участков) в государственную собственность;
- возмездная основа;
- осуществление на основании закона;
- общенациональная потребность.

Говоря о национализации, безусловно, следует вспомнить исторический аспект. Союз Советских Социалистических Республик был первым государством, которое не только применило данный термин, но и на практике показало всему миру, в чем она заключается. При этом следует отметить разницу между национализацией в советский период и понятием, которое существует в действующем законодательстве [4]. Национализация 1917 года, основанная, как известно, на Декрете «О земле» (принятый II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917), не соответствует классическому пониманию данного института, так как осуществлялась с нарушением таких принципов как законность и возмездность. Что в дальнейшем привело к отмене её результатов в некоторых бывших республиках СССР [5].

Национализация вместе с приватизацией выступает основным механизмом перераспределения земельных ресурсов. Современным этапом национализации формально

принято считать начало действия 17-й главы Гражданского кодекса Российской Федерации, создавшей правовой фундамент для осуществления деприватизации.

Рассмотрим основные нормативные правовые акты, содержащие положения, закрепляющие основные характерные черты национализации.

Так, основания и порядок принудительного отчуждения имущества у частных собственников законодательно закреплён в международных нормативных правовых актах, являющихся частью правовой системы России в соответствии с частью 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации:

а) Всеобщая декларация прав человека, принятая 10.12.1948 года Генеральной Ассамблеей ООН, устанавливает, что никто не должен быть произвольно лишен своего имущества (статья 17);

б) статья 1 Протокола № 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 года закрепляет основные условия для принудительного прекращения права собственности, установив принципы общепольности и законности;

в) в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1962 года № 1803 (A/RES/1803 (XVII)) «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами» право народов и наций на неотъемлемый суверенитет над их естественными богатствами и ресурсами должно осуществляться в интересах их национального развития и благосостояния населения соответствующего государства.

Конституция Российской Федерации (ч. 3 ст. 35) определяет действия государства по лишению частной собственности как «принудительное отчуждение имущества для государственных нужд». В то же время в соответствии с п. 2 ст. 235 ГК РФ обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан или юридических лиц (национализация), производится на основании закона с возмещением стоимости такого имущества и других убытков.

К сожалению, на данный момент федеральный закон, регламентирующий порядок проведения национализации, до сих пор не принят. Данный вопрос остается открытым уже на протяжении более 10 лет. В настоящее время имеется несколько проектов деприватизации имущества [6].

При этом А. И. Коновалов отмечает, что их можно подразделить на 3 вида:

- первый соответствует Гражданскому кодексу Российской Федерации;
- второй — прокоммунистический;
- третий — носит социально-демократический характер [7].

Между тем, государство уже не раз прибегало к изъятию земельных участков в свою собственность. Одним из пре-

цедентов стала подготовка к проведению форума АТЭС во Владивостоке в 2012 году, однако здесь правительство в меньшей мере контактировало с частной собственностью. Крупнейшим землевладельцем оказалось Министерство обороны России, которое имело 382 военных городка и 100 тысяч га земли на данной территории. Передача осуществлялась с формулировкой: «Которые не используются сегодня в интересах Министерства обороны».

Особенно остро вопрос о законодательной регламентации порядка национализации встал в марте 2014 года, когда в состав Российской Федерации вошли Республика Крым и г. Севастополь. Сразу после этого, Государственный совет Республики Крым принял постановление: «О национализации имущества предприятий, учреждений, организаций агропромышленного комплекса, расположенных на территории Республики Крым», согласно которому национализируется то, что раньше принадлежало Украине (так как эти объекты остаются без надзора и управления, а для их нормального функционирования необходимо их переподчинить).

В собственность республики перешли такие ключевые объекты (автовокзалы, хлебокомбинаты, энергетика, стационарная связь, лечебно-оздоровительные комплексы, Ялтинская киностудия, земельные участки и многое другое), находившиеся в собственности не только Украины, но и ряда частных лиц, в том числе Коломойского И. В., Ахметова Р. Л., Тарута С. А. При этом изъятие происходило без выплаты денежных средств. Объясняется это не только репутацией отдельных из них, но и тем, что эти объекты были приобретены ими по значительно заниженной стоимости, которая не отражает действительной оценки имущества. А 16 сентября 2015 года Государственный совет Республики Крым принял постановление о национализации земельных участков, находящихся под ранее переданными в республиканскую собственность зданиями [8].

Национализация в целом, хоть и не предполагает соразмерных выплат или абсолютно законных конфискаций имущества, в конечном итоге дает положительные результаты. Национализация способствует улучшению производства, рационализации использования объектов, оздоровления экономической обстановки в целом. Но, отсутствие норм о национализации в гражданском, земельном и иных отраслях права неизбежно ведут к нарушению прав собственников.

Таким образом, считаем, что во избежание нарушения права собственности и в связи с необходимостью установления гарантий собственникам имущества, в том числе и земельных участков, при осуществлении национализации необходимо ликвидировать пробелы в праве и принять федеральный закон.

Литература:

1. Райзберг, Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. «Современный экономический словарь. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М. — 2011.

2. Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. — 2003.
3. Бублик, В. А. Публично — и частноправовые начала в гражданско — правовом регулировании внешнеэкономической деятельности. Автореф. на соиск. уч. стел. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. — с. 14; Дорофеева Ю. А. Национализация. Вопросы международного частного права. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Саратов, 2001. — с. 2.
4. Гринь, Е. А. Исторический процесс возникновения и развития норм о принудительном прекращении прав на земельный участок по российскому законодательству. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета Научный журнал КубГАУ. Краснодар: КубГАУ, 2014. — № 95 (01). — с. 1174–1191. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2014/01/pdf/45.pdf>
5. Синкявичус, В. Восстановление права собственности на национализированное имущество (опыт Литовской Республики) // Правоведение. 2005. № 1. — с. 36–49.
6. Проект Федерального закона N 24105–3 «Об обращении имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, в собственность Российской Федерации (национализации)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 03.11.2000) // СПС «КонсультантПлюс»; Проект федерального закона N 294272–3 «О национализации имущества юридических и физических лиц, отчужденного из государственной или муниципальной собственности в процессе приватизации» // СПС «КонсультантПлюс»; Проект Федерального закона N 194102–3 «Об обращении имущества в государственную собственность (национализации)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 01.04.2002) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Национализация имущества. Проблемы правового регулирования: монография/А. И. Коновалов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. — с. 10.
8. Интерфакс. Глава Крыма сообщил о национализации земли на объектах Коломойского [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/467062> (дата обращения — 25.09.15)

Участие граждан и общественных объединений в осуществлении общественного контроля за милицией в Советском государстве в 1917–1930 гг.

Зайцева Юлия Дмитриевна, аспирант
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,

В настоящее время широкое распространение получило такое понятие как «общественный контроль», что свидетельствует о возрастании роли гражданского общества, ведь право контроля является одним из основополагающих прав, которым наделяются люди в условиях демократического государства. Однако правовое регулирование данного института, а также порядок его реализации до сих пор находятся в процессе разработки. Особенный интерес вызывает осуществление общественного контроля за правоохранительными органами. В рамках реформирования системы органов внутренних дел вопросу контроля граждан и общественных объединений за деятельностью полиции уделяется большое внимание. Но для повышения эффективности проводимые реформы должны основываться на историческом опыте. В данном случае опыт организации общественного контроля за милицией 1917–1930 гг. представляет наибольший интерес.

Ключевые слова: общественный контроль, граждане, общественные объединения, милиция.

В современных условиях возрастают требования к укреплению правопорядка, улучшению защиты прав и законных интересов человека и гражданина. Это требует повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, прежде всего полиции. Концепция развития органов внутренних дел [1] предусматривает широкий комплекс мер, направленных на решение данной задачи. Важное место среди них отводится развитию различных форм и видов контроля за полицией, в том числе общественного контроля. В частности, в качестве первоочередных шагов намечается оживление работы общественных советов на всех уровнях системы МВД России;

активизация взаимодействия с общественными наблюдательными комиссиями; возобновление работы экспертных советов по основным направлениям деятельности органов внутренних дел с привлечением в них профильных ведущих ученых и ветеранов; развитие принципа открытости информации о работе МВД России и т. д.

Достижению данной цели может способствовать изучение исторического опыта. В рассматриваемый период, т. е. со времени создания советской милиции и до передачи ее в ведение ОГПУ СССР в 1931 г. (до формирования административно-командной системы управления, когда руководство милицией было строго централизовано, разо-

рваны ее связи с местными представительными органами власти) общественному контролю за милицией уделялось повышенное внимание.

Общественный контроль за милицией осуществлялся через различные каналы: административно-правовые секции местных Советов; участие представителей трудящихся в массовых ревизионных обследованиях и проверках; периодическую печать; профсоюзные организации милиции и т. д.

Основными формами общественного контроля за милицией в 1917–1930 гг. были:

1. Регулярные отчеты сотрудников милиции перед трудовыми коллективами;
2. Вывешивание специальных ящиков для жалоб граждан на деятельность милиции;
3. Контроль деятельности милиции через деятельность общественных формирований (Осоавиахим, Осодмил и т. д.); Широкое привлечение граждан к обсуждению личных и деловых качеств сотрудников в ходе чисток рядов милиции (1922–23 гг., 1929 г.);
4. Участие в комплектовании кадров милиции (проведение курса «коренизации» аппарата; «выдвиженчество» и др.)
5. Немаловажную роль в осуществлении общественного контроля играли средства массовой информации, в частности, периодическая печать. «Органам учета и контроля в их работе огромную помощь оказывает советская печать. На ее страницах постоянно публикуются результаты работы органов учета и контроля, что является предметом постоянного и всеобщего интереса советских людей». [2] В этой связи можно отметить выделение в периодике постоянных рубрик для освещения положения дел в милиции. Несмотря на финансовые трудности в 20-е гг. широкое развитие получила ведомственная печать. «Милицейские» газеты и журналы регулярно помещали критические материалы о деятельности милиции, знакомили общественность с существовавшими проблемами в сфере укрепления милиции и т. п.

В настоящий момент, на наш взгляд, наибольший интерес для исследования представляет такая форма общественного контроля как деятельность граждан и общественных объединений, поскольку в соответствии со ст. 50 ФЗ «О полиции»: «Граждане Российской Федерации, общественные объединения осуществляют общественный контроль за деятельностью полиции в соответствии с федеральным законом» [3], но конкретных форм осуществления и их регламентации нет. В связи с чем возникает вопрос о поиске оптимальной формы участия граждан в осуществлении данной деятельности. Для этого обратимся к историческому опыту.

В марте 1918 г. Совнарком, рассмотрев вопрос о милиции, предложил НКВД разработать положение о советской милиции как штатном государственном органе. 10 мая 1918 г. коллегия НКВД приняла решение: «Милиция существует как постоянный штат людей, исполняющих специальные функции». [4, с. 6] Правовое оформ-

ление рабоче-крестьянская милиция, как постоянный штатный государственный орган, построенный на профессиональных началах, получила в инструкции НКВД и НКЮ «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» от 12 октября 1918 г. [5, с. 12]

Между тем, власти не отказались от идеи привлечения общественности к охране правопорядка. Группы оказания помощи милиции стали создаваться в крупных промышленных городах уже в 1918–1922 гг. При местных Советах создавались административные комиссии, в состав которых входили представители общественности. Комиссии проверяли и контролировали работу местных подразделений милиции, а также оказывали им содействие в охране правопорядка. С 1926 года стали появляться Комиссии общественного порядка (КОПы). Они состояли из партийных и комсомольских активистов, рабочих и членов административных секций районных Советов. В декабре того же года декретом СНК РСФСР должностным лицам милиции было предоставлено право в случае необходимости привлекать граждан к задержанию хулиганов. Стали появляться Дружины по борьбе с хулиганством. Они создавались на добровольных началах по производственному принципу на фабриках и заводах и действовали при клубах предприятий. В них по рекомендации партийных, профсоюзных и других общественных организаций вступали «наиболее сознательные рабочие». Они действовали в тесном контакте с органами милиции. Работники милиции инструктировали дружинников, определяли их конкретные задачи, в необходимых случаях приходили им на помощь. [6, с. 93] В эти же годы организуются рабочие дружины, ударные бригады, отряды или инициативные группы по борьбе с хулиганством. Члены этих формирований специально обучались милицейскому делу.

Органы государственной власти всячески поощряли это движение граждан, предоставляя все больше полномочий общественникам. И это не случайно. Во второй половине 1920-х гг. в руководстве страны заговорили о низкой эффективности работы милиции и необходимости ее реорганизации. На IX Всероссийском съезде Советов вновь зазвучала идея о более широком привлечении общественности к охране правопорядка и борьбе с преступностью. Один из делегатов съезда даже заявил, что «...милиция у нас занимается исключительно пьянством и взяточничеством», и предложил ее ликвидировать, а «милиционную службу возложить на само население». [7, с. 242]

Весной 1928 г. нарком внутренних дел В. Н. Толмачев на Втором Всероссийском съезде административных работников представил общий план одного из первых шагов «по пути к действительно социалистическому преобразованию государственного аппарата, который должен состоять не из наемных чиновников»... [7, с. 242] Предлагалось, число кадровых работников милиции свести до минимума, а охрану порядка осуществлять переменным составом, комплектуемым из трудящихся в порядке общественной повинности. Эта идея была заложена в перспективный и пятилетний план НКВД. Одним из этапов

проведения реформ стало правовое оформление статуса Осодмилов Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» от 25 мая 1930 г. [8, с. 324]

Первые ячейки Осодмила возникли в ноябре 1928 года в крупном промышленном центре Урала — Нижнем Тагиле при рабочих клубах. Инициаторами их создания были наиболее сознательные рабочие — бывшие красногвардейцы, а также передовая часть молодежи — комсомольцы.

Работа Осодмила по охране общественного порядка проводилась в тесном контакте с органами милиции. Добровольные помощники имели специальную повязку и нагрудный значок. Дежурили члены Осодмила в нерабочее время, свои обязанности выполняли безвозмездно.

Деятельность осодмильцев содействовала не только улучшению общественного порядка, но и повышению производственной дисциплины и производительности труда: сократилось число прогулов, аварий, несчастных случаев. Осодмил способствовал и культурному развитию трудящихся. По вечерам на улицах стало безопаснее, и большее число рабочих, особенно женщин, начали посещать вечерние школы, курсы, кружки, клубы и другие культурно-просветительные учреждения.

Принципы организации, задачи и формы деятельности обществ содействия милиции регламентировались постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 25 мая 1930 г. «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска». Членами содействия милиции и уголовному розыску могли быть лица, достигшие 18-летнего возраста, пользовавшиеся избирательным правом и не состоявшие под судом и следствием.

Осодмильцы имели право:

— составлять протоколы о нарушениях обязательных постановлений, изданных местными исполкомами и Советами;

— принимать меры к прекращению нарушений общественного порядка в случаях, когда члены общества являются очевидцами таковых, извещать о них органы милиции или уголовного розыска и до их прибытия охранять следы преступления, если таковое имело место. [9]

Органы милиции, с согласия самих членов Осодмила, могли привлекать общественников к участию в рейдах по выявлению преступных элементов, к производству обысков в качестве понятых. Добровольцы дежурили в отделениях милиции, наблюдали за порядком в общественных местах. При исполнении своих обязанностей они пользовались правами должностных лиц, имели удостоверения и носили нагрудные знаки. В особых случаях Осодмильцам выдавалось огнестрельное оружие, которое подлежало сдаче по окончании дежурства. [9] Постановление предусматривало и возможность предоставления членам общества права постоянного ношения оружия.

В развитие Постановления СНК РСФСР от 25 мая 1930 г. НКВД РСФСР разработал Типовой Устав Осодмила. В нем конкретизировалось правовое положение

и структура Обществ содействия органам милиции и уголовного розыска.

Общества строились по производственному признаку. Их основу составляли ячейки, которые создавались на фабриках, заводах и в учреждениях. В состав ячейки входило не менее трех человек. Во главе ячеек Осодмила стояли старосты. Их избирали на общем собрании членов ячейки. Большие по численности ячейки разбивались на звенья во главе со старшими звеньев, являвшимися помощниками старосты ячейки. В крупных городах для объединения деятельности ячеек общества, расположенных на территории одного городского отделения милиции, организовывались участковые бюро общества.

Люди вступали в Осодмил, чтобы реально противодействовать преступности. Они работали на совесть, оказывая большую помощь в поддержании порядка на улицах городов и поселков. В некоторых районах более половины лиц, задержанных за хулиганство, приходилось на долю Осодмилов.

В качестве примера можно привести следующие данные. В 1929 г. в Тагильском округе действовало 84 ячейки общества содействия милиции, которые объединяли 1246 человек. За год помощниками милиции было выявлено 67 шинкарей, изъято 27 стволов огнестрельного оружия, раскрыто 102 кражи и два убийства. [10]

К концу 1930 г. общества содействия органам милиции и уголовного розыска стали неотъемлемой частью правоохранительной системы страны. Они представляли собой серьезную силу, способную оказать значительную помощь в охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Для Осодмильцев систематически организовывались занятия, учебные сборы и слеты. Ячейки Осодмила стали основным резервом для пополнения низового аппарата райотделов милиции хорошими, проверенными и достаточно подготовленными кадрами.

Таким образом, мы видим, что субъекты общественного контроля являются непосредственными участниками той деятельности, качество которой они призваны контролировать. Тесное взаимодействие осодмильцев с сотрудниками милиции при исполнении теми служебных обязанностей давало им возможность не только оценить качество проведения того или иного мероприятия, но и также работу каждого отдельного сотрудника или целых подразделений. А поскольку «Оперативное руководство и инструктирование членов общества осуществляется местными органами милиции и уголовного розыска» [9], то контроль осуществлялся и над руководящим составом органов милиции.

Обучение, теоретическая подготовка, инструктирование членов осодмила имели большое значение не только для осуществления контрольных функций, но и для гарантии объективности оценки, поскольку субъекты контроля, обладая достаточным уровнем знаний, могли дать оценку правомерности действий сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей, а также их профессиональной компетентности.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что для успешного осуществления своих функций государству необходимо единство органов государственного и общественного контроля. Изучение исторического опыта, а конкретно периода 1917–1930 гг. показало нам одну из оптимальных форм осуществления общественного контроля за правоохранительными органами. Ведь

содействие милиции означало также более полное ознакомление с ее структурой, подразделениями, входящими в ее состав, а также задачами, стоящими перед ней. А понимание в свою очередь является основой объективности оценки деятельности, чего не хватает современным органам общественного контроля в данной сфере.

Литература:

1. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. Интернет-портал «Российской Газеты» 4.02.2013 URL <http://www.rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok>.
2. В. И. Ленин Полное собрание сочинений. Электронный ресурс URL <http://leninism.su/works.html>
3. О полиции: ФЗ [от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ] [Электронный ресурс] // Гарант: справочная правовая система. Сетевая версия. — М.: НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС», 1990. — Режим доступа: Компьютер. Сеть домашняя, свободный.
4. Малыгин, А. Я., Мулукаев Р. С. НКВД — МВД Российской Федерации. М, 2000. С 6.
5. Инструкция по организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции. Казань, 1918. с. 12.
6. Советская милиция: история и современность. 1917–1987 гг. М., 1987. с. 93.
7. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. с. 242.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1930. № 25. Ст. 324.
9. Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 25 мая 1930 г. «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска». Электронный ресурс URL <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=23977>.
10. Энциклопедия силовых структур. Электронный ресурс. URL <http://magweb.ru/history/theme/714.html>.

Проблемы правового регулирования оказания стоматологических услуг и пути их решения

Залевская Екатерина Станиславовна, магистрант
Тюменский государственный университет, Сургутский институт управления (филиал)

На современном этапе развития российского общества особую актуальность приобретают вопросы правовой охраны главных ценностей человека его жизни и здоровья. Законы и иные нормативные акты представляют весьма важными инструментами, посредством которых может быть реализовано право гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленные в Конституции России. Реальное обеспечение конституционного права человека и гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь, предусмотренное статьей 41 Конституции РФ [1] в условиях, происходящих в нашей стране социально-экономических реформ и потрясений последних лет является чрезвычайно сложной проблемой. Это относится и к такому массовому виду медицинского обслуживания, каковым является стоматологическая помощь. Значение данного сектора охраны здоровья проявляется в высоких, и при этом не имеющем тенденции к снижению, показателях стоматологической заболеваемости населения. Болезни зубов и полости рта являются самым распространенным видом патологии че-

ловеческого организма. Практически все люди (98–99%) с раннего детства и до глубокой старости нуждаются в тех или иных видах и объемах стоматологической помощи. Поэтому как в развитых, так и в развивающихся странах мира стоматологическая служба потребляет примерно 10% и более всех финансовых ресурсов здравоохранения. В России же финансирование стоматологической помощи в основном обеспечивается прямыми платежами самих пациентов, а государство выделяет на эти цели менее 4% от общего объема т. н. консолидированного бюджета здравоохранения.

Одной из актуальнейших проблем современности является недооценка важности конструктивного подхода к подготовке врачей-юристов и разработке индивидуализированных гражданско-правовых договоров в практической стоматологии органами управления здравоохранением и законодателем. Частично это вызвано тем, что организационные решения в органах исполнительной власти, как правило, принимаются людьми, не имеющими достаточных знаний в области стоматологии и представ-

ляющими в основном иные базовые врачебные квалификации (врачи-терапевты, санитарные врачи, педиатры). Полагаем, для решения данной проблемы требуются врачи-юристы. Магистратура как способ получения второго высшего образования способна восполнить этот пробел. Более того, частично обучение должно быть оплачено магистранту-врачу за счет средств региональных органов управления здравоохранением. Этот же орган требуется наделить правом направления способных врачей различной специализации в определенные юридические вузы страны для получения второго высшего юридического образования.

Не соответствие уровня правового обеспечения в деятельности здравоохранения требованиям времени является фактом, не требующим доказательств. Представляется возможным согласиться с аргументированным мнением президента стоматологической Ассоциации России, главного стоматолога Минздрава Российской Федерации профессора В.К. Леонтьева о том, что «серьезная законодательная и распорядительная база, которая могла бы стать основой работы здравоохранения в новых, рыночных условиях хозяйствования, еще не создана. Фактически отечественная система здравоохранения в новых условиях функционирует, зачастую используя старые методы, опираясь на прежние, главным образом подзаконные, нормативные акты, руководствуясь устаревшими подходами и стереотипами. Отчасти это обусловлено тем, что руководство здравоохранением и принятие управленческих решений в основном осуществляется прежней номенклатурой» [2].

Известную долю ответственности за несовершенство нормативной базы здравоохранения наряду с законодателями и чиновниками должны нести и представители отечественной юридической науки, в центре внимания которых зачастую находятся вопросы правового регулирования более конъюнктурных, чем медицина, сфер деятельности, как, например, банковская, внешнеэкономическая или страховая.

В настоящей статье предпринята попытка не только предложить способ обеспечения медицины врачами-юристами, но и обосновать некоторые предложения по совершенствованию действующего в этой отрасли законодательства, выработанные на основании собственного опыта автора, являющегося врачом-стоматологом со стажем 6 лет 8 месяцев и магистрантом-юристом.

Под индивидуализированными гражданско-правовыми договорами мы понимаем такой гражданско-правовой договор, заключенный между врачом-стоматологом и пациентом на основе типового договора присоединения, который отражает особенности отношений именно по поводу частного конкретного заболевания с учетом индивидуальных особенностей конкретного пациента.

Определяющими при создании нового правового механизма регулирования рыночных отношений в области оказания медицинских услуг остаются нормы гл. 39 Гражданского кодекса Российской Федерации «Возмездное

оказание услуг» [3], но они порождают некоторую неопределенность в регулировании рассматриваемой сферы общественных отношений. Полагаем, что наряду с формированием общей правовой базы, необходимо принятие специальных правовых актов, отражающих специфику стоматологической деятельности, без которых невозможно разрешение сложных нестандартных ситуаций. Наиболее универсальным и оптимальным способом формирования прав и обязанностей врача стоматолога и пациента является гражданско-правовой договор об оказании стоматологических услуг. В российской медицинской практике договорный порядок отношений между врачом и пациентом — явление сравнительно новое, в силу чего недостаточно исследованное.

В формировании рассматриваемых договорных отношений определяющим является способ заключения договора с массовым потребителем. Целесообразно применение договора присоединения (ст. 428 ГК РФ) [3]. Но такое требование исключает возможность для сторон в договоре присоединения формулировать иные условия по их соглашению. Именно в стоматологии конкретизация договора присоединения имеет актуальное значение в силу возможности индивидуального подхода к лечению и выбора пациентом как перечня необходимых действий врачом препаратов для лечения. Это значительно усложняет процесс заключения договора и оформления договорных отношений.

Лицо, оказывающее стоматологические услуги вынуждено для каждого их вида разрабатывать отдельные формуляры или иные стандартные формы. Лицо, намереваясь получить соответствующую медицинскую услугу, подписывая такой формуляр должно иметь возможность выбрать количество и вид услуг и согласовывать сумму оплаты.

Наличие обязательного гражданско-правового договора на оказание стоматологических услуг позволит решить и проблему ответственности.

Одной из важных проблем правового регулирования стоматологических услуг является правовое закрепление повышенного характера (независимо от вины) как договорной, так и внедоговорной ответственности исполнителя медицинских услуг. Очевидно, что такая позиция законодателя вызвана необходимостью обеспечить более надежную правовую защиту слабой в экономическом смысле стороне обязательства — потребителю. Но правила о повышенной ответственности оказывают негативное воздействие на исследуемые отношения, особенно в условиях низкого уровня оказания медицинской помощи, несовершенства ее организации, недостаточного финансирования государства нужды здравоохранения, зарождающегося и еще не окрепшего сектора частной медицины, отсутствия развитой конкуренции на рынке медицинских услуг.

Договор об оказании стоматологических услуг, в отличие от договоров об оказании иных видов услуг, со-

проводятся вынужденными обстоятельствами обособленного риска, правомерным причинением повреждений получателю услуги. Существенно отличается регулирование вопроса о качестве составляющих медицинскую услугу действий, которое чаще определяется объективными (не предписанными и не согласительными) критериями. Хотя полагаем, что положения об ожидаемом качестве оказанной стоматологической услуги могут быть закреплены в индивидуализированном гражданско-правовом договоре. Поэтому в договоре обязательно должна быть закреплена ответственность обеих сторон, а не только врача. В обязанности пациента для эффективного лечения входит четкое и регулярное исполнение предписаний врача. В противном случае врач должен быть освобожден от ответственности за не достижение ожидаемого результата.

Моральный вред может быть причинен не только врачом пациенту, но и последним врачу. В настоящее время законодатель презюмирует ответственность врача, что носит односторонний характер и не способствует созданию гармоничных отношений в данной сфере отношений, требующей доверительности для достижения эффективного лечения и скорейшего выздоровления.

Моральный вред, причиненный медицинским учреждением в результате нарушения прав, подлежит компенсации (при наличии вины учреждения) в размере, определяемом судом. Вина ответчика выражается в несоблюдении требований должной внимательности, забот-

ливости. Компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных пациентом убытков (п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 г. № 3 [4] в ред. от 06.02.2007 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [5]).

В настоящее время Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 15. отменено ранее действующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» [6]. Данный вопрос регулируется Федеральным законом от 21.11.2011 года № 323-ФЗ с изм., внесенными Федеральным законом от 04.06.2014 № 145-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7]. Но эта проблема заслуживает отдельного исследования.

В силу формата статьи мною были очерчены проблемы, но раскрыта лишь малая часть проблем правового регулирования оказания стоматологических услуг. Предлагаю уже сегодня начать их решать как путем совершенствования действующего законодательства, так и локальным гражданско-правовым регулированием через заключение индивидуализированных гражданско-правовых договоров на основании ст. 421 ГК РФ. Увеличение в данной сфере деятельности врачей-юристов позволит правильно сформулировать и законодательно решить множество вечных проблем, возникающих в отношениях врач-пациент.

Литература:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. № 237. 1993.
2. Сибирский медицинский портал www.sibmedport.ru
3. Гражданский кодекс Российской Федерации, издательство Норма, 2013 г.
4. Российская газета, 08 февраля 1995 г.
5. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66230/
6. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3827/#c6
7. Российская газета, 23 ноября 2011 г.

Условие о количестве подаваемой энергии как существенное условие договора энергоснабжения

Зимнева Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент;
Федосеева Анна Леонидовна, магистрант
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрен вопрос об одном из существенных условий договора энергоснабжения — условии о количестве энергии. Если договор энергоснабжения не позволяет определить количество подлежащей передаче энергии, такой договор не считается заключенным.

Ключевые слова: договор энергоснабжения, количество энергии, ограничение дееспособности, единая информационная система.

По общему правилу условие о количестве относится к числу существенных условий договора энергоснабжения. Если договор энергоснабжения не позволяет определить количество подлежащей передаче энергии, такой договор не считается заключенным. При этом судебная практика исходит из необходимости согласования не только годового, но и ежемесячного и ежеквартального количества подаваемой энергии (п. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 17 февраля 1998 г. N 30 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором энергоснабжения») [1].

В ст. 541 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее — ГК РФ) условие договора энергоснабжения о количестве подаваемой абоненту энергии определяется по-разному в зависимости от того, кто выступает в качестве последнего: физическое лицо или организация. В случае, когда абонентом по договору энергоснабжения выступает гражданин, использующий энергию для бытового потребления, он вправе использовать энергию в необходимом ему количестве.

Что касается договоров энергоснабжения, заключаемых с абонентами — организациями, то энергоснабжающая организация обязана подавать абоненту энергию через присоединенную сеть в количестве, предусмотренном договором, и с соблюдением режима подачи, согласованного сторонами. Количество поданной энергоснабжающей организацией и использованной абонентом энергии определяется в соответствии с данными учета о ее фактическом потреблении [3, с. 71].

Например, условие договора электроснабжения о количестве подаваемой энергии считается согласованным при соблюдении двух обязательных условий: в договоре должны быть предусмотрены, во-первых, количество киловатт — часов электроэнергии, подлежащей отпуску абоненту, и, во-вторых, величина присоединенной или заявленной мощности энергоустановки абонента. Дело в том, что суммарные договорные величины потребления электрической энергии и мощности не должны превышать производственных возможностей энергоснабжающих организаций по отпуску электроэнергии всем потребителям энергосистемы.

Следует уточнить, что количество различных видов энергии подлежит определению в соответствующих единицах измерения. Так, количество электроэнергии измеряется в киловатт-часах, количество тепловой энергии — в калориях, количество воды — в кубических метрах. Кроме того, специфические особенности потребления электроэнергии предопределяют необходимость согласования при заключении договора энергоснабжения не только количества подлежащих отпуску киловатт-часов, но и величины присоединенной или заявленной мощности отпускаемой электроэнергии. При этом суммарные договорные величины потребления электрической энергии и величины заявленной мощности, на подачу которых энергоснабжающая организация заключает договоры со своими абонентами, не должны превышать возможностей этой организации по производству или приобретению у производителей электроэнергии (мощности) в достаточном для снабжения всех своих абонентов количестве.

Кроме того, необходимо учитывать, что энергоснабжающие организации, как правило, являются субъектами естественных монополий, в отношении которых может применяться метод регулирования их деятельности. Суть этого регулирования состоит в определении категорий потребителей, либо подлежащих обязательному обслуживанию, либо для которых устанавливается минимальный уровень их обеспечения (ст. 6 Федерального закона «О естественных монополиях» [4]). Такое регулирование, по мнению Н.И. Клейн, может применяться при невозможности удовлетворить потребности соответствующего потребителя в энергии в полном объеме. В этом случае количество подаваемой энергии устанавливается в соответствии с заказом потребителя, но не менее того уровня, который определен органом регулирования естественных монополий [5, с. 154].

Исполнение условия договора энергоснабжения о количестве подаваемой энергии на стороне энергоснабжающей организации состоит в том, что она обязана обеспечить получение абонентом соответствующего количества энергии на его энергоустановку путем его подключения (доступа) через присоединенную сеть к мощностям энергосистемы. Надлежащее исполнение обязательства энер-

госнабжающей организацией предполагает также предоставление абоненту возможности получать энергию непрерывно, путем поддержания напряжения и тока в сети, независимо от количества фактически полученной абонентом энергии.

Особенности энергии как объекта договора энергоснабжения предопределяют своеобразие ее приемки абонентом по количеству. Естественно, в данном случае исключается возможность приемки энергии как обычного товара, т. е. путем визуального осмотра, подсчета единиц товара и т. п. Имеется жесткая зависимость между производством энергии и ее потреблением в каждый данный момент времени, позволяющая говорить о неразрывности технологического процесса производства и потребления энергии. Поэтому количество фактически принятой энергии может определяться исключительно по показаниям приборов учета. Данное обстоятельство особо отмечает А. М. Шафир [6, с. 59], который подчеркивает,

что споры между энергоснабжающей организацией и абонентом по количеству отпущенной энергии возникают обычно в виде оспаривания правильности показаний приборов учета. По его мнению, процедура определения количества поданной энергии и оспаривания правильности показаний приборов учета является, по существу, особой формой принятия энергии по количеству.

Договором энергоснабжения может быть предусмотрено право абонента изменять количество принимаемой им энергии, определенное договором, при условии возмещения им расходов, понесенных энергоснабжающей организацией в связи с обеспечением подачи энергии не в обусловленном договором количестве (п. 2 ст. 541 ГК).

Таким образом, количество подаваемой абоненту энергии является существенным условием договора энергоснабжения, заключаемого с абонентом — организацией. Договор энергоснабжения, в котором отсутствует данное условие, признается незаключенным.

Литература:

1. Обзор практики разрешения споров, связанных с договором энергоснабжения: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17 февраля 1998 г. N 30 // Вестник ВАС РФ. — 1998. — N 4. — с. 56.
2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: по сост. на 29 июня 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Григорьева, В. Сложности учета потребленной тепловой энергии и ТСЖ/В. Григорьева // Жилищное право. — 2012. — N 2. — с. 71–82.
4. О естественных монополиях: федеральный закон от 17 августа 1995 г. N 147-ФЗ: по сост. на 30 декабря 2012 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — N 34. — Ст. 3426.
5. Клейн, Н. И. Применение антимонопольного законодательства при рассмотрении арбитражным судом спора об изменении договора энергоснабжения // Комментарий судебно-арбитражной практики/под ред. В. Ф. Яковлева. — М.: Юридическая литература, 2012. — Вып. 18. — 250 с.
6. Шафир, А. М. Энергоснабжение предприятий (правовые вопросы)/А. М. Шафир. — М.: Юридическая литература, 1990. — 144 с.

Еще раз к вопросу о прецедентном характере решений Конституционного Суда РФ

Киракосян Артур Гарушович, магистрант

Научный руководитель: Николаева Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В статье проведен анализ природы решений Конституционного Суда Российской Федерации с точки зрения их прецедентного характера.

Ключевые слова: *судебный прецедент, Конституционный Суд РФ, судебное протворчество.*

Прецедент в его «классическом» понимании — это решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел [12, с. 759].

В соответствии с ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] Конституционный Суд РФ может признать закон или отдельную его норму не соответствующей Конституции РФ. В таком случае законода-

тель обязан принять новый закон, однако, как справедливо отмечает А. О. Подгаевский, на практике подобный закон принимается не сразу, а нередко и вообще не принимается [11, с. 4]. И здесь возникает вопрос: каким нормативным правовым актом должны регулироваться общественные отношения, которые раньше регулировались неконституционным законом? А. О. Подгаевский считает, что стоит руководствоваться Постановлением Кон-

ституционного Суда РФ. По его мнению, прецедент «фактически уже длительное время является неофициальным источником права. К нему обращаются так же часто, как и к нормам законодательства, судебный прецедент становится своего рода руководящим началом для юристов, адвокатов и судей». Данная точка зрения базируется, в первую очередь, на мнении Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который считает, что «решения Конституционного Суда по делам о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов высокого уровня имеют, по сути, нормативный характер (обладают нормативной силой) и как таковые приобретают прецедентное значение» [9, с. 4]. В самом деле решения Конституционного Суда РФ имеют много общего с прецедентами. Так, его решения распространяются не только на конкретный случай, но и на все аналогичные случаи и имеют официальный характер, делающий их реализацию обязательной на всей территории страны, поэтому правомерно говорить о том, что решения Конституционного Суда РФ имеют прецедентный характер, при этом, как подчеркивает В.Д. Зорькин решения Конституционного Суда не являются прецедентами в чистом виде, они лишь имеют определенные прецедентные свойства.

Существует и иная точка зрения, согласно которой суд, даже конституционный, не имеет полномочий издавать нормативные правовые акты, то есть заниматься правотворчеством, иначе будет нарушен принцип разделения властей, который закреплен ст. 10 Конституции РФ. Соответственно и его решения не являются судебными прецедентами. Сторонники данного тезиса апеллируют к тому, что ни в Конституции РФ, ни в каких-либо иных законодательных актах не содержится ни одной нормы, которая бы позволяла говорить о наличии у Конституционного Суда РФ правотворческих полномочий. Дискутируя на эту тему, Б.А. Единин приходит к выводу, что, несмотря на отсутствие, как в Конституции РФ, так и в правовой доктрине оснований, которые бы позволили с уверенностью сказать, что решения Конституционного Суда РФ являются источниками права, исследование его решений «указывает на систематическое присвоение последним функций законодателя» [7, с. 60].

По мнению М.И. Байтина, необходимо провести разграничение между такими понятиями, как «судебный прецедент как источник права» и «прецедент судебного толкования». По его мнению, самостоятельная правотворческая функция Конституционного Суда РФ, о которой ведется дискуссия в доктрине конституционного права «в действительности есть не судебное правотворчество в форме судебного прецедента, а судебное толкование права путем издания Конституционным Судом РФ актов официального, общеобязательного толкования» [цит. по: 10]. Нельзя согласиться с подобной точкой зрения, так как решения Конституционного Суда РФ объективно обладают признаками источников права, поэтому нельзя говорить, что в настоящее время Конституционный Суд не выполняет правотворческих функций.

Б.А. Страшун, в свою очередь, также отрицает прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ. По его мнению, решения Конституционного Суда, не являются прецедентами, даже если Суд разрешает конкретные дела о соответствии Конституции РФ тех или иных нормативных правовых актов, поскольку подобные дела разрешать никакой другой суд не компетентен. К тому же такие решения не являются прецедентами и для самого Конституционного Суда РФ в силу того, что подобные дела им не рассматриваются [цит. по: 6, с. 9].

Несколько иную позицию занимает Т.Г. Морщакова. Она полагает, что говорить о прецедентном значении Конституционного Суда «не вполне точно, поскольку прецедентное судебное решение обязательно только для решений по аналогичным делам. Решение же Конституционного Суда обязательно для всех дел, связанных с применением соответствующей нормы» [цит. по: 10].

Чтобы сделать вывод о том, являются ли решения Конституционного Суда РФ судебными прецедентами необходимо обратиться к признакам судебного прецедента [5, с. 295]:

1. Судебный прецедент должен быть создан именно судебными органами.

Безусловно, Конституционный Суд РФ является судебным органом, что подтверждается ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [3].

2. Он должен быть обязателен к применению в судах той же или низшей инстанций.

Принимаемые Конституционным Судом РФ решения в порядке осуществления конституционного контроля являются не просто актами правоприменения, они являются источниками права (в частности, это относится это к постановлениям Конституционного Суда РФ). Решения Конституционного Суда составляют вместе с Конституцией РФ единое целое. Кроме того, решения Конституционного Суда носят общеобязательный характер. Решения Конституционного Суда имеют одно очень важное качество: они обязательны для применения судами не только по аналогичным делам, но и при рассмотрении любых дел, которые так или иначе связаны с применением соответствующей нормы.

3. В своей основе он должен содержать правовое положение, которое сформулировано судом в рамках определенной процедуры и по итогам правовой аргументации позиций суда.

Процедура принятия решений Конституционный Судом РФ регламентируется ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также Регламентом Конституционного Суда РФ [4]. По итогам рассмотрения дела Суд выносит решение, в мотивировочной части которого содержится очень подробная правовая аргументация позиции Суда, поэтому правомерно говорить, что решения Конституционного Суда также удовлетворяют этому признаку.

4. Он подлежит официальному опубликованию в специальных изданиях, благодаря чему обеспечивается

общедоступность использования в сфере правоприменения.

Согласно 78 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» «постановления и заключения Конституционного Суда Российской Федерации подлежат незамедлительному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, которых касается принятое решение. Решения Конституционного Суда Российской Федерации публикуются также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации», а при необходимости и в иных изданиях».

Однако решение Конституционного Суда РФ нельзя назвать судебным прецедентом в классическом его понимании.

Следует согласиться с В.В. Захаровым, который в качестве аргументов называет три признака, отличающих решения Конституционного Суда РФ и «классический»

прецедент: «во-первых, отсутствие тождественности в процессе последующего применения решений Конституционного Суда, нет ни аналогичного применения права, ни аналогичного дела, поскольку Конституционный Суд РФ обладает исключительной компетенцией лишения норм силы; во-вторых, решение Конституционного Суда касается не только судов, но и всех правоприменителей; в-третьих, судебный прецедент, как правило, возникает в связи с рассмотрением конкретного дела. Решения же Конституционного Суда в первую очередь направлены на изменение норм права. Хотя Конституционный Суд РФ и принимает жалобу (запрос) от конкретного лица, в данном случае не происходит ни исследования фактических обстоятельств дела, ни разрешения спора об индивидуальных правах» [8, с. 27].

Таким образом, решения Конституционного Суда РФ, не являясь судебными прецедентами в чистом виде, обладают свойствами судебного прецедента, что обуславливает их исключительную юридическую природу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 04.06.2014) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
4. Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 08.07.2014) // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2011.
5. Васильева, Т.А. Понятие и признаки судебного прецедента как источника права/Т.А. Васильева // Вектор науки ТГУ. — 2010. — № 3 (13). — с. 294–296.
6. Гошуляк, В.В. Решения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источник права/В.В. Гошуляк // Законодательство и экономика. — 2007. — № 9. — с. 9–18.
7. Едидин, Б.А. О допустимости судебного правотворчества/Б.А. Едидин // Юрист. — 2004. — № 11. — с. 57–60.
8. Захаров, В.В. Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права/В.В. Захаров // Журнал российского права. — 2006. — № 11. — с. 25–31.
9. Зорькин, В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации/В.Д. Зорькин // Журнал российского права. — 2004 — № 12. — с. 3–9.
10. Малюшин, А.А. Правотворческие проявления Конституционного Суда РФ/А.А. Малюшин // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2006.
11. Подгаевский, А.О. Значение судебного прецедента в России/А.О. Подгаевский // Арбитражный и гражданский процесс. — 2011. — № 11. — с. 2–6.
12. Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия. Издание 6-е, дополн. и перераб./Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. — М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2014. — 1088 с.

К вопросу о понятии «управляющая организация»

Ковалева Наталья Васильевна, магистрант
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрен правовой статус управляющей организации. С учетом состава субъектов, которые могут выступать в качестве управляющей организации предлагается внести изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: управляющая организация, договор, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель.

Договор управления многоквартирным домом регулирует отношения между двумя сторонами, одной из которых является управляющая организация.

Статья 162 Жилищного кодекса Российской Федерации [1] (далее — ЖК РФ), посвященная договору управления многоквартирным домом, не содержит указания о том, кто может выступать в качестве управляющей организации.

Некоторую ясность в правовой статус управляющей организации вносит п. 4.2. ст. 20 ЖК РФ, согласно которой основаниями для проведения внеплановой проверки являются поступления обращений и заявлений граждан о фактах нарушения требований к порядку принятия собственниками помещений в многоквартирном доме решения о выборе юридического лица независимо от организационно-правовой формы или индивидуального предпринимателя, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирным домом (далее — управляющая организация), в целях заключения с управляющей организацией договора управления многоквартирным домом.

Согласно п. 15 ст. 155 ЖК РФ наймодатель жилого помещения, управляющая организация, иное юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которым в соответствии с настоящим Кодексом вносится плата за жилое помещение и коммунальные услуги, а также их представитель вправе осуществлять расчеты с нанимателями жилых помещений государственного и муниципального жилищных фондов и собственниками жилых помещений.

Кроме того статья 165 ЖК РФ, устанавливает, что в целях создания условий для управления многоквартирными домами органы местного самоуправления обеспечивают равные условия для деятельности управляющих организаций независимо от организационно-правовых форм.

Таким образом, управляющей организацией является юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, осуществляющий управление многоквартирным домом.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 06.02.2006 N 75 «О порядке проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквар-

тирным домом» [2] «управляющая организация» — юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, которые осуществляют управление многоквартирным домом на основании результатов конкурса.

Следовательно, закон допускает возможность привлечения в качестве управляющей организации индивидуального предпринимателя. Однако, данный способ является сомнительным. Так, отдельные авторы полагают, что управляющая организация должна обладать только статусом юридического лица.

По мнению Ю.П. Свита, если бы законодатель предусматривал осуществление деятельности по управлению многоквартирными домами, как юридическим лицом, так и гражданином-предпринимателем, то в ст. 161, 162 ЖК РФ использовалось понятие «лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность» [3, с. 25].

По справедливому замечанию Л.А. Юрьевой, использование законодателем понятия «организация» для обозначения стороны рассматриваемого договора представляется не совсем удачным. Дело в том, что согласно общепринятому пониманию организация представляет собой некое объединение отдельных лиц, общественных групп или государств, имеющее четкую структуру и определенные задачи, программу действий. В правовом поле термин «организация» традиционно прилагается к понятию «юридическое лицо». Такое значение исключает обозначение деятельности по управлению многоквартирными домами индивидуальным предпринимателем в качестве организации. В связи с этим очевидна необходимость внесения изменений в действующее законодательство [4, с. 57].

Следует отметить, что вопрос о возможности осуществления деятельности по управлению многоквартирным домом индивидуальным предпринимателем тесно связан с содержательной стороной этой деятельности. Поскольку предметом договора управления многоквартирным домом является оказание услуг управления, включая организацию и координацию обслуживания многоквартирного дома, контроль за его качеством и т.д., роль субъекта управления вполне под силу и индивидуальному предпринимателю.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что деятельность по управлению многоквар-

тирными домами по своей сути является предпринимательской. На наш взгляд, предоставление возможности осуществлять деятельность по управлению многоквартирными домами юридическим лицам независимо от организационно-правовой формы, то есть и некоммерческим организациям, не соответствует идее организации профессионального управления, закрепленной в программных документах реформы жилищно-коммунального хозяйства.

В настоящее время законодатель устанавливает квалификационные требования к субъектам, осуществляющим деятельность по управлению многоквартирными домами. Так, согласно ст. 192 ЖК РФ деятельность по управлению многоквартирными домами осуществляется управляющими организациями на основании лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, выданной органом государственного жилищного надзора на основании решения лицензионной комиссии субъекта Российской Федерации. Это еще раз подтверждает возможность создания управляющей организации только в форме субъекта предпринимательской деятельности [5, с. 236].

Осуществление предпринимательской деятельности является основной целью создания и деятельности коммерческих организаций. Согласно ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации [6] (далее — ГК РФ)

юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации). Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Как показывает практика создания управляющих организаций многоквартирными домами в форме юридического лица, управляющие организации создаются в организационно-правовых формах хозяйственных обществ: акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью.

Таким образом, в законодательной корректировке нуждается наименование «управляющая организация». Представляется, что наименованием, наиболее адекватно отражающим как субъектный состав на рассматриваемой стороне договора, так и суть осуществляемой деятельности, является словосочетание «управляющий многоквартирным домом».

Также необходимо скорректировать нормы о субъектах, которые могут выступать в качестве управляющей организации в договоре управления многоквартирным домом, исключив из них некоммерческие организации.

Литература:

1. Жилищный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ: по сост. на 13 июля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1. — Ст. 14.
2. О порядке проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом: постановление Правительства РФ от 06.02.2006 N 75: по сост. на 04 марта 2015 г. // Российская газета. — 2006. — N 37.
3. Свит, Ю. П. Договор управления многоквартирным домом: заключение, содержание / Ю. П. Свит // Жилищное право. — 2007. — N 3. — с. 21–29.
4. Юрьева, Л. А. Договор управления многоквартирным домом: монография / под ред. И. Д. Кузьминой. — М.: Юстицинформ, 2011. — 256 с.
5. Воронова, С. В. Правовое регулирование градостроительной деятельности и ЖКХ: учебное пособие / С. В. Воронова. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. — 260 с.
6. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: по сост. на 13 июля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

Особенности оформления гражданско-правовых договоров с физическими лицами

Кониная Татьяна Юрьевна, магистрант;

Научный руководитель Савченко Светлана Антоновна, доктор юридических наук, профессор
Тюменский государственный университет, филиал в г. Сургуте

Гражданский Кодекс Российской Федерации разрешает заключать гражданско-правовые договора с физическими лицами, а частности согласно ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель (работник)

обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик (работодатель) обязуется оплатить эти услуги.

До недавнего времени эта форма отношений в современной России оставалась очень удобной для работодателя. Именно данные виды гражданско-правовых отношений позволяя работодателю «проверить на прочность» будущего работника.

С 2015 года работодателям запрещено заключать с работниками так называемы «договора подряда», услуг, выполнение работ и т. п. в тех случаях, когда должен действовать полноценный «трудовой договор» [1, с. 17]. Опасность заключения таких договоров заключается прежде всего для работника. Дело в том, что данные договора называют «гражданско-правовыми» и регулируются они не Трудовым Кодексом РФ и Гражданским Кодексом. В случае нарушения прав работник может в данном случае спора обратиться только в суд. Что и делает «договор» очень выгодным для работодателя.

Однако автор Иван Школец, — заместитель руководителя Роструда считает: — Само по себе заключение гражданско-правового договора рисков для работника не содержит, это нормальный законный вид договора. Но при это работнику надо понимать: если ему предлагается выполнить какой-то конкретный объем работы вне зависимости от его профессии, то заключение гражданско-правового договора — это единственный законный вариант.

Плюсы от такого оформления взаимоотношений есть у обеих сторон. Компаниям такой работник обходится дешевле, ведь работодатель в данном случае не привязан в минимальному размеру оплаты труда, и к тому же на данную категорию работников не распространяются взносы в Фонд социального страхования. А работник в свою очередь чувствует себя свободно, он не привязан к конкретному рабочему месту. Но — и это уже минус — за такую свободу ему приходится «платить» отсутствием социальных гарантий.

За последние годы, все больше компаний, чтобы сэкономить, предпочитают «по максимуму» заключать гражданско-правовые договора. Даже в тех случаях, когда люди работают по факту постоянно, а не выполняют какие-либо разовые поручения, и услуги, либо подрядные работы.

По оценкам Минтруда сегодня за бортом легальных трудовых отношений остаются 7–8 млн. россиян. Работники чаще всего на такие «хитрые» схемы идут, потому что не всегда могут найти постоянную работу. Кроме того, далеко не все из них знают о «подводных камнях» подобного оформления на работу [3. С. 744,1276].

Конечно, не всегда можно абсолютно точно провести грань между обоими способами трудоустройства. И все же есть определяющие разницу критерии, о которых нужно знать и работодателям (что бы не налететь на штраф при проверке Роструда), и работникам.

Главной особенностью заключения гражданско-правовых договоров с физическими лицами является то, что трудовые договоры должны заключаться только тогда, когда человек работает по определенной должности, профессии которая указана в квалификационном справочнике, даже если эта работа выполняется в течении короткого времени, в том числе при выполнении сезонных

работ. Гражданско-правовой договор заключается тогда, когда необходимо выполнить какой-либо конкретный объем работ, оказать конкретную услугу вне зависимости от профессии или специальности, например: вырыть траншею, привести в порядок документы, посадить цветы не далеко от офиса, что-то куда-то отвезти в разовом порядке, — в таких случаях можно заключать гражданско-правовой договор.

Очень важной особенностью заключения таких договоров являются ее стоимость, если например, в Трудовом договоре указывается должностной оклад и прочие надбавки к заработной плате, то в гражданско-правовом договоре конкретная сумма, а именно ««За выполненную работу предусмотренную договором «Заказчик» оплачивает «Исполнителю» денежно вознаграждение в размере...

Другой важной особенностью является срок действия договора при такой оплате, если «Заказчик» устанавливает конкретный срок на выполнение данного объема работ, то «Исполнитель» получит денежное вознаграждение в полном объеме только после выполнения работы, а не как в Трудовом договоре 2 раза в месяц и конкретного числа.

Особенностью можно и назвать так называемый «Режим рабочего времени» вот именно здесь не возможно доказать факта «переработки», так как есть объем выполненных работ и срок выполнения, а тут как, говорится работой когда тебе угодно, лишь бы в назначенный «день» работа была выполнена. Именно, этой особенностью озадачена Ирина Невинная, автор утверждает, что многие работодатели пользуются очень удобной формулировкой «Заказчик самостоятельно устанавливает время и интервалы между работами». При данной формулировке очень сложно доказать а сколько именно работает такой работник в день.

При проверках Государственной Инспекции труда ХМАО-Югра, было выявлено что на одной из строительных организаций люди трудились по 14 часов без отдыха, и доказать факт переработки государственному органу было очень проблематично, нарушений существенных условий договора не было выявлено.

Не маловажным фактом при выполнении работ по гражданско-правовому договору является и тот факт, что «Исполнитель» обязан использовать для выполнения какой либо работы или услуги свои собственные «материалы». Рассмотрим один пример. Для выполнения работ по раскопке траншеи «Исполнитель» обязан принести собственный инвентарь, а в данном случае лопату, и обеспечить себя самостоятельно СИЗ (средствами индивидуальной защиты).

В настоящее время законодательство Российской Федерации ужесточает ответственность за заключение гражданско-правовых договоров с физическими лицами, а именно вводят достаточно серьезную административную ответственность за заключение договора ГПХ штраф от 30 до 50 т. руб. Но даже при таких цифрах год от года меньше их не становится.

Литература:

1. Гражданский Кодекс. Часть первая, вторая, третья и четвертая. — М.: Проспект, КНОРУС, 2012 г.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный)/отв. ред. О.Н. Садилов. — 2-е изд., испр. и доп., с исп. судебной-арбитражной практики. — М.: КОНТАКТ, ИНФРА-М, 2005. — 940 с.
3. Каллиома, Л. Без выходного пособия. Компании переводят сотрудников с трудовых договоров на гражданско-правовые // Российская газета. — 01.09.2015. — № 215. С 9.
4. Невинная, И. Договор дороже денег. За умышленную подмену трудовых договоров на гражданско-правовые будут штрафовать. // Российская газета. — 22.04.2014. — № 316. С 3.
5. Слепов, А., Кравцов И. Начальник заплатит с лихвой // Российская газета. — 04.08.2014. — № 64 — с. 12.
6. <http://git86.rostrud.ru/links/>

Месть и возмездие в доктрине советского уголовного права

Крюков Владислав Валерьевич, аспирант
Саратовская государственная юридическая академия

Советское уголовное право исходило из материалистических позиций и отказывалось от возмездия как цели наказания. М.Д. Шаргородский подвергал резкой и обстоятельной критике ретрибутивные идеи, которые, по его мнению, поддерживают «наиболее реакционные элементы капиталистического мира», а сами эти идеи, писал учёный, очень живучи и порой находят отклик в сердцах прогрессивных людей. Учёный полагал, что достижение цели возмездия сводится к причинению страданий виновному, а посему об эффективности наказания говорить не приходится, ведь любое наказание несёт с собой страдание в той или иной мере, а значит, и указанная цель достигается автоматически [10, с. 6; 25; 29]. На наш взгляд, подобная точка зрения — это упрощение. К примеру, нельзя назвать справедливым чрезвычайно жёсткое, а также мягкое наказание. Последнее должно соответствовать преступлению, так как только в таком случае цель возмездия может быть достигнута, только в этом случае социальная справедливость будет восстановлена.

И.С. Ной считал, что уголовное наказание в советском праве свободно от возмездия и преследует цели перевоспитания и исправления лиц, совершивших преступное деяние, общего и специального предупреждения [5, с. 104].

Подвергнутая суровой критике идея возмездия не ушла в небытие. Так, Б.С. Утевский был первым среди советских учёных, кто рассматривал возмездие как цель уголовного наказания [4, с. 86]. А.М. Яковлев [10, с. 30], Ю.Д. Блувштейн [1, с. 48] и В.М. Коган [4, с. 91] высказывали мысль о том, что наказание должно восстанавливать справедливость, что, конечно же, направляет наказание к возмездию. Н.А. Беляев и В.Г. Смирнов последовательно доказывали, что одной из целей уголовного наказания в советском праве является возмездие наряду с исправлением и перевоспитанием [3, с. 138], а А.Н. Тарбогаев и Л.И. Спиридонов называли его в ка-

честве основной цели наказания [1, 48]. С.И. Дементьев утверждал, что указанная цель уместна только в двух случаях, а именно, когда применяется смертная казнь и когда возлагается наказание за неосторожное преступление в зависимости от тяжести его последствий [2, с. 26–27].

Чрезвычайно интересна теория эквивалентности уголовного наказания, сформулированная Е.Б. Пашуканисом. Суть этой теории состоит в том, что наказание рассматривается как форма товарооборота, в котором меновое отношение устанавливается *post factum*. Исторически, вырастая из мести, которая через обычаи становилась возмездием, наказание сначала имеет цель пополнения казны и поддержания дисциплины, а затем охрану привилегий господствующего класса. С появлением социалистического государства целью становится социальная оборона от преступности, а также исправление преступников и иные полезные цели. Но эквивалентность наказания, в том виде, в котором её видел учёный, никуда не уходит. Она остаётся и наполняет деятельность, связанную с наказанием, мистическим смыслом, без которого её нельзя связать с уголовным правом. Учёный утверждает, что идея реформирования тюрем интересует лишь небольшую группу узких специалистов, а широкие массы волнует лишь соответствие тяжести наказания содеянному. Е.Б. Пашуканис полагал, что идея эквивалентности наказания умрёт лишь со смертью всей юридической надстройки [7, с. 158–181].

Начальник Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел СССР в период с 1969 г. по 1979 г. и выдающийся советский учёный И.И. Карпец, называя в качестве главной цели уголовного наказания защиту общества от преступника, полагал, что в ходе её реализации также достигаются иные цели, среди которых он указывал исправление и перевоспитание преступника, превенцию и кару. Учёный утверждал, что от последней в ходе дальнейшего развития общества следует отка-

заться. Также, стоит заметить, что И.И. Карпец отождествлял понятия «кара», «возмездие» и «воздаяние» [3, с. 140–141; 143–148]. В связи с этим, нельзя не упомянуть о том, что кара советскими учёными рассматривалась либо как содержание наказания, либо как его цель [4, с. 85–86]. Первые упрекали последних в том, что если следовать их логике, наказание — это самоцель [8, с. 39], что не удивительно, ведь они видели в каре содержание и логический круг в их глазах замыкался.

Ещё чаще в советской доктрине можно встретить смешение понятий «возмездие» и «месть» [10, с. 28]. Что, на наш взгляд, не является верным и поэтому мы хотели бы остановиться на трёх понятиях, которые тесно связаны между собой и которым особое внимание уделяется в советской доктрине уголовного права. Речь пойдёт о каре, мести и возмездии.

П.П. Осипов рассматривал кару как причинение вреда личным интересам осужденного [6, с. 68]. В целом мы с ним согласны, поэтому предлагаем понимать под карой те негативные последствия, которые несёт с собой наказание. Заметим, что эти же негативные последствия могут иметь место и в случаях мести. Приведём пример. Когда кто-либо убивает убийцу своего близкого человека в ходе самосуда, имеет место своеобразная смертная казнь, которая механически заключается в причинении смерти, и именно последнее будет тем негативным последствием, о котором мы говорим, в этом и состоит кара. Разумеется, подобный акт мести нельзя приравнивать к наказанию, и в связи с этим, обозначим это явление понятием «квазинаказание», дабы подчеркнуть его мнимость. Примером квазинаказания является месть в догосударственных первобытных обществах, деятельность организации Священные Фемы и других линчевателей, а также ряда террористических организаций. От наказания, прежде всего, указанное явление отличается тем, что оно устанавливается, назначается и исполняется не государством и его должностными лицами за действия и бездействие субъектов, совершивших в глазах индивида, рода, социальной группы опасное для последних деяние, которое зыблет справедливость в том свете, в котором они её видят. Отомстив, человек, как бы, восстанавливает эту попорченную личную справедливость, и только он сам знает, какую цену для этого должен заплатить виновный. И как раз в последнем заключается одна из опасностей мести, ведь мститель, упиваясь собственной болью, как правило, не знает меры.

Нельзя не отметить и тот факт, что месть попирает монополию государства на насилие. Чем же отличается месть от возмездия? По большей части, тем же, чем наказание отличается от квазинаказания. Во-первых, возмездие строго регламентируется правом, установленным государством. Но не это его главное отличие. Возмездие состоит в восстановлении не личной, а социальной справедливости. Местью ничто не заканчивается. Вернёмся к примеру с убийством. Человек, отомстивший смертью за смерть, сам становится убийцей в глазах близких людей убитого, а следовательно, они могут также вспылать же-

ланием восстановить свою личную справедливость. И это ввергает людей обратно в «войну всех против всех», о которой писал Томас Гоббс, ведёт общество назад к первобытному состоянию.

Напротив, восстанавливая социальную справедливость, государство ставит точку, примеряя всех. Поэтому, очень важно, чтобы правительство было не только легально, но и легитимно. Государство, которое несправедливо устанавливает, назначает и применяет наказание, не восстанавливает социальную справедливость, а нарушает её. Жан Жак Руссо полагал, что в случае подобного вырождения государства общественное соглашение считается разорванным, а все граждане получают естественную свободу, которая принадлежала им до образования государства [9, с. 216]. С этого момента и до установления легитимного правления нельзя и мыслить о возмездии.

Стоит заметить, что затронутая проблема очень сложна и вызывает множество вопросов. Приведём два в качестве примера. Может ли восстанавливать социальную справедливость применение нелегитимной властью наказания за общеуголовные преступления? Являются ли возмездием действия по свержению нелегитимного правительства? На наш взгляд, ответ на оба эти вопроса вполне может быть положительным, но каждый случай требует тщательного рассмотрения. К сожалению, в рамках данного исследования мы не можем уделить этой теме больше внимания.

Вернёмся к советским учёным. Почему же они приравнивают месть к возмездию? На наш взгляд, дело в следующем парадоксе. В СССР государство рассматривалось как классовое явление, проходящее ряд формаций. В каждой из формаций имелся господствующий класс. Возникает закономерный вопрос: какую справедливость восстанавливает классовое государство, применяя наказание: классовую (личную) или общесоциальную (социальную)? При выборе первого получается, что государство мстит, а при выборе последнего государство утрачивает признак классовости. Стоит заметить, что никогда не существовало, не существует, а возможно и не будет существовать государства, которое отстаивает только классовые или только общесоциальные интересы. Всегда есть некая пропорция. Однако марксизм в советской России был учением бескомпромиссным, одним из главных постулатов которого являлась классовость общества, ведь без неё формационный подход был несостоятельным. Следовательно, при таком подходе, государство могло защищать только интересы правящего класса. Учитывая, что философские вопросы проникают во все сферы науки, можно предположить, что придерживаясь классового понимания государства, многие советские ученые интуитивно решали рассматриваемый вопрос в пользу первого варианта и отказывались от возмездия как цели наказания, видя в нём месть.

Рассмотрение идей советских учёных — занятие не только чрезвычайно интересное, но и полезное. Созданный ими богатый научный материал не потерял актуальности и сегодня, не смотря на то, что наступила новая политико-правовая эпоха.

Литература:

1. Антонов, О.А. Восстановление социальной справедливости как цель реализации уголовной ответственности/О.А. Антонов // Юристъ — Правоведъ. — 2009. — № 5. — с. 45—48.
2. Дементьев, С.И. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты/С.И. Дементьев — Ростов: 1981. — 206 с.
3. Карпец, И.И. Социальные, правовые и криминологические проблемы/И.И. Карпец — М.: Юрид. лит., 1973. — 228 с.
4. Коган, В.М. Содержание наказания и его цели/В.М. Коган // Актуальные проблемы уголовного права — М.: 1988. — с. 82—91.
5. Ной, И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве/И.С. Ной — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. — 192 с.
6. Осипов, П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Аксиологические аспекты/П.П. Осипов — Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1976. — 135 с.
7. Пашуканис, Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства/Е.Б. Пашуканис — М.: Изд-во Наука, 1980. — 271 с.
8. Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права. Т. 3: Наказание./А.А. Пионтковский — М., Наука, 1970. — 349 с.
9. Руссо Ж.-Ж. Трактаты/Ж.-Ж. Руссо — М.: Наука, 1969. — 710 с.
10. Шаргородский, М.Д. Наказание, его цели и эффективность/М.Д. Шаргородский — Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1973. — с. 160 с.

Гипноз как способ совершения преступления

Мадлаева Фатима Вахаевна, магистрант
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

«Гипноз — это состояние, подобное сну, которое вызвано с помощью внушения и сопровождается торможением коры головного мозга». [1, с. 181.]

Гипноз известен человечеству уже несколько тысяч лет.

Своим происхождением слово Гипноз обязано древнегреческому богу Гипносу — бог сна, сын Ночи, брат Танатоса — бога смерти. Почему в название гипноза легло имя бога Гипноса утверждать сложно, но по приданию Гипнос испытывал сочувствие по отношению к смертным людям, попавшим в ад, и что бы облегчить страдания он усыплял грешников.

Гипноз — психическое явление, известное, по крайней мере, с тех пор, как существует человечество. Можно сказать, что самым первым методом психического лечения является именно гипнотерапия — это наука изучающая гипноз.

Первоначально гипноз использовали волхвы, маги, целители и в основном жрецы во время лечения, для того, чтобы ввести человека в сонное состояние. После совершения ритуалов, пациента убеждали в том, что он в скором времени выздоровеет и в дальнейшем такое убеждение влекло за собой улучшение состояния здоровья.

В различные периоды мировой истории на гипнотизм и связанные с ним явления, смотрели по-разному. Так же применяли гипноз, как с лечебной, так и иной целью.

У египтян гипнотические исцеления происходили в храме Сераписа. Для того, чтобы ввести человека в гипнотическое состояние, жрецы Древней Греции использовали монотонные звуки, музыку специальную, фиксация взора на блестящем предмете, а также поглаживание и возложение рук.

А австралийские аборигены использовали состояние транса для выполнения примитивных хирургических операций (например, ампутаций), а также для обезболивания родов.

Явления гипноза были известны и древним евреям как состояние, в котором человек «спит и не спит, бодрствует и не бодрствует, и, хотя отвечает на вопросы, но душой отсутствует». [2, с. 3.]

Гипноз на территории древней Руси широко использовался волхвами и в некоторых источниках упоминается о первых действиях использования гипноза датируемым, примерно 8 тысячами лет до Рождества Христова. Одни из первых упоминаний о гипнозе обнаружены на территории славянских племен. До сих пор одним из самых сильных направлений гипноза является Русский нетрадиционный гипноз.

У многих людей гипноз вызывает противоречивое отношение. Конечно, с одной стороны, гипноз способен исцелить душевные заболевания, но есть и другая сто-

рона, о которой нельзя забыть — которая таит в себе угрозу. Гипнотизер имеет полную власть над загипнотизированным и может использовать его в своих противоправных целях.

Ж. Льежуа отмечал, что субъект, приведенный в глубокий гипнотический транс, становится в руках гипнотизера «настоящим автоматом, как в нравственном, так и в физическом отношениях». Он видит, чувствует, думает и делает только то, что ему приказывают. «Чужая воля как бы изгоняет из его мозга его собственную, или, по крайней мере, чрезмерно суживает пределы ее власти, оставляя для бедной изгнанницы только те части ее господства, которыми она пренебрегает». [3, с. 46] Если гипнотизер замысливает совершить противоправное деяние, то он может использовать сомнамбулу в своих целях: гипнотизируемый может стать как объектом преступного посягательства, так и орудием в выполнении преступных намерений.

В уголовном праве гипноз может рассматриваться как вид психического принуждения и как способ совершения преступления.

Какую бы опасность не представлял для общества «криминальный» гипнотизер во многих случаях уголовную ответственность он избегает, так как преступления, совершенные с применением гипноза, характеризуются высокой латентностью. Для того чтобы не испортить свою репутацию жертвы гипнотизеров не обращаются в правоохранительные органы.

Криминальный гипноз — это терапевтические действия человека, направленные на совершения преступлений любого характера, для удовлетворения своей выгоды.

Лицо, которое не ведает что делает, которое не понимает значения своих действий и не руководит ими, не подлежит уголовной ответственности. Н. С. Таганцев считает, что такое лицо, которое совершает преступление по воле

гипнотизера, должно быть освобождено от уголовной ответственности.

Невменяемость в уголовном праве — это такое состояние человека, когда он не в полной мере сознает всю опасность своих действий, не может руководить ими, т. к. болен психическим заболеванием или другим патологическим состоянием собственной психики именно при совершении преступления. [4, с. 52] В понятии невменяемости существует два критерия — юридический и медицинский. По юридическому критерию загипнотизированный находится в руках гипнотизера как автомат и не может осознавать и руководить своими действиями. А медицинский критерий подразумевает болезненное состояние психики, однако гипноз таковым не является. Гипноз — особое психофизическое состояние. Это не сон и не бодрствование, и возникает он в результате внушения, а не заблуждения. [5, с. 194.]

Загипнотизированное лицо несет ответственность за совершенные им общественно опасные деяния, в том случае если лицо могло руководить своими действиями, в этом случае оно является исполнителем преступления. А также в том случае если лицо знало или были подозрения, что его хотят загипнотизировать для совершения преступления, но не приняло меры сопротивления действиям гипнотизера. Бывают и такие случаи, когда лицо желает быть загипнотизированным, в таком случае оно является исполнителем преступления, а гипнотизер — пособником.

Когда лицо не знало о готовившемся в свой адрес гипнотическом внушении или во время гипноза не руководило своими действиями, не в состоянии было оказать сопротивление гипнотизеру, в таких случаях оно должно быть оправданным.

Психическое принуждение — это такое воздействие на психику, которое парализует волю, но иногда ее достаточно, для того чтобы руководить своими действиями.

Литература:

1. Бородулин, В. И., Горкин А. П., Гусев А. А., Ланда Н. М., Петровская Л. И., Симолин А. В., Синюков В. Д., Туманова Н. Л. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. — М., 1999. — 543 с.
2. Китаев, Н. Н. Гипноз и преступления: Лекция для специальности 021100 (Юриспруденция). — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. — 233 с.
3. Льежуа, Ж. Гипнотизм и преступность/Под ред. В. М. Бехтерева. Казань: Типолитография Императорского Университета, 1893. — 46 с.
4. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196 с.
5. Большой психологический словарь/Под ред. В. П. Мещерякова. — М.: Олма-Пресс, 2004. — 769 с.

Поджоги и пожары: уголовные дела и меры профилактики

Новаков Андрей Олегович, студент
Тюменский государственный университет

Одним из наиболее опасных способов уничтожения и повреждения государственного и личного имущества граждан является поджог.

Опасность поджога состоит в том, что он может повлечь за собой уничтожение больших ценностей, а также человеческие жертвы. Действующее уголовное законодательство рассматривает поджог не в качестве самостоятельного состава преступления, а как способ совершения ряда преступлений, отягчающий ответственность. Так, в ч. 2 ст. 167 УК РФ, среди обстоятельств, отягчающих ответственность, указано уничтожение или повреждение чужого имущества совершенное общеопасным способом, т. е. таким способом, при котором создается угроза имущественным интересам государства и граждан, угроза жизни и здоровья людей. Общеопасными способами совершения преступлений являются поджог, взрыв, обвал, стрельба в людном месте и т. п. [1, с. 86].

Поджогом, как способом совершения преступлений, признается умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества посредством огня. Однако практика расследования преступлений данной категории указывает на то, что поджог является не только способом совершения ряда преступлений, но и способом сокрытия уже совершенного преступления, а также способом создания благоприятной обстановки для совершения преступлений.

Объектом преступного посягательства при уничтожении или повреждении имущества является собственность. Однако при оценке общественной опасности совершенного преступления учитывается не только непосредственный ущерб, нанесенный уничтожением или повреждением чужого имущества, но и упущенная выгода, связанная с остановкой или перерывом производства, срывом плана промышленных или сельскохозяйственных работ.

Под уничтожением имущества понимается такое воздействие на вещь, вследствие которого она перестает существовать или становится непригодной с точки зрения ее целевого назначения.

Под повреждением имущества понимается такое воздействие на вещь, в результате которого состояние ее ухудшается и она временно не может быть использована по назначению.

Вместе с тем, не всякое уничтожение или повреждение чужого имущества содержит в себе состав преступления [4, с. 182].

Так, уничтожение или повреждение менее ценного имущества путем поджога в целях сохранения более ценного не будет содержать состава преступления, следовательно, необходимым условием наличия состава уничтожения

или повреждения имущества является противоправность таких действий.

Как видно из содержания ст. 167 УК РФ, ответственность наступает за уничтожение или повреждение имущества, а не за применение общественно опасного способа и в частности поджога [1, с. 86]. Таким образом, для наличия состава преступления по данной категории дел необходимо причинение значительного материального ущерба. При решении вопроса о том, причинен ли значительный материальный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, необходимо исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимость восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего. Следовательно, если виновное лицо совершило поджог с целью уничтожения или повреждения имущества, но преступный результат не наступил по независящим от него причинам (например, пожар был сразу же замечен и ликвидирован, и имущество не пострадало), то оно подлежит ответственности за покушение на преступление (ст. 30 УК РФ). Если же в результате поджога, направленного на уничтожение имущества, последнее оказалось поврежденным, преступление будет считаться оконченным [1, с. 18].

С субъективной стороны, поджог с целью уничтожения либо повреждения чужого имущества является умышленным преступлением и может быть совершен как с прямым, так и с косвенным умыслом. Если уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога привело к человеческим жертвам, а умысел поджигателя был направлен на уничтожение или повреждение имущества, то вина его в отношении этих последствий может быть выражена в форме неосторожности. Виновный по отношению к человеческим жертвам проявляет либо преступную небрежность, либо преступную самонадеянность.

В таком случае действия виновного квалифицируются по ч. 2 ст. 167 УК РФ как уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия. При установлении наличия прямого или косвенного умысла виновного в отношении жизни или здоровья лиц, находящихся в поджигаемом помещении, такие действия квалифицируются как умышленное убийство по совокупности ст. ст. 105 и 167 УК РФ. Кроме того, преступники используют поджоги с целью сокрытия ранее совершенных преступлений и с целью создания обстановки, облегчающей совершение преступлений. Нередко поджоги совершаются с целью сокрытия хищений (присвоений, растрат), краж чужого имущества, убийств [6, с. 12].

Если при поджоге чужого имущества умысел преступника был направлен на сокрытие кражи, то совершенное

деяние квалифицируется по совокупности соответствующей части ст. 158 и ст. 167 УК РФ. Также квалифицируются действия лиц, совершающих поджоги с целью создания обстановки, облегчающей совершение краж чужого имущества.

Практика расследования уголовных дел данной категории показывает, что в подавляющем большинстве случаев объектами преступлений являются надворные постройки и жилые дома граждан, а также автотранспорт, оставленный владельцами на ночь во дворах жилых домов и на неохранных территориях, поджоги которых совершаются преступниками в темное время суток из хулиганских побуждений или из чувства мести к их владельцам.

Поджогам такого рода обычно предшествуют неприязненные отношения между гражданами, либо между работниками и руководителями частных предприятий и организаций. Поэтому непременным условием предотвращения поджогов, совершаемых на почве мести, является своевременное сообщение граждан в территориальные отделы полиции о неприязненных взаимоотношениях между отдельными лицами, сопровождаемых угрозами уничтожения имущества [5, с. 113].

Предупреждение поджогов в современных условиях — весьма актуальная задача. Предупреждение поджогов — это деятельность, направленная на установление лиц, замысливающих преступление, выявление фактов и обстоятельств, свидетельствующих о приготовлении к преступлению, и воздействие на лиц для недопущения совершения ими преступного деяния, а также принятие необходимых мер, исключающих реализацию возможности совершения преступлений. Таким образом, предупреждение поджогов связано не только с выявлением причин и условий, способствующих их совершению, но и с разработкой комплекса мер, направленных на их устранение. Работа по названным направлениям должна проводиться постоянно, систематически, с учетом повседневных ситуаций, а также экстремальных случаев.

Анализ работы СМИ по предупреждению поджогов позволяет сделать следующие выводы: местные СМИ должны информировать население о совершенных поджогах, обязательно рассматривая их причины. В дальнейшем они также должны сообщать о результатах расследования или проверки, о последствиях и наказании виновных; газетные публикации для более эффективного воздействия на население должны содержать фотографии с места преступления, изображающие опасное для людей воздействие неконтролируемого огня. Кроме того, органы МЧС при выезде на тушение пожара должны уведомлять об этом СМИ, чтобы они могли снять сюжет, либо сами производить съемки места происшествия с предоставлением материала для демонстрации в средствах массовой информации.

Для предупреждения поджогов можно использовать наглядную агитацию (плакаты, призывы, лозунги, рекламные щиты и т.д.). Ответственными за данное направление должны быть органы МЧС либо органы мест-

ного самоуправления, а в лесных массивах — работники лесной охраны. Содержание данных плакатов, на наш взгляд, должны составлять рисунки или лозунги победителей различных конкурсов по данной тематике, например между школьниками, студентами или сотрудниками предприятий. Целесообразно размещать плакаты о необходимости соблюдения правил пожарной безопасности в местах массового скопления людей (на остановках автотранспорта в населенных пунктах, на остановочных платформах железнодорожного транспорта и пр.) [2, с. 78].

Правовая пропаганда — еще одно направление профилактики поджогов. В учебных заведениях, на производстве противопожарным службам надлежит обучать население основным правилам пожарной безопасности. Необходимо проводить лекции о различных видах преступлений, связанных с пожарами, разъяснять, с какого возраста наступает уголовная ответственность за деяния, связанные с поджогом и неосторожным обращением с огнем. Следует подчеркнуть необходимость уведомления правоохранительных органов о замыслах по осуществлению поджога и о лицах, склонных к таким действиям.

Положительные результаты может дать введение в школах или высших учебных заведениях занятий под названием «Пожар» или «01». В рамках этих занятий возможно: проводить встречи с сотрудниками МЧС, во время которых необходимо разъяснять назначение данного подразделения, его задачи, функции, направления работы и т.д. Особое внимание следует уделять анализу преступлений, совершенных путем поджога; организовать посещение структурных подразделений органов МЧС в целях закрепления знаний по пожарной безопасности, привития навыков противопожарного дела, знакомства граждан с содержанием их работы; устраивать встречи отдельных категорий, групп населения с сотрудниками, занимающимися расследованием поджогов, с доведением до населения информации о причинах и условиях возникновения пожаров, их последствиях, а также о мерах, принятых к виновным с учетом всех обстоятельств деяния; проводить в воспитательных учреждениях мероприятия, направленные на отработку оперативных действий отдельных сотрудников, например воспитателей, преподавателей, в первую очередь ответственных в экстремальных ситуациях за эвакуацию учащихся и других лиц. Также необходимо обучить детей правильному реагированию в случае возникновения пожара, оказанию помощи при эвакуации и первой помощи пострадавшим и т.д.

Для предупреждения поджогов необходима организация досуга несовершеннолетних в свободное время и в период каникул. Летом при школах, в летних и оздоровительных лагерях следует проводить соревнования, спортивные игры (в том числе с привлечением родителей несовершеннолетних, например конкурсы «Мама, папа, я — спортивная семья»), конкурсы на призы от органов МЧС или МВД, причем не обязательно на противопожарную тему. В пришкольных лагерях стоит организовать

патрулирование лесных массивов. В качестве мер по организации досуга может выступать и привлечение несовершеннолетних к посильному оплачиваемому труду в органах МЧС в летнее время.

Проблема предупреждения поджогов в последнее время становится все более актуальной, так как ущерб от деяний, совершаемых с помощью поджога, невозможно порой измерить никакими цифрами, например гибель людей, причинение тяжкого вреда здоровью и т.д. По-

стоянно возрастают количество жертв, размеры материального ущерба, нарушается общественная безопасность. Следовательно, работа по предупреждению поджогов приобретает все большее значение в нашей стране, к нему необходимо относиться с повышенным вниманием как к решению задачи первостепенной и особой важности. Работа по рассмотренным нами направлениям предупреждения преступлений положительно скажется на снижении количества поджогов [7, с. 162].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 21 апреля 2010. — М.: Право, 2010.
2. Григорян, А. С. Предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с пожарами. — М., 2006.
3. Ищенко, Е. П. Криминалистика. — М.: ИНФРА-М, 2006.
4. Криминалистика/Под ред. Н. П. Яблокова. — Москва: БЕК, 2007.
5. Митричев, С. П., Владимиров В. Л., Шиманова З. Е. Расследование поджогов и преступного несоблюдения правил пожарной безопасности. — М., 2008.
6. Мишин, А. В. Расследование и предупреждение поджогов личного имущества граждан. — Казань, 2001.
7. Мухачев, А. А. Установление причин пожара в процессе расследования дел о поджогах и нарушении правил пожарной безопасности: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 1998.
8. Попов, И. А. Расследование пожаров. Правовое регулирование, организация и методика. — М., 2008.

Оценочные признаки хулиганства в уголовном праве

Пономарев Сергей Сергеевич, магистрант
Тюменский государственный университет

В статье обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия хулиганства и необходимость более глубокого раскрытия оценочных признаков хулиганства.

Ключевые слова: хулиганство, уголовное судопроизводство, общественный порядок, оценочные признаки, законодательное закрепление.

Термин «хулиганство» получил статус самостоятельного состава преступления в России 1 июля 1922 года. В статье 176 параграфа 5 «Иные посягательства на личность и ее достоинство» главы V «Преступления против жизни, здоровья и достоинства личности» первого УК РСФСР объективная сторона хулиганства раскрывается как «озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия, карающиеся принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года» [1, с. 1].

Заслуживает внимания мнение Н. А. Колоколова, который отмечает, что уголовная ответственность за умышленное грубое, целенаправленное нарушение общественного порядка (за хулиганство) — это разновидность уголовной ответственности вообще, особые общественные отношения, возникновение и существование которых обусловлено способностью социума при необходимости генерировать механизм разрешения конфликтов на основе норм права, обеспечиваемый мощью государ-

ства. Выделение хулиганства в отдельную норму целесообразно только в том случае, если в обществе уже сложились и успешно функционируют четкие правила поведения, для поддержания стабильности которых одной морали все еще недостаточно [2, с. 4].

Согласно части 1 статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации хулиганство — это грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное:

а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [3].

Говоря об оценочных признаках хулиганства, следует отметить, что объектом преступления, предусмотренного статьей 213 УК РФ, являются общественные отношения, составляющие содержание общественного порядка.

А. С. Пивоваров указывает, что термин «общественный порядок» в действующем законодательстве в основном используется для обозначения определенной сферы общественных отношений, подлежащих государственной охране, и конкретизации полномочий правоохранительных органов. Обращая внимание на широту и многоплановость указанной категории, А. С. Пивоваров признает, что в настоящее время отсутствует единство в понимании дефиниции общественного порядка, его предметного состава и основных институтов, что значительно затрудняет определение механизма его функционирования [4, с. 53].

Подтверждением данной точки зрения свидетельствует судебная практика. Пленум Верховного Суда РФ, по сути, уклонился от определения сущности термина грубое нарушение общественного порядка, указав лишь, что суду надлежит устанавливать, в чем конкретно выразилось грубое нарушение общественного порядка.. [5].

Под общественным порядком следует понимать сложившуюся в обществе на основе правовых, социальных норм, норм морали, нравственности и этики, норм общежития, обычаев и традиций систему общественных отношений, обеспечивающую правильное, соответствующее принятым в обществе устоям поведение каждого индивида в сфере публичных взаимоотношений, нормальные условия жизни и деятельности граждан, функционирования институтов общества и государства [6, с. 233].

Объективная сторона преступления выражается в грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, совершенном с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Следующим оценочным признаком хулиганства, следует назвать грубое нарушение. Рассмотрим, что же именно относится к категории «грубое».

Грубым нарушением общественного порядка следует считать действия, причинившие существенный ущерб личным или общественным интересам либо выразившиеся в злостном нарушении общественной нравственности (например, срыв или нарушение культурного, религиозного или иного общественного мероприятия, нарушение покоя граждан в ночное время).

В судебной практике грубым нарушением общественного порядка признаются такие действия, которые совершаются в общественных местах и сопряжены с нарушением покоя граждан, со срывом массовых мероприятий, нарушением работы транспорта, общественного спокойствия в течение продолжительного периода и т. п. [7, с. 201].

Грубое нарушение общественного порядка объективно представляет собой прекращение или деформацию соблюдения виновным действующих правил поведения, регламентирующих общественный порядок, и воспрепятствование с его стороны использованию или осуществлению этих норм другими лицами [8].

Под грубым нарушением общественного порядка следует понимать такие нарушения, которые причиняют значительный, существенный вред нормальному функционированию социально значимых общественных отношений, а именно возможности людей нормально, спокойно жить, работать, учиться, отдыхать [9, с. 167].

При решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства [10]. Такие действия могут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц [11].

И так, грубым следует признать такое нарушение общественного порядка, которое влечет причинение существенного вреда (срыв общественных мероприятий, нарушение нормальной деятельности предприятий или организаций, нарушение спокойствия неопределенно большого круга лиц и т. п.), связано с издевательством или глумлением над личностью, является длительным и упорным, совершающимся несмотря на меры по прекращению действий. При решении вопроса о квалификации хулиганства надлежит устанавливать, в чем конкретно выразилось грубое нарушение общественного порядка, какие обстоятельства свидетельствовали о явном неуважении виновного к обществу. Эти обстоятельства должны быть отражены в приговоре.

Следующим оценочным признаком хулиганства можно определить публичность действий.

В литературе понятие публичности трактуется различно, например:

1) как совершение хулиганства в общественных местах; в присутствии очевидцев;

2) как возможность совершения действий в любом месте и в отсутствие очевидцев, но при условии грубого нарушения общепринятых стандартов общения между людьми. С нашей точки зрения, общественное место не является обязательным признаком состава хулиганства. Нельзя смешивать понятия «общественный порядок» и «порядок в общественном месте», так как общественный порядок должен поддерживаться и, соответственно, может быть нарушен не только в общественных местах, но и в иных [12, с. 357].

Возвращаясь к судебной практике, следует отметить, что по мнению суда, по смыслу закона, в том числе исходя из положений ст. 73 УПК РФ [13] к обстоятельствам, подлежащим доказыванию при обвинении в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, относится виновность лица в совершении хулиганства, то есть грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, с применением предмета, используемого в качестве оружия. По смыслу закона хулиганство представляет собой умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим,

продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Одним из обязательных признаков объективной стороны хулиганства является публичная обстановка [14].

По мнению суда, разъяснившего порядок применения п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, по смыслу закона уголовная ответственность за хулиганство наступает в случае совершения действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, которые ставят под угрозу жизнь и здоровье людей, целостность собственности, нормальное функционирование государственных и общественных институтов. При этом суд отметил, что согласно предъявленному на предварительном следствии обвинению подсудимый произвел выстрел в воздух из карабина. При этом подсудимому не вменялось, что совершением вышеуказанных действий он создал реальную угрозу для жизни и здоровья людей либо нарушил другие правоохраняемые интересы. Как счел суд, с учетом изложенных обстоятельств в действиях подсудимого могли быть усмотрены признаки административно наказуемого правонарушения, предусмотренного ст. 20.13

КоАП РФ, — стрельба из оружия в населенных пунктах и в других не отведенных для этого местах, а не признаки уголовно наказуемого деяния [15].

Следует согласиться с точкой зрения Батюковой В. Е., которая отмечает, что степень общественной опасности уголовно наказуемого хулиганства и соответствующего административного правонарушения определяется именно характером действий, которые совершает виновный. По ее мнению, излишняя объективизация нормы, предусматривающей административную ответственность за мелкое хулиганство, привела к тому, что некоторые действия, характеризующие данное правонарушение, вообще выпали из законодательной формулировки, соответственно, устранив тем самым вообще какую-либо ответственность виновных лиц [16, с. 152].

Подводя итог, следует отметить, что статья 213 УК РФ требует более глубокого научного анализа и законодательного совершенствования с учетом наличия в ней оценочных признаков, которые не имеют единого подхода к их толкованию.

Литература:

1. Колоколов, Н. Хулиганство: апофеоз эволюции // ЭЖ-Юрист. 2014. № 33. с. 1, 3.
2. Колоколов, Н. А. Хулиганство: генезис, эволюция и современное состояние состава преступления. Статья 2 (часть вторая). Текущие проблемы применения ст. 213 УК РФ // Мировой судья. 2014. № 5. с. 3—6.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Пивоваров, А. С. Дискуссионные подходы к определению понятия «общественный порядок» // Российская юстиция. 2013. № 3. с. 52—54.
5. Постановление Пленума ВС РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1. с. 3.
6. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Под ред. Х. Д. Аликперова, Э. Ф. Побегайло. М., 2001. с. 534
7. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 4/Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. с. 300.
8. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. А. Э. Жалинский. М., 2005. с. 632.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики/Под общ. ред. А. П. Новикова. М., 2006. с. 588.
10. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие/Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова и др.; под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.
11. п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный)/А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2. с. 357..
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
14. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.08.2014 по делу № 10—10866/14
15. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.04.2014 № 48-АПУ14—20
16. Батюкова, В. Е. Общественная опасность хулиганских действий: проблемы реализации уголовного законодательства // Новый юридический журнал. 2014. № 1. с. 151—156.

Мониторинг российского антикоррупционного законодательства

Саморуков Анатолий Александрович, кандидат педагогических наук, доцент;

Декке Дмитрий Александрович, магистрант

Оренбургский государственный университет

Рассматривается динамика формирования государственной политики и развития нормативного правового регулирования в области противодействия коррупции в Российской Федерации на федеральном уровне и уровне субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция, государственная политика в области противодействия коррупции, антикоррупционные программы, антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов, коррупциогенный фактор.

Системная работа по формированию нормативной базы по профилактике и противодействию коррупции, отвечающей международным требованиям и современным научным разработкам в вопросах прозрачности государственного управления проводится с 2005 года.

Концепция административной реформы, утвержденная Распоряжением Правительства России от 25 октября 2005 г. № 1789-р своими важнейшими направлениями устанавливала подготовку типовых антикоррупционных программ для федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, разработку ведомственных антикоррупционных программ.

Приказом Минэкономразвития России от 13 марта 2008 г. № 72 была утверждена программа противодействия коррупции [11].

Одновременно программы по реализации комплекса мероприятий по противодействию коррупции в соответствии с Указом Президента Российской Федерации должны быть приняты во всех субъектах Российской Федерации и содержать внедрение антикоррупционных механизмов в органах исполнительной власти (например, в Приморском крае утверждено Постановление Администрации Приморского края от 8 июля 2014 г. № 261-па «Об утверждении Программы противодействия коррупции в Приморском крае на 2014–2015 годы»; в Оренбургской области Постановление Правительства Оренбургской области от 27 мая 2014 г. № 334-п «Об утверждении плана мероприятий по противодействию коррупции в Оренбургской области на 2014–2016 годы», в Челябинской области Постановление Правительства Челябинской области от 22 октября 2013 № 359-П «О государственной программе Челябинской области «Оптимизация функций государственного (муниципального) управления Челябинской области и повышения эффективности по их обеспечению (вместе с подпрограммой противодействия коррупции в Челябинской области на 2014–2016 годы»).

Среди важных шагов развития правовых механизмов противодействия коррупции следует считать Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 года № 815 «О мерах противодействия коррупции», в соответствии с которым в целях создания системы противодействия

коррупции в России и устранения причин, ее порождающих, при Президенте Российской Федерации образован Совет по противодействию коррупции.

Его задачами помимо подготовки предложений Президенту Российской Федерации, касающихся выработки и реализации государственной политики в области противодействия коррупции является координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по реализации государственной политики в области противодействия коррупции и др. [8].

Данные правовые акты позволили продолжить разработку антикоррупционных механизмов.

Следующим шагом в формировании государственной политики в сфере обеспечения безопасности стало принятие Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, согласно которой коррупция является одной из угроз национальной безопасности, а консолидация усилий, направленных на борьбу с коррупцией, рассматривается как одна из мер обеспечения национальной безопасности [9].

Следуя логике данного программного документа, главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом и др. [9].

Однако, предпринимаемые государством и обществом, меры по нормальному функционированию всех общественных механизмов не дали своих результатов. По-прежнему коррупция затрудняла и препятствовала проведению социальных преобразований, а также модернизации национальной экономики.

В целях консолидации усилий органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460 была утверждена «Национальная стратегия противодействия коррупции».

Целью Национальной стратегии является искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе [10].

Правовую основу противодействия коррупции в России составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, а также нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты иных федеральных органов государственной власти, нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты.

Наряду с защитой гражданских прав и свобод граждан, Конституция Российской Федерации, предусматривает возможность их ограничения федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Кроме этого, основным законом российского государства устанавливаются основные начала механизма имплементации, в соответствии с которыми общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. В случае, если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [1].

Системный подход в борьбе с коррупцией связан с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в соответствии с которым, противодействие коррупции в основывается на следующих основных принципах:

- признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- законность;
- публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;
- комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;
- приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;
- сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами [5].

Закон определяет организационные основы противодействия коррупции, меры по профилактике коррупции и меры противодействия коррупции.

Первой мерой, которая должна предприниматься с целью предотвращения совершения коррупционных действий и уменьшения уровня коррупции в обществе закон

называет формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, связанное с повышением уровня правовой культуры через осуществление правового воспитания.

Под правовым воспитанием понимается целенаправленная деятельность государства, а также общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан. [14 с. 34].

Правовое антикоррупционное воспитание может реализовываться через антикоррупционное образование, антикоррупционную пропаганду и проведение органами государственной власти и местного самоуправления мероприятий антикоррупционной направленности.

Меры антикоррупционного воспитания также предусмотрены законами и подзаконными актами субъектов Российской Федерации.

Так, например, в Законе Республики Татарстан от 4 мая 2006 г. № 34-ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» содержатся статья «Антикоррупционное образование и пропаганда», в соответствии с которой, «антикоррупционное образование является целенаправленным процессом обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, основанным на дополнительных общеобразовательных и профессиональных образовательных программах, разработанных в рамках национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов» [12].

Второй мерой предотвращения коррупции названа антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов, так как коррупция проявляет себя в большей степени на стадии правоприменения.

В развитие Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 195 были утверждены Правила проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции.

В соответствии с этими Правилами были выделены два вида экспертизы на коррупционность:

- государственная, проводимая Министерством юстиции Российской Федерации;
- независимая, проводимая юридическими и физическими лицами аккредитованными в установленном порядке Министерством юстиции Российской Федерации.

Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» устанавливает наиболее важные правовые, организационные механизмы противодействия коррупции и основные принципы организации антикоррупционной экспертизы [6].

В указанном законе также вводится понятие «коррупциогенный фактор», вместо используемого до этого, термина «коррупционный фактор».

Значительно расширены и дополнены основные правила проведения экспертизы. Определен субъектный состав лиц, государственных органов, проводящих антикоррупционную экспертизу, их полномочия и обязанности. Описаны процедурные механизмы проведения антикоррупционной экспертизы конкретными субъектами права, полномочия, а также «подведомственные» им для экспертизы виды правовых актов.

Закреплены правовые последствия выявления коррупционных факторов, а также действия уполномоченных лиц в случае их выявления.

Соответствующие нормы закона были конкретизированы в Постановлении Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», которым утверждены правила и методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

Существенно изменились как Правила, уточненные и расписанные более подробно, так и Методика проведения антикоррупционной экспертизы, значительно сокращенная в части перечня коррупционных факторов по сравнению с аналогичными Правилами и Методикой образца 2009 года. Если в 2009 году этот перечень был составлен из трех групп в целом составляющих 17 факторов, то в 2010 году этот список был сокращен до 2 групп из 11 факторов.

Положения об антикоррупционной экспертизе в субъектах Российской Федерации чаще всего содержатся не только в региональных законах о противодействии коррупции (г. Москвы Республика Саха (Якутия), Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Оренбургская область и др.), но и в утвержденных Порядках по ее проведению.

Третье направление профилактики коррупции в Законе определено как: предъявление в установленном законом порядке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы [5].

Это направление реализуется в различных нормативных правовых актах о государственной и муниципальной службе и в первую очередь, в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федеральном законе от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Несмотря на то, что система государственной власти и система органов местного самоуправления обладает своей спецификой, правовое регулирование государственной и муниципальной службы имеют в качестве основного источника Конституцию Российской Федерации и соответствующее федеральное законодательство.

Статья 12 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает квалификационные

требования к должностям гражданской службы в соответствии с категориями и группами. В число квалификационных требований входят требования:

- к уровню профессионального образования;
- стажу гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажу (опыту) работы по специальности, направлению подготовки;
- профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей. [3].

В число квалификационных требований к должностям гражданской службы категорий «руководители», «помощники (советники)», «специалисты» всех групп должностей, а также категории «обеспечивающие специалисты» главной и ведущей групп должностей входит наличие высшего образования, а к должностям гражданской службы категории «обеспечивающие специалисты» старшей и младшей групп должностей входит наличие среднего профессионального образования, соответствующего направлению деятельности.

Законы многих субъектов Российской Федерации, в том числе Рязанской, Читинской, Ульяновской областей, г. Москвы и др. в этой части воспроизводят требования точно такие же, как и требования к федеральным гражданским служащим.

Для тех категорий групп должностей, для которых устанавливается требование высшего профессионального образования, не конкретизируется специализация такого образования.

Квалификационные требования к стажу для федеральных гражданских служащих устанавливаются указом Президента Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 27 сентября 2005 г. № 1131 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажу работы по специальности для федеральных государственных гражданских служащих») для гражданских служащих субъекта Российской Федерации — законом субъекта Российской Федерации (Сахалинская, Пермская, Волгоградская, Вологодская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Тамбовская области, Пермский край) [13 с. 99].

Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей устанавливаются нормативным актом государственного органа, в котором учреждена данная должность и включается в должностной регламент гражданского служащего, так как государственная служба осуществляется в различных сферах государственного управления, требующих специфических знаний Министерство обороны Российской Федерации, Московская область, Алтайский край).

Учитывая, что военная и правоохранительная служба являются видами государственной службы и имеют свое регулирование, соответственно законодательство также устанавливает требования к образованию, стажу и профессиональным знаниям и навыкам гражданам, претен-

дующим на замещение должностей. Законодательство не содержит требований к образованию и уровню профессиональной подготовки к лицам, привлекаемым на военную службу по призыву.

Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» так же устанавливает виды квалификационных требований: к уровню профессионального образования; стажу муниципальной службы (государственной службы) или стажу (опыту) работы по специальности, направлению подготовки; профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей [4].

Сами квалификационные требования устанавливаются муниципальными правовыми актами на основе типовых квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы, которые определяются законом субъекта Российской Федерации в соответствии с классификацией должностей муниципальной службы (Закон Саратовской области от 2 августа 2007 г. № 157-ЗСО «О некоторых вопросах муниципальной службы в Саратовской области»).

Еще одним направлением профилактики коррупции закон называет развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции.

Общественный и государственный (в том числе парламентский) контроль являются двумя разновидностями социального контроля [12 с. 12].

Общественный контроль на федеральном уровне осуществляет Общественная палата Российской Федерации как наиболее значимый и стабильно действующий орган, который обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации, общественных объединений с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации [2].

Во всех 85 субъектах Российской Федерации созданы аналогичные органы, ориентированные на развитие не только общественного контроля, но и достижение целей, обозначенных в федеральных законах.

Литература:

1. Конституция Российская Федерация. М. Проспект. 2012. 32 с.
2. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» Собрание Законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч 1). Ст. 6238
3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
4. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.
5. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. N 52 (ч. 1). Ст. 6228.
6. Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. N 29. Ст. 3609.

Таким образом, Федеральный закон о противодействии коррупции является не только нормативно-правовым, но и программным документом, определяющим основные направления государственной деятельности в сфере борьбы с коррупцией.

Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц и их доходам», в соответствии с которым установлены: обязанность служащих (работников) предоставлять сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке; порядок и срок предоставления таких сведений; порядок заполнения справки о расходах и иные вопросы.

Значительную роль в правовом регулировании сферы противодействия коррупции играет Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции, которым вносятся изменения и дополнения в целый пакет федеральных законов, направленных на противодействие коррупции [7].

В целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, упорядочения лоббистской деятельности, расширения инвестирования средств в национальную экономику и повышения эффективности противодействия коррупции принят Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации владеть (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

Таким образом, принятие программных документов, Федерального закона о противодействии коррупции, других федеральных законов, Указов Президента Российской Федерации, законов субъектов Российской Федерации позволяет определять основные направления государственной деятельности в сфере борьбы с коррупцией, устанавливать сферу применения антикоррупционной политики, и фиксировать социальные ожидания в данном виде деятельности.

7. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. N 48. Ст. 6730.
8. Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 года № 815 «О мерах противодействия коррупции» 2008 Собрание Законодательства Российской Федерации. 2008. № 21. Ст. 2429.
9. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. N 20. Ст. 2444.
10. Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции» Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. N 16. Ст. 1875.
11. Приказ Минэкономразвития России от 13 марта 2008 г. № 72 «Об организации работ по проведению конкурсного отбора программ и планов мероприятий по проведению административной реформы и проектов реализации административной реформы федеральных органов исполнительной власти и высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации для оказания поддержки проведения административной реформы в 2008 году». Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. N 26. 30.06.2008.
12. Беляев, В. П. Общественный контроль в современной России//Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6. с. 12.
13. Государственная служба: комплексный подход: учебник/Отв.Ред. А. В. Оболонский. — М.: Издательство «Дело» АНХ, 2009. 512 с с. 99
14. Матузов, Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебн. М.: Юрист, 2004. с. 34.

Уголовно-правовая и криминологическая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего

Саттарова Гульнара Ильясовна, студент-магистр
Тюменский государственный университет

Оценить распространенность различных форм жестокого обращения с детьми позволяют сведения, получаемые из нескольких источников. Это данные уголовной статистики, результаты научных исследований, включая выборочное изучение уголовных дел, обобщение следственной и судебной практики, а также экспертные оценки.

В настоящее время накоплен значительный статистический материал о преступности против несовершеннолетних. Это позволяет достаточно реально оценить состояние преступности против несовершеннолетних, ее количественные и качественные изменения.

Результаты изучения уголовных дел показали, что большая часть преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ, совершается родителями (94%), причем большинство из них женщины.

Несмотря на незначительный удельный вес женщин-преступниц в общей структуре преступности, их преобладание при совершении анализируемого преступления вполне объяснимо. Именно женщины практически всегда выполняют функции, связанные с воспитанием ребенка (и прежде всего в первые несколько лет жизни несовершеннолетнего), мужчины же крайне редко возлагают на себя подобные обязанности.

В большинстве случаев данное преступление совершают женщины, материнские чувства которых и отно-

шение к ребенку деформированы на фоне систематического употребления алкоголя и наркотических средств, которые подвержены постоянным психологическим срывам из-за тяжелых социально-экономических проблем, конфликтных ситуаций в семейных отношениях и т.п. [1] К тому же на основании анализа уголовных дел видно, что почти в 40% случаев жестокое обращение с детьми имеет место в неполных семьях, где мать сама воспитывает детей.

Как видим, подавляющее большинство преступлений, выражающихся в неисполнении своих родительских обязанностей и жестоком отношении к детям, совершали матери, что на первый взгляд весьма странно, так как мать — это самый близкий человек своим детям. Поэтому не случайно, что при разводе супругов детей оставляют, как правило, у матери.

Но обобщение показало, что бывают матери, которые относятся к своим детям хуже, чем совершенно посторонние люди, а их вопиющая безответственность по отношению к своим детям невольно наводит на мысль, что возможные трагические последствия не будут для такой матери предметом огорчения.

Можно привести два примера.

Е. А. Смирнова, жительница г. Тюмени (30 лет), имеет двоих дочерей и сына. Злоупотребляя спиртным, Смир-

нова несколько раз уходила из дома на три-четыре дня, а один раз — на неделю, оставляя детей без денег и без пищи. После вмешательства соседей дети (во время одного из отсутствий Смирновой) были помещены в детскую инфекционную больницу (дочерям тогда было 5 и 9 лет, сыну — около двух месяцев) [2].

Но в последние годы указанная тенденция стала изменяться. Доля мужчин, совершающих преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ, в настоящее время увеличивается. В современный период среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, женщины составляют 68%, а мужчины 32%.

Лица, не выполняющие обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, в подавляющем большинстве случаев имеют неполное среднее (12%) и полное среднее образование (почти 73%). Многие из них нигде не работают (около 70%) или занимаются неквалифицированным трудом. Среди преступников данной категории практически не встречаются лица со средним специальным или высшим образованием. Высокий интеллектуальный и культурный уровень личности прямо влияет на гармонизацию внутрисемейных отношений, а следовательно, и на процесс воспитания ребенка [3].

Среди виновных, привлеченных к ответственности по ст. 156 УК РФ, весьма незначителен процент ранее судимых лиц (4%). Специальный рецидив в отношении анализируемого преступления вообще имеет место в единичных случаях.

География проживания лиц, совершивших данное преступление, практически равномерная: 51% из них — это городские жители, а 49% проживают в сельской местности. На основании чего можно сделать вывод, что в современный период негативной трансформации подвергаются абсолютно все российские семьи независимо от места проживания (в 90-х гг. XX в. криминогенные факторы сильнее были выражены в городских семьях).

С нравственно-психологической стороны, лица, привлекаемые к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ, характеризуются крайне негативно — это распущенные, эгоцентричные, агрессивные личности, склонные к асоциальному образу жизни. Многие из преступников, осу-

жденных по ст. 156 УК РФ, систематически употребляют спиртные напитки (около 65%), наркотические средства (21%), около трети являются хроническими алкоголиками. К тому же в 76% случаев виновные совершают анализируемое преступление, находясь в состоянии опьянения.

Около половины из них ранее уже привлекались к административной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Медицинские работники, осматривающие несовершеннолетних — жертв домашнего насилия, у многих из них обнаруживают запущенные заболевания и отставание в развитии.

Среди мужчин по данной категории дел преобладают лица старше 30 лет, работающие, проживающие в полной семье, по характеру авторитарные и деспотичные. Для них характерно применение физического и психического насилия в отношении потерпевших, зачастую комбинированно и на протяжении длительного периода времени (систематические побои и угрозы применения насилия).

Женщины-преступницы, напротив, в большинстве случаев неработающие, в возрасте 25–35 лет, в одиночку воспитывающие детей, злоупотребляющие алкоголем и наркотиками. Типичные формы жестокого обращения с их стороны — избиения, отсутствие заботы о физическом здоровье ребенка (непредоставление питания, одежды, медицинской помощи и т.п.). Что же касается самих несовершеннолетних, то дети и подростки являются наиболее уязвимой, незащищенной частью нашего общества. Жестокое обращение с ними, пренебрежение их интересами не только причиняют вред их физическому и психическому здоровью, но и влекут негативные социальные последствия (суициды, бродяжничество и др.). Повышенная виктимность несовершеннолетних, прежде всего, объясняется их физическими, психологическими и социальными особенностями, опосредующими большую вероятность для них стать жертвой преступления [4]. К особенностям, создающим большую уязвимость несовершеннолетних при жестоком обращении, следует отнести: физическую слабость детей, их внушаемость, доверчивость, зависимость от родителей.

Литература:

1. Ильяшенко, А. Н. Борьба с насильственной преступностью в семье / А. Н. Ильяшенко. — М., 2003. — с. 29.
2. Архив Ленинского районного суда г. Тюмени за 2007 г. Уголовное дело № 1–219/2007.
3. Пономарев, П. Г., Борбат А. В., Ильяшенко А. Н. Насильственная преступность в семье: криминологическая характеристика / П. Г. Пономарев, А. В. Борбат, А. Н. Ильяшенко // Российский следователь. — 2010. — № 1. — с. 26.
4. Арутюнова, А. Б. Криминологические проблемы процесса виктимизации несовершеннолетних / А. Б. Арутюнова // Следователь. — 2002. — № 2. — с. 21.

Правовое регулирование обеспечения экологической безопасности недропользования на северных территориях Российской Федерации

Тельхигова Малика Шамельевна, аспирант

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Обеспечение экологической безопасности при освоении минерально-сырьевых ресурсов — одна из главных обязанностей недропользователя. Вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера при недропользовании на северных территориях Российской Федерации, отрицательно влияющих на экологическую безопасность, связана с наличием на этих территориях развитой горной промышленности и нефтегазопроводной системы, которые являются потенциально опасными. К тому же, эксплуатация технически сложных буровых установок, тяжелой строительной техники и использование потенциально опасных веществ также не может способствовать безопасности окружающей среды.

При рассмотрении вопроса освоения минерально-сырьевых ресурсов северных территорий Российской Федерации и определении их места в системе государственных приоритетов нужно уделять особое внимание рискам нанесения ущерба окружающей природной среде в результате деятельности хозяйствующих субъектов — недропользователей и обеспечению экологической безопасности.

Уникальность экосистем северных территорий определяет их особое место в системе защиты национальных интересов в экологической сфере. Учитывая тот факт, что северные территории являются природной средой обитания коренных малочисленных народов с их традиционной системой природопользования, экологическое значение указанных территорий становится еще более очевидным.

Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [8] в статье 1 определяет экологическую безопасность как «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий».

Возникновение чрезвычайных ситуаций техногенного характера является весьма распространенным явлением при осуществлении деятельности по недропользованию. Основными причинами возникновения подобных ситуаций являются большая степень физического износа производственных мощностей, нарушение технологических предписаний и норм, техники безопасности и требований охраны труда, осуществление деятельности по недропользованию без учета экологических и климатических особенностей территории, на которой осуществляется подобная деятельность, и без обеспечения должного уровня комплекса мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций техногенного характера и уменьшению негативного воздействия подобных ситуаций на окружающую среду.

По данным Государственного доклада «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2013 году» основными причинами возникновения чрезвычайных ситуаций в нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности являются возможные разливы нефти и нефтепродуктов с возгоранием, разрушение резервуаров, разгерметизация технологического оборудования. На предприятиях угольной промышленности зарегистрировано 26 действующих подземных пожаров, на магистральных газопроводах произошло 5 аварий в 2013 году [9].

Основным источником угроз возникновения аварий техногенного характера на северных территориях Российской Федерации является экологически опасная деятельность недропользователей, которых можно назвать основными хозяйствующими субъектами в экономике данных территорий. Недропользование является одним из видов экономической деятельности, оказывающим наиболее существенную нагрузку на экологию. Объекты добывающих и перерабатывающих предприятий относятся к объектам повышенной опасности, требующих осуществления постоянного надзора.

Базовым законом в сфере обеспечения защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации является Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [10], который предусматривает требования по предупреждению возникновения чрезвычайных ситуаций, направленных на уменьшение риска возникновения чрезвычайных ситуаций, а также на сохранение здоровья людей, снижение размеров ущерба окружающей среде и материальных потерь в случае их возникновения, распространяющихся, в том числе, и на пользователей недр. В законе установлена обязанность хозяйствующих субъектов проводить государственную экспертизу проектной документации особо опасных, технически сложных, уникальных объектов, объектов обороны и безопасности, государственный надзор и контроль в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Также правовое регулирование предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при пользовании недрами основывается на Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [11], Федеральном законе от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» [12], поста-

новлении Правительства Российской Федерации от 21 августа 2000 г. № 613 «О неотложных мерах по предупреждению и ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов» [13], постановлении Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2002 г. № 240 «О Порядке организации мероприятий по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Российской Федерации» [14].

Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [15] определяет правовые, экономические и социальные основы обеспечения безопасной эксплуатации опасных производственных объектов и направлен на предупреждение аварий на опасных производственных объектах и обеспечение готовности эксплуатирующих опасных производственных объектов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к локализации и ликвидации последствий указанных аварий.

Полномочия в сфере правового регулирования обеспечения экологической безопасности органов государственной власти субъектов Российской Федерации ограничены федеральным законодательством. Но несмотря на это, в ряде субъектов на северных территориях Российской Федерации существует положительный опыт нормативного регулирования в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при пользовании недрами.

Требования по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе и при осуществлении деятельности по недропользованию, установлены в законодательстве ряда субъектов на северных территориях. Например, Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 11.02.2004 № 5-ЗАО «О защите населения и территорий Ямало-Ненецкого автономного округа от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [16]. Согласно статье 3 закона в автономном округе создается территориальная подсистема единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В статье 12 данного закона обозначен круг обязанностей организаций, эксплуатирующих потенциально опасные объекты, среди которых можно выделить обязанности по созданию нештатных аварийно-спасательных формирований, прогнозированию чрезвычайных ситуаций, определении и периодическом уточнении показателей риска чрезвычайных ситуаций для производственного персонала и населения на прилегающей территории, разработке и реализации объектовых планов мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Также в Ямало-Ненецком автономном округе создана Территориальная система мониторинга, лабораторного контроля и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, на основании постановления Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа от 22.05.2003 № 178.

Законодательными органами ряда субъектов на северных территориях Российской Федерации решается

проблема нормативного обеспечения утилизации нефтяного (попутного) газа, которая существует в федеральном законодательстве. Так, в Стратегии создания нефтегазового комплекса для ускорения социально-экономического развития Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов, утвержденной постановлением Совета администрации Красноярского края от 10 апреля 2006 г. № 80-п содержится положение о необходимости строительства объектов по утилизации нефтяного попутного газа.

Успешное правовое регулирование утилизации нефтяного попутного газа осуществляется в законодательстве Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. В соответствии с вышеназванной государственной программой Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Обеспечение экологической безопасности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2014 — 2020 годы», для решения проблем по охране атмосферного воздуха предусмотрены мероприятия по разработке экономических стимулов и мониторингу увеличения уровня утилизации попутного нефтяного газа, мониторингу снижения выбросов загрязняющих веществ, строительству объектов утилизации попутного нефтяного газа, мониторингу атмосферного воздуха в крупных населенных пунктах автономного округа. Подпрограмма «Строительство объектов утилизации попутного нефтяного газа» предусматривает ряд мероприятий, которые реализуются на основе программ предприятий — природопользователей за счет собственных средств. Мероприятия по утилизации попутного нефтяного газа в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре также реализуются за счет ведения базы данных состояния утилизации попутного нефтяного газа по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре в соответствии с распоряжением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 4 апреля 2003 г. № 246-рп «Об электронных базах данных Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в области государственного управления недропользованием» [17].

Проблема загрязнения окружающей среды нефтью и нефтепродуктами на сегодняшний день является одной из основных и наиболее частых в сфере недропользования. Основной причиной подобных загрязнений служат аварийные прорывы трубопроводов вследствие высокой степени их износа. Недропользователи не готовы вкладывать значительные финансовые средства на проведение реконструкции систем трубопроводов. Согласно данным Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), ежегодно в окружающую среду попадает около 50 тыс. тонн нефти в результате аварийных разливов нефти и пластовых вод, площадь загрязнения почв достигает до 10 тыс. га [18]. Особо остро проблема возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с разливами нефти и нефтепродуктов стоит на северных территориях Российской Федерации.

Планы по предупреждению и ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов в субъектах Российской

Федерации разрабатываются компаниями-недропользователями, которые осуществляют разведку нефтяных месторождений, добычу нефти, переработку, транспортировку, хранение нефти и нефтепродуктов. В законодательстве установлено обязательное согласование данных планов с органами исполнительной власти субъекта, на территории которого осуществляется подобная деятельность, а также с территориальными органами Федерального горного и промышленного надзора Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, Министерства природных ресурсов Российской Федерации и утверждаются Министерством энергетики Российской Федерации и Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Достаточно эффективное правовое регулирование предупреждения и ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов осуществляется в некоторых субъектах на северных территориях Российской Федерации, в которых активно осуществляется добыча, переработка, транспортировка нефти и нефтепродуктов.

В Ямало-Ненецком автономном округе принят ряд нормативных правовых актов в сфере предупреждения

и ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов, таких как Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 29.05.2014 № 429-П «Об утверждении требований к разработке планов по предупреждению и ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» [19], постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 14.02.2014 № 88-П «О силах и средствах территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Ямало-Ненецкого автономного округа» (вместе с «Перечнем сил и средств постоянной готовности регионального уровня территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Ямало-Ненецкого автономного округа») [20].

В силу ограниченности полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, возможность полноценного регулирования отношений в данной сфере отсутствует, что является потенциально опасным для экологии территорий. Лишь учет природно-климатической специфики соответствующих территорий при правовом регулировании возможно полноценное обеспечение экологической безопасности при осуществлении деятельности по недропользованию.

Литература:

1. Агафонов, В.Б. Правовое регулирование охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности: теория и практика: дис.... д-ра юр. наук. М., 2014. с. 116.
2. Боголюбов, С.А. Необходимость единой государственной экологической политики для России. Правовое обеспечение единой государственной экологической политики Российской Федерации: Материалы круглого стола (Москва, 11 апреля 2011 г.) — М.: Юстицинформ, 2011. с. 12–13.
3. Жаворонкова, Н.Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера. Монография. М.: Издательство Юриспруденция, 2007. — 168 с.
4. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
5. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
6. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.
7. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 11.02.2004 № 5-ЗАО «О защите населения и территорий Ямало-Ненецкого автономного округа от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Красный Север. 2004. Спецвыпуск № 4.
8. СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
9. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2013 году» // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.mnr.gov.ru/> (дата обращения 09.07.2015).
10. СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
11. СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.
12. СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3503.
13. СЗ РФ. 2000. № 35. Ст. 3582.
14. СЗ РФ. 2002. № 16. Ст. 1569.
15. СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.
16. Красный Север. 2004. Спецвыпуск № 4.

17. Собрание Законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 2003. № 4.
18. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://rpn.gov.ru/opaedata> (Дата обращения 16.09.2014)
19. Красный Север. 2014. Спецвыпуск № 35/1.
20. Красный Север. 2014. Спецвыпуск № 9.

Особенности проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

Тесленко Анастасия Олеговна, магистрант
Тюменский государственный университет, филиал в г. Сургуте

При расследовании преступлений, относящихся к незаконному обороту наркотических средств, следователь должен быть готов к проведению осмотра места происшествия.

Получив от дежурного по отделу (отделению, управлению) внутренних дел или органа Госнарконтроля сообщение о произошедшем происшествии, следователь должен максимально подробно выяснить: что, где, когда произошло и какие имеются там следы, организована ли охрана места происшествия, нет ли пострадавших и др.

Если на месте происшествия имеются пострадавшие или продолжаются чрезвычайные действия (например, пожар в случае хищения наркотиков из аптеки и ее поджог), следователь выясняет, оказана ли медицинская помощь этим лицам. Если таковая не оказана, он обязан вызвать скорую медицинскую помощь на место происшествия. Если продолжаются чрезвычайные обстоятельства, следователь должен принять меры по их ликвидации.

Следователь поручает сотрудникам органа дознания, оказавшимся на месте или рядом с местом происшествия: принять все необходимые меры к сохранению в неприкосновенности на этом месте всей обстановки, особенно следов преступления; собрать необходимые справочные данные относительно обстоятельств происшествия путем опроса очевидцев, свидетелей и лиц, проживающих либо находившихся поблизости; выяснить как можно больше данных о приметах внешности преступников и принять все необходимые меры к их розыску и задержанию; обеспечить к моменту его прибытия присутствие рядом с местом происшествия тех лиц, от которых можно получить информацию о произошедшем событии (очевидцев преступления, если они установлены; свидетелей, которые обнаружили следы преступления; иных лиц, которые могут сообщить сведения об изменениях обстановки, внесенных совершенным преступлением в подлежащее обследованию место, и т. д.).

Закон (ч. 1 ст. 177 УПК РФ) предусматривает проведение осмотра с участием понятых, за исключением случаев, указанных в ч. 3 ст. 170 УПК РФ. На практике воз-

никает обычно две ситуации: в первом случае следователь подбирает понятых до выезда на место осмотра, и последние выезжают на место происшествия вместе с ним; во втором случае понятые подбираются следователем (либо сотрудниками органа дознания) непосредственно на месте осмотра. На наш взгляд, предпочтительна первая ситуация. В этом случае у следователя появляется возможность подобрать таких понятых, которые не будут заинтересованы в исходе дела, среди них не будет участников произошедшего криминального деяния (подлежащего расследованию) и др.

К участию в осмотре целесообразно привлекать специалистов медицинского профиля (наркологов, фармацевтов, химиков и т. п.). В необходимых случаях осмотр может производиться с участием подозреваемых в хищении лиц.

Обнаруженный объект, похожий на наркотик, подлежит обязательному осмотру. Цель осмотра — исследование упаковочного материала, самого наркотического средства.

Поскольку по внешнему виду не всегда представляется возможным определить, является ли объект наркотиком, к осмотру целесообразно привлекать в качестве специалиста работника экспертно-криминалистического подразделения, специализирующегося на физико-химических исследованиях наркотических средств, или иных специалистов (химиков, фармацевтов). При этом важно иметь при осмотре специальные наборы реактивов для экспресс-анализа (предварительного исследования) наркотических веществ — «Политест», «Нарко», — имеющихся в большинстве органов МВД, ФСКН, ФСБ.

Такой комплект, как «Политест-2», содержит 15 тест-упаковок под индексом «Ф» и две — под индексом «Р». Так, например, морфин, кодеин, промедол определяются тест-упаковкой под индексом «Ф-1», «Ф-8»; амфетамины — «Ф-1», «Ф-5»; барбитураты — «Ф-2», «Ф-9» [1].

При осмотре места происшествий по рассматриваемым делам могут потребоваться следующие технические

средства: следственный (унифицированный) чемодан; дактилоскопический комплект (наборы дактилоскопических порошков, реактивов, кисти — магнитная и колонковая, дактилоскопические пленки и пр.); увеличительные приборы (лупы от 1,5 до 10-кратного увеличения, дорожный микроскоп); набор «Капля» (для работы с микрообъектами на месте осмотра); комплект для изъятия и сохранения объемных следов (ног, транспортных средств и пр.); наборы экспресс-тестов для предварительного исследования наркотических средств: капельные (например: набор ООН; набор фирмы «Фолин-Фогель» производства Австрии с комплектом реагентов фирмы «Merck»; набор «ЭАН» производства России и др.). Капельные наборы предназначены для проведения анализа на фарфоровых или стеклянных пластинах с углублениями (плашках), куда помещаются образцы объектов, которые затем обрабатываются реагентами с помощью пипеток или капельниц; аэрозольные (например, тесты на кокаин и каннабиноиды). Данные тесты предназначены для проведения анализа на фильтровальной или хроматографической бумаге, на которую помещаются испытуемые объекты с последующим опрыскиванием цветными реагентами из аэрозольных баллончиков; ампульные (например, комплекты «NIC», «Narcotest», «Политест»). Последние предназначены для проведения анализа путем механического раздавливания стеклянных ампул с реагентами в прозрачных реакционных контейнерах, полимерных пакетах или трубках [2].

Обследование малоформатных объектов (небольшой плотности) может быть проведено переносными рентгеновизуальными установками типа «Гортензия», рентгеновскими портативными интроскопами типа «Яуза», «Линда», «Рони» и др. Кроме того, для поиска небольших пакетов с наркотиками в затрудненных местах могут быть применены переносные флюороскопы типа «ФП-1», «ФП-2», «ФП-4». Для поиска наркотических средств в труднодоступных для непосредственного визуального осмотра местах (например, люках, дымоходах, трубах, бензобаках, канистрах и т.п.) можно использовать эндоскопические приборы типа «ЭТГ8-1,5», типа «Вулкан» (модификации: 1–4), снабженные гибким волоконно-оптическим жгутом от 40 до 270 см (в зависимости от модификации). Проверка малогабаритных упаковок, содержимого банок, пакетов и пр., выявление тайников можно осуществить с помощью портативного дефектоскопа типа «ФП-3». Приборы типа «Репер-3», «Светлячок» позволяют обнаруживать наркотические средства за обшивкой и в полостях транспортных средств.

Для поиска следов наркотических средств следователь может использовать специальный комплект, в который входят аэрозоли Coco-Test, Herosol, Cannabisspray, Methest, Barbitest и индикаторная бумага (специальный комплект, в который входят портативный ультравысокочувствительный детектор наркотических средств фирмы «Securites Gmbh» производства Германии, портативный электронный модуль и иммуносенсор в виде пластиковых

карт — производство США) и др.; компактные газовые хроматографы — для анализа наркотических средств.

Кроме вышеуказанных технических средств специального назначения следователь для поиска наркотических средств при осмотре часто применяет различные источники освещения (например, электрические фонари с новыми батарейками, источники УФ-лучей), наборы отверток, стамесок, зонды, зеркала, резиновые перчатки, пинцеты, скальпели, измерительные приборы и инструменты (например, весы с разновесами, рулетку, метр, линейки и пр.), а также фото-, кино-, видеоаппаратуру (для фиксации действий следователя, обстановки происшествия, обнаруженных там следов и др.), конверты, пакеты, пробирки, банки, сумки для изъятия и сохранения наркотических средств; бланки и чистые листы бумаги для фиксации следственного действия (составления протокола, схем, планов, чертежей, рисунков) и др. В частности, по изученным уголовным делам видеокамера применялась только в 1,23% случаях, фотоаппарат — в 0,61% случаях, служебно-розыскная собака — в 4,94% случаях проведения осмотра места происшествия. Это свидетельствует как о слабой технической оснащенности правоохранительных органов, так и о пренебрежении использования криминалистической техники на практике [3].

В случае проведения осмотра в подпольных лабораториях по производству синтетических и полусинтетических наркотических средств необходимо предусмотреть в числе технических средств (дополнительно к вышеперечисленным): толстые резиновые перчатки, противогазы марки «В», наручники, рабочие халаты и др.

Следователь проверяет: удалены ли посторонние лица с места осмотра. Если это не сделано, то дает команду сотрудникам органа дознания, просит представителей общественности (если последние приглашены для участия в осмотре) удалить с места происшествия всех лиц, не имеющих к нему отношения. В необходимых случаях можно оставить на месте происшествия тех лиц, от которых можно ожидать получения сообщения о происшедшем. После получения от них информации о событии происшествия их следует также удалить с места происшествия. В некоторых случаях на месте происшествия оставляют тех лиц, которые могут оказать помощь в проведении осмотра: это представители организации, предприятия, учреждения, на территории которых произошло криминальное деяние; материально ответственные лица, если вопрос будет касаться материальных ценностей, находящихся у них на балансе; дворники, сторожа и др.

Методика проведения исследования зависит от количества и свойства изъятого наркотического вещества. При работе с небольшими количествами наркотических веществ очень трудно определить цвет, поскольку при уменьшении размеров рассматриваемых частиц существенно меняется их видимый цвет. Для облегчения этого процесса необходимо пользоваться криминалистическими определителями цветов (атласами) для макро- и микрообъектов [4].

По результатам осмотра места происшествия следователь и оперативники анализируют полученные сведения о преступлении и его возможных участниках, изъятые вещественные доказательства и следы, окурки, упаковки. На этой основе строятся версии о личности вероятного

преступника, продолжается проведение оперативно-розыскных мероприятий по ее установлению. Необходимо учитывать также способ совершения преступления, наименование, расфасовку и другие признаки: количество, степень популярности среди местных наркоманов.

Литература:

1. Яшин, А. А. Особенности производства осмотра при расследовании хищений наркотических средств или психотропных веществ, совершенных работниками учреждений здравоохранения // *Медицинское право*. 2009. № 1. с. 43.
2. Сорокин, В. И., Егевский А. В., Дегтярев Е. В., Волков С. К. Использование экспресс-тестов при исследовании наркотических средств и сильнодействующих веществ. М., 1997. с. 48.
3. Иностранная печать о техническом оснащении полиции зарубежных государств. 1999. № 3, 5, 6; 2000. № 1, 4 и др.; Ганшин В. М., Чебышев А. В., Фесенко А. В. Анализ наркотических средств во внелабораторных условиях // *Специальная техника*. 1998. № 1. с. 32–38; Вандер М. Б. Научно-технические средства и их применение в правоохранительной деятельности // *Руководство для следователей*. М., 1998. с. 104–118; и др.
4. Бибииков, В. В., Полуэктов С. С., Шаповалов С. Б. Криминалистическое исследование цвета микробиообъектов. М., 1989. с. 27–28.

К вопросу о действительности завещаний

Федосеева Александра Леонидовна, магистрант;
Зимнева Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрен вопрос о признании завещания недействительным, в частности, исследуются проблемы установления нотариусом недееспособности и ограниченной дееспособности граждан при удостоверении завещания.

Ключевые слова: завещание, нотариус, недееспособность, ограничение дееспособности, единая информационная система.

Соблюдение нотариальной формы завещания в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ) — это один из важнейших аспектов действительности завещания. Каждому гражданину при желании составить завещание гарантируется свобода и обеспечение тайны завещания до наступления соответствующего момента.

В случае нарушения принципов составления свободы и тайны завещания, завещатель вправе потребовать компенсацию морального вреда и (или) воспользоваться другими способами защиты гражданских прав, предусмотренными действующим законодательством. Только завещатель волен сам определять, сообщать кому-либо о названных выше фактах или оставить их в тайне вплоть до открытия наследства.

Федеральный закон от 21.12.2013 N 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] предусмотрел создание и функционирование с 1 июля 2014 г. единой автоматизированной информационной системы, предназначенной для комплексной автоматизации процессов сбора, обра-

ботки сведений о нотариальной деятельности и обеспечения всех видов информационного взаимодействия (обмена). Оператором и собственником этой системы стала Федеральная нотариальная палата.

Указанный закон предусматривает создание в России реестра удостоверенных завещаний и уведомлений об отмене завещаний. Предполагается, что формирование такого реестра позволит решить проблему отсутствия у родственников умершего информации обо всех его завещаниях. Нотариус будет обязан внести информацию о завещании в течение двух рабочих дней с момента его составления, изменения или отмены. Сведения об удостоверении, изменении или отмене завещания будут предоставляться после открытия наследства [3].

Считаем, что ведение реестра завещаний нотариусами — важнейшая функция по охране гражданского порядка. Действительно, наследодатель имеет право удостоверить завещание у любого нотариуса (ст. 1124 ГК РФ), что в совокупности с правилом о тайне завещания это означает: наследники не могут выяснить, сколько завещаний и у каких нотариусов составлено наследодателем.

Согласно ст. 1125 ГК РФ нотариально удостоверенное завещание должно быть либо написано завещателем, либо записано с его слов нотариусом. Как следует из п. 2 ст. 1118 ГК РФ, завещание может быть совершено только гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме. Исходя из ст. 57 Основ законодательства о нотариате [4], нотариус удостоверяет завещания дееспособных граждан, составленные в соответствии с требованиями законодательства и лично представленные ими нотариусу. Завещание может быть совершено только гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме.

Изучение судебной практики позволяет сделать вывод о том, что, решая вопрос дееспособности гражданина по искам об обжаловании завещаний суды руководствуются преимущественно заключением судебно-психиатрической экспертизы [5]. И только в случае, если экспертиза по делу не проводилась или эксперты не смогли ответить на поставленные вопросы, суд считает, что причин не доверять составленному документу и пояснениям нотариуса, который несет профессиональную ответственность за свои действия, не имеется [6, с. 32].

Таким образом, подобные иски о признании завещания недействительным представляют определенную сложность, так как не всегда возможно безошибочно установить психическое состояние завещателя на момент составления им завещания, а следствием этого может быть нарушение последней воли завещателя. В целях обеспечения гарантии права завещателя в вопросе распоряжения своим имуществом после смерти, Положением «О Единой Информационной Системе нотариата Российской Федерации» [7] (далее — ЕИС) установлена единая информационная система нотариата Российской Федерации, предоставляющая нотариусам дополнительную информацию при совершении нотариального действия.

В соответствии с Положением «О Единой Информационной Системе нотариата Российской Федерации» ЕИС состоит из информационных разделов, среди которых имеется раздел 6.12. «Ограничения по лицам (недееспособные лица, несовершеннолетние лица, список «Анти-террор» Росфинмониторинга)».

Как мы видим, в разделе 6.12. информация представляется о недееспособных лицах, а данные об ограниченно дееспособных лицах отсутствуют, что является на наш взгляд недостатком. Так, со 2 марта 2015 года в за-

конную силу вступили изменения в ГК РФ, согласно которым новыми основаниями для ограничения лица в дееспособности стали наличие психического расстройства, вследствие которого гражданин может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, а также случаи, когда лицо вследствие пристрастия к азартным играм ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Над данными лицами будет установлено попечительство. Таким образом, при наличии вышеуказанных условий появится возможность признания ранее недееспособных лиц ограниченно дееспособными.

Однако гражданин, ограниченный в дееспособности по любому из данных оснований, как и любой ограниченно дееспособный, будет вправе самостоятельно совершать лишь мелкие бытовые сделки. Завещание же к таким сделкам не относится.

Кроме того, если основания для ограничения дееспособности гражданина, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими только при помощи других лиц, изменятся, попечитель обязан будет ходатайствовать перед судом об изменении ограничения дееспособности гражданина. В данном случае гражданин, признанный вследствие этого недееспособным, также не сможет самостоятельно совершать завещание [8, с. 40].

Таким образом, необходимо присоединиться к высказанному в литературе мнению В.М. Бутыриной, что «Недостатком Положения «О Единой информационной системе нотариата Российской Федерации» является отсутствие в п. 6.12 данных об ограниченно дееспособных лицах. Следует внести изменения, добавив статистическую карточку об ограниченно дееспособных лицах, с целью недопущения возможности удостоверения ими завещания (так как совершение завещания ограниченно дееспособными лицами запрещено законом)» [8, с. 40].

Представляется целесообразным и внесение изменений в Положение «О Единой Информационной Системе нотариата Российской Федерации» о том, что сведения о лишении либо ограничении дееспособности лица следует направлять на сервер ЕИС нотариата с момента вступления в законную силу решения суда о лишении лица дееспособности или ограничении дееспособности, а также о восстановлении в дееспособности. Это упростит поиск нужных сведений нотариусами.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: по сост. на 13 июля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2013 г. N 379-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — N 51. — Ст. 6699.
3. Керенский, И.В. В 2014 г. будет создана единая информационная система нотариата, содержащая реестры уведомлений о залоге движимого имущества, удостоверенных завещаний, выданных доверенностей и некоторые другие реестры [Электронный ресурс]. — М.: Подготовлено для «КонсультантПлюс», 2012.

4. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 02 октября 2012 г. N 166-ФЗ: по сост. на 21 декабря 2013 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — N 41. — Ст. 5531.
5. Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 10.06.2015 по делу N 33—250/2015 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.09.2015).
6. Трапезникова, А. В. Проверка дееспособности завещателя: теоретические и практические вопросы/А. В. Трапезникова // Наследственное право. — 2011. — N 4. — с. 32—34.
7. Положение «О Единой информационной системе нотариата Российской Федерации» (ЕИС) (утв. Правлением ФНП, протокол от 4—5 апреля 2013 г. N 05/13) [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.09.2015).
8. Бутырина, В. М. Некоторые спорные вопросы установления нотариусом дееспособности гражданина при удостоверении завещания/В. М. Бутырина // Бюллетень нотариальной практики. — 2015. — N 1. — с. 39—43.

Теория и практика исполнение наказания в виде ограничения свободы

Ходжалиев Салех Айсаяевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Автором рассматриваются проблемы исполнения ограничения свободы, анализируются нормы уголовного законодательства относительно наказания, формулируются предложения автора по совершенствованию законодательства и уголовно-исполнительного применения этого вида уголовного наказания. Оценивая систему исполнения наказания в виде ограничения свободы, автор пришел к выводу, что опыт применения наказания в виде ограничения свободы имеет значительное количество проблем теоретического и прикладного характера. По итогам исследования в данной статье автором определены основные проблемы исполнения наказания в виде ограничения свободы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: ограничение свободы, система наказаний, назначение наказания, исполнение наказания.

Одной из современных тенденций уголовной политики большинства развитых стран мира является активное применение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Проблема сужения применения лишения свободы в практике борьбы с преступностью является весьма актуальной для России, занимающей третье место в мире по числу осужденных, находящихся в местах изоляции.

Оценивая систему исполнения наказания в виде ограничения свободы, можно констатировать, что опыт применения наказания в виде ограничения свободы выявил значительное количество проблем теоретического и прикладного характера. Проведенный анализ показывает, что суды допускают множество серьезных ошибок при назначении наказания в виде ограничения свободы, которые, в свою очередь, приводят к трудностям при его исполнении, причем эти ошибки возникают не только из-за ненадлежащего исполнения отдельными судьями требований уголовного закона, но и в связи с имеющимися недостатками правовой регламентации данного наказания. Теоретическое исследование уголовного наказания в виде ограничения свободы, истории его становления и развития, содержания, практики назначения и исполнения, сравнение его с другими правовыми институтами как российского, так и зарубежного законодательства, выработка научно

обоснованных подходов к решению проблем назначения и исполнения данного наказания, повышению его эффективности представляются важными и своевременными.

Современное уголовное наказание в виде ограничения свободы не является результатом развития какого-либо отдельного наказания или иного правового института русского дореволюционного или советского периода, а сформировалось из элементов различных правовых институтов уголовного, уголовно-исполнительного и административного права: а) уголовных наказаний в виде ссылки, высылки, полицейского надзора; б) меры уголовно-правового характера в виде условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду; в) способа освобождения от наказания в виде условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду; г) мер социальной защиты в виде удаления из определенной местности, удаления из пределов Союза ССР на срок, удаления из пределов РСФСР или отдельной местности с обязательным поселением в иных местностях или без этого, или с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого; д) административно-правовой меры в виде административного надзора. [1, с. 67]

Введение в российское уголовное законодательство наказания в виде ограничения свободы было обусловлено

следующими внешними и внутренними факторами: 1) наличием общемировой тенденции развития системы мер, не связанных с лишением свободы, которая вызвала необходимость приведения российского уголовного законодательства в соответствие с принципом достаточности и полноты альтернативных видов уголовных наказаний, закрепленном в международных правовых актах; 2) лоббированием международными организациями активного внедрения в России технологий электронного мониторинга для осуществления надзора за осужденными; 3) острой внутренней потребностью российской правовой системы в устранении разрыва в характере и объеме правоограничений между лишением свободы и другими расположенными выше в системе наказаний видами наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному запретов и обязанностей, которые должны соблюдаться и исполняться осужденным в течение установленного судом срока под надзором уголовно-исполнительной инспекции и под угрозой наступления указанных в уголовном законе неблагоприятных последствий в случае несоблюдения запретов или неисполнения обязанностей.

Надзор за осужденными к ограничению свободы представляет собой осуществляемую в порядке, предусмотренном уголовно-исполнительным законодательством, а также издаваемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, деятельность уголовно-исполнительных инспекций по наблюдению в течение установленного судом срока за поведением осужденных к ограничению свободы, соблюдением ими установленных запретов, выполнением возложенных на них обязанностей и принятию в случае необходимости установленных законом мер воздействия. [2, с. 44]

Осужденному к ограничению свободы в обязательном порядке устанавливаются следующие запреты: 1) не покидать пределы территории муниципального образования, в котором расположено место жительства осужденного; 2) не изменять место жительства без согласия специали-

зированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы.

Осужденному к ограничению свободы могут быть установлены следующие запреты: 1) не уходить из дома, квартиры либо иного жилища, являющегося для осужденного местом жительства, в определенное время суток (за исключением случаев ухода из дома, квартиры либо иного жилища на работу или учёбу); 2) не посещать определенные места в пределах территории муниципального образования, в котором расположено место жительства осужденного; 3) не участвовать в массовых и иных мероприятиях; 4) не изменять место работы и (или) учёбы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы; 5) не общаться с определенными лицами или группами лиц; 6) не владеть и не пользоваться определенным имуществом; 7) не употреблять алкогольные напитки, наркотические средства, психотропные и токсические вещества или иные одурманивающие вещества.

По итогам исследования в данной статье можно определить основные проблемы исполнения наказания в виде ограничения свободы.

Проблема назначения наказания в виде ограничения свободы, которая проявляется в: 1) отсутствии сложившейся судебной практики назначения ограничения свободы; 2) нежелании судов активно применять новый вид наказания.

Проблема исполнения наказания в виде ограничения свободы, которая обусловлена следующими причинами: 1) высокая нагрузка на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, возросшая с введением наказания в виде ограничения свободы, что негативно отражается на качестве осуществления инспекторами своих функций; 2) высокая стоимость создания системы электронного мониторинга (в том числе закупка и установка необходимого оборудования, обучение сотрудников), а также существенные регулярные затраты на обслуживание и ремонт оборудования.

Литература:

1. Баранов, Ю. В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. — 234 с.
2. Головкин, Л. В. Альтернатива лишению свободы — очередная химера? // ЭЖ-Юрист. — 2010. — № 3. — с. 44–46.

Анализ государственной молодежной политики России в области занятости и трудоустройства выпускников учреждений высшего образования

Ходжалиев Салех Айсевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Выпускники вузов — это группа населения, которая находится в стадии своего социального становления, освоения социальных ролей, ищущая свое место в социальной жизни общества. Данная особая роль молодежи в обществе усложняет ее положение на рынке труда. Существуют объективные обстоятельства, затрудняющие процесс социализации молодежи в области трудоустройства, например, невладение ею практическим опытом работы по специальности и связанная с этим слабая конкурентоспособность в сфере занятости, отсутствие навыков самостоятельного входа в поле профессиональной деятельности и слабая ориентация в трудовых отношениях, а также несоответствие получаемых в учебных заведениях знаний потребностям реальных рабочих мест. [1, с. 26].

Усиливает данные затруднения наличие основного противоречия в современном положении молодежи на рынке труда, проявляющегося в возрастающей дистанции между ее трудовыми притязаниями и возможностями их удовлетворения. В основе данного противоречия, с одной стороны, лежит закономерное стремление молодежи качественно и благополучно существовать, реализуя собственные творческие планы и удовлетворяя личные амбиции, но с другой — наличие негативных условий развития социальной, экономической и правовой систем в стране не способствует исполнению данного желания. Стоит отметить, что успешному вступлению молодежи в трудовую деятельность не содействуют возникающие со стороны работодателей нарушения условий ее занятости.

Одной из первых молодежь реагирует на увеличивающуюся дифференциацию доходов у населения, отрицая низкий уровень оплаты труда, нередко делая выбор в пользу нестабильных, но высокодоходных видов деятельности, включая трудоустройство в неформальном секторе экономики. Вместе с тем высокие запросы представителей молодежи к оплате труда делают достаточно затруднительным поиск подходящей работы по двум причинам. Во-первых, из-за отсутствия или недостаточности практического опыта работы и необходимых профессиональных контактов, во-вторых, из-за весьма ограниченного диапазона вакансий на хорошо оплачиваемых местах работы, заполнение которых напрямую связано с профессиональным опытом и налаженными контактами.

Данное противоречие во многом поясняет специфику занятости молодежи и ее положение на рынке труда. Главная особенность заключается в повышающемся недоиспользовании трудового потенциала молодежи, что само по себе отрицательно и носит еще более негативный характер в связи с тем, что тормозится процесс обновления рабочей силы и ротации кадров, особенно в отраслях,

не престижных по той или иной причине для молодежи. В основе данных причин лежит смена основополагающих моральных ценностей и устоев, не контролируемое влияние окружающей действительности, под влиянием которых молодые люди низко оценивают профессиональный квалифицированный труд, поэтому видят достижение профессионального успеха не в труде и способностях, а в умении осуществлять кратковременные «коммерческие» проекты. Это дает основание прогнозировать повышение численности неквалифицированной рабочей силы, не обладающей внутренней дисциплиной и ответственностью. В связи с этим молодые люди либо переходят в число безработных иждивенцев, либо заняты в неформальной экономике. Это противоречие весьма негативно проявляется на потенциале профессионального самоопределения молодежи, ограничивая ее экономическую самостоятельность, мешая реализации ее трудовых прав и обязанностей [2, с. 50].

Существенные проблемы с трудоустройством молодежи вызваны также тем, что в процессах создания в стране рыночной экономики и развития рынка труда произошли значительные сдвиги в структуре занятости населения, в спросе на различные категории работников. Появляющийся спрос зачастую оказывается несогласованным с поступающим предложением. В соответствии с закономерностями развития постиндустриального общества увеличивается потребность в специалистах для постоянно возникающих новых специальностей. Однако продолжительный цикл подготовки высококвалифицированных специалистов в вузах (4–6 лет) приводит к тому, что выпуск задерживается по отношению к спросу и часто не соответствует жизненным потребностям предприятий и организаций в персонале.

Таким образом, средства, поступающие из бюджета и выделяемые на подготовку молодого специалиста по определенной специальности, расходуются неэффективно: экономика региона не приобретает необходимых специалистов; выпускники образовательных учреждений вынуждены менять свою квалификацию под потребности рынка труда; образовательные учреждения продолжают выпускать по специальности, не пользующихся спросом на рынке труда. С отменой системы государственного распределения учебные заведения лишились информационной обратной связи и ответственности за подготовку «не нужных» специалистов. Вместе с тем становится очевидной необходимость создания единой системы оценки перспективной потребности в высококвалифицированных кадрах с государственным заказом на подготовку специалистов для стратегически важных и отраслеобразующих

предприятий для обеспечения роста в экономике региона. Такая система должна быть применена для районов и отдельных административно-территориальных образований региона (города, поселки городского типа вплоть до сельских населенных пунктов и отдельных предприятий).

Кроме этого ситуация на рынке труда усложняется для молодежи, с одной стороны, уменьшением спроса на молодых специалистов, с другой — в увеличившемся ужесточении требований к их профессиональной подготовке, поэтому подавляющая часть выпускников учреждений профессионального образования сталкивается с тяжелыми трудностями при трудоустройстве.

Молодые люди, имеющие высшее образование, часто не имеют полноценной возможности применить полученные знания и навыки, освоить особенности конкретных приложений своих знаний по специальности, что сказывается на квалификации. В первую очередь это связано с тем, что информация о потребностях, возникающих на рынке труда, о вакансиях предприятий и организаций не систематизирована, а рассеяна по различным источникам, таким, как периодическая печать, ярмарки вакансий, проводимые предприятиями, государственными службами занятости.

Исходя из вышеизложенного, современные молодые специалисты начинают считать полученную профессию не соответствующей их материальным и нравственным запросам, то есть неконкурентоспособной на рынке труда (зачастую, это оказывается соответствующим действительности), что приводит к психологическим травмам, утрате веры в будущее, социальным проблемам.

Необходимость усиленного внимания к проблеме трудоустройства молодых специалистов обуславливается и наличием созданной в условиях плановой экономики концепции трудоустройства молодежи. По прошествии времени в настоящий момент она утратила свою актуальность и эффективность, требуя выработки от государства принципиально новых подходов, организационных и методических принципов создания и функционирования государственной системы содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройству молодых специалистов [3, с. 11–13].

Действуя в русле заданных тенденций, сейчас основными направлениями деятельности государственных органов в области содействия обеспечения экономической самостоятельности молодежи и реализации ее трудовых прав и обязанностей, предусмотренных Концепцией государственной молодежной политики в Российской Федерации, являются: создание условий для занятости молодежи; содействие профессиональной ориентации, профессиональной подготовке и переподготовке молодых граждан; формирование и реализация программ социальной адаптации и повышения конкурентоспособности молодежи на рынке труда; обеспечение финансовой поддержки мероприятий по созданию рабочих мест для молодежи; материально-техническая и финансовая поддержка деятельности молодежных учебных предприятий, биз-

нес-инкубаторов, учебно-деловых центров, коммерческих организаций; поддержка молодежного предпринимательства [2, с. 50].

В целях содействия занятости молодежи государство использует следующие меры и средства: учет специфики молодежной рабочей силы при осуществлении государственной молодежной политики в сфере занятости, в том числе интересов наименее защищенных групп молодежи при определении мер социальной поддержки в период временной незанятости; использование экономических стимулов, в том числе налоговых льгот, повышающих заинтересованность предприятий, учреждений и организаций в предоставлении молодежи бесплатных (льготных) услуг по трудоустройству, в приеме на работу и расширении рабочих мест для молодежи, в профессиональной подготовке, производственном обучении и переподготовке молодых работников; установление для предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности и их организационно-правовой формы, квот (с предоставлением работодателям налоговых и иных льгот) для приема на работу выпускников детских государственных воспитательных и специальных учебно-воспитательных учреждений; подростков, оставивших учебу; лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания; молодых граждан, особо нуждающихся в поддержке при поиске работы и др.; законодательное закрепление ответственности работодателей при невыполнении обязательств по выделению рабочих мест в рамках установленных квот; осуществление мер, облегчающих процесс перехода молодежи от учебы к труду, в том числе путем создания специализированных служб занятости, профессиональной ориентации, подготовки и переподготовки молодых работников, а также организации общественных работ по специальным программам [3, с. 14].

Организация трудоустройства молодежи в России происходит в тесном взаимодействии всех субъектов государственной системы подготовки молодежи к трудовой деятельности.

В современной системе трудоустройства функционируют центры содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройству выпускников учреждений профессионального образования, которые занимаются непосредственной деятельностью по трудоустройству (организация стажировок и практик, временная занятость студентов в свободное от учебы время, трудоустройство по окончании учебного профессионального образования); предоставлением информации о спросе и предложении на рынке труда (ведение базы данных информационной системы поддержки трудоустройства); переподготовкой и дополнительным профессиональным обучением незанятых выпускников (организация дополнительных курсов в рамках существующих учебных программ, краткосрочные программы переподготовки и дополнительной подготовки незанятых выпускников на базе учебных профессиональных образований); решением стратегических задач по проблемам трудоустройства (взаимодействие с промышлен-

ными предприятиями и другими работодателями, с органами власти, общественными организациями и т.п., анализ спроса на специалистов, прогнозирование развития ситуации, определение специфики учебных профессиональных образований на рынке образовательных услуг и стратегических ориентиров подготовки специалистов) [3, с. 63].

К сожалению, стоит отметить, что не во всех учебных профессиональных образованиях организованы подобные структурные подразделения, не говоря уже об учреждении региональных центров, поэтому в настоящее время идет интенсивная работа по их успешному созданию и функционированию во всех учебных профессиональных образованиях и субъектах страны. Данная сеть центров должна в последующем стать основой системы содействия трудоустройства в России.

Основная тяжесть в организации трудоустройства всей молодежи ложится на структуры службы занятости населения и молодежные биржи труда. Работа для молодежи в них ведется в следующих направлениях: организация трудоустройства; профориентационная работа; организация работы студенческих отрядов и методическое сопровождение деятельности. Стоит отметить, что в России функционирует множество молодежных трудовых отрядов, среди них можно выделить отряды педагогического, строительного, железнодорожного, путинного, сельскохозяйственного направлений, отряды благоустройства территорий городов и населенных пунктов, озеленения и ухода за скверами. Заслуживает особого внимания в деятельности студенческих трудовых отрядов наличие профессиональной подготовки. Региональные штабы студенческих отрядов проводят регулярные семинары-тренинги с командирами и комиссарами студенческих отрядов. Для членов отрядов организуются занятия по специальности [2, с. 61].

Несмотря на существование положительных результатов в решении проблем трудоустройства молодежи, об-

ращает на себя внимание ряд недостатков в деятельности данных структур, наблюдающийся на протяжении продолжительного периода их существования. Во-первых, отсутствие понимания приоритетного положения молодежи на рынке труда, ввиду ее особого статуса в обществе, как группы населения обладающей основным трудовым потенциалом. Во-вторых, преобладающая роль исполнительных функций подобных структур, направленных на заполнение имеющихся свободных вакансий на рынке труда, без пристального учета специфики трудовой занятости молодежи, профессиональной и индивидуальной ориентации. В-третьих, небольшая оснащенность таких структур специализированной информационной, методической, материальной помощью в области трудоустройства молодежи.

Таким образом, принимая во внимание опыт реализации программ по трудоустройству молодежи в России для построения качественной, современной, эффективной системы содействия по трудоустройству молодежи необходимо выполнение следующих мероприятий: формирование экономических механизмов, обеспечивающих функционирование системы содействия трудоустройству молодежи; **создание научного обеспечения взаимосвязанного прогнозирования развития рынков труда и образовательных услуг**; формирование системы трудоустройства выпускников на региональном и межрегиональном уровнях с учетом потребностей рынка труда; разработка системы мер, направленных на поддержку и развитие деятельности студенческих отрядов; **формирование в системе профессионального образования сети региональных и вузовских центров, занимающихся вопросами содействия трудоустройству обучающихся и выпускников учреждений профессионального образования**; разработка механизмов правовой и социальной поддержки обучающихся и выпускников учреждений профессионального образования на рынке труда [2, с. 63].

Литература:

1. Мантуров, С.В. Молодежь как социальный субъект в полиэтническом социуме: моногр. М.: АПК и ППРО, 2006. 228 с.
2. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год/Министерство образования Российской Федерации. М., 2003. 131 с.
3. Энциклопедия содействия трудоустройству: в 3 т. Т. 1: Нормативная и методическая база системы содействия трудоустройству и занятости выпускников учреждений профессионального образования/Гл. ред. Е.П. Илясов. М.: РИТМ, 2005. 248 с.

Нравственные основы общества в правовом государстве

Шапиро Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой;

Абушова Анна Эльчиновна, студент

Международный юридический институт, Астраханский филиал

Право и нравственность определяются общественным пониманием. В процессе правового воспитания нравственные ценности приобретают правовое значение, рассматриваются в контексте правовой системы, конкретизируются применительно к индивидуальным правовым ситуациям, приобретают всеобщий характер.

Ключевые слова: мораль, нравственность, правила поведения, право, правовое государство.

Развитие общественных процессов меняет структуру и содержание современного общества. Оно становится более сложным. Морально-нравственные устои, всегда лежащие в его основе, теряют свою значимость. На этом фоне особенно важно показать значение и взаимосвязь всех видов социально-правовых норм, и их специфику. С точки зрения социально-правовых и исторических ценностей право и мораль всегда выступают регуляторами поведения человека в обществе, показателями его социального и культурного прогресса. Вряд ли можно найти более значимую и одновременно сложную проблему, каковой является проблема морально-нравственной составляющей права во всех его воплощениях, учитывая, что нормы позитивного права, выраженные в законах и иных источниках права, обусловлены общественным пониманием, отражают «законы» общества, его социальные потребности, ожидания и разрешения возникающих в нем противоречий.

Представление о праве как об универсальной системе справедливых установлений, создающих условия для осуществления независимой воли, сближает его с моралью, поскольку и право, и мораль открывается социальными регуляторами. Понятия справедливости и свободы, будучи основными ценностями морали, объясняют и природу права. [5, с. 26–27] Право строится на ценностях внешнего равенства, справедливости, заключающейся в эквивалентности полученного и предоставленного, свободы как положения осуществления правовых отношений. Для морали преимущественны ценности добра, справедливости, свободы как неперемного условия для возможности осуществления морального выбора. Таким образом, в процессе правового воспитания нравственные ценности приобретают «правовое значение», дифференцировано применяются в контексте правовой системы относительно конкретной правовой ситуации, не теряя при этом, общезначимый характер.

Определяющим элементом морально-нравственной деятельности человека, характеризующей подлинность поведения личности, является его поступок. «Человек, совершающий нравственный поступок, этим еще не добродетелен; индивид добродетелен, если данный способ поведения является базовой чертой его характера, следовательно, человек есть не что иное, как ряд последо-

вательных его поступков». [1] Особая роль отведена исключительно верующему человеку, поскольку, по мнению священнослужителей и представителей религиозных культов, именно, он может быть истинно нравственным человеком, поскольку «живет по-божески», соблюдает библейские заповеди.

Тем не менее, далеко не все верующие являются людьми богопослушными. Кроме того, само содержание религиозных текстов в вопросах нравственности противоречиво: правило Талиона в Ветхом завете — «око за око и зуб за зуб», «мне отмщение и аз воздам», тексты Нового завета, наоборот — «любить врагов своих». Доминирование в той или иной степени религиозно «окрашенных» этических групп и систем в различных государственно-общественных образованиях, также свидетельствуют о наличии проблем в понимании норм нравственности и морали, утрате незыблемой связи этих явлений с поведением, поступками и деятельностью человека.

Нельзя не отметить также особое положение Русской православной церкви, Центрального духовного управления мусульман и других религиозных организаций. Они представляют собой не только организации, объединяющие миллионы верующих, но и огромные экономические корпорации, имеющие большие денежные доходы. И не всегда «мужество» духовников выражается в готовности служить обществу бесплатно. В связи с этим вызывает озабоченность возможность совершения священнослужителями проступков, уголовных преступлений, а самое страшное взаимодействия религиозных организаций с криминальным бизнесом и другими структурами. Вовлеченность отдельных церковных структур в товарно-денежные отношения, которые являются предметом особой вотчины бандитов, свидетельствуют о наличии проблемы соотношения морально-нравственных ценностей и правового закона.

Моральная норма, рассчитанная на добровольное исполнение, может быть нарушена, что неминуемо влечет отрицательную оценку, духовное воздействие и порицание поступка человека. Это означает применение моральной санкции к индивиду и нравственного запрета на совершение им подобных поступков в будущем, одновременно формирует посыл всем окружающим. Моральная санкция подкрепляет нравственные требования, содержащиеся

в моральных нормах и принципах. Кроме того, такие аморальные поступки могут повлечь за собой помимо моральных санкций дисциплинарные, связанные с этикой поведения или другие

Моральную норму можно рассматривать с точки зрения ее негативной, запрещающей формы (например, десять заповедей), и позитивной (будь честен, береги честь смолоду). Если моральная норма устанавливает поведение человека в типичных ситуациях, то моральный принцип дает человеку общее направление деятельности, общие начала нравственности: гуманизм, милосердие, сострадание, любовь ко всем, коллективизм, справедливость.

«Достижение справедливости является одной из вечных идей и желаний человечества. На протяжении веков оценивались, и будут оцениваться с позиций справедливости либо ее отсутствия (несправедливости) многие системы, законы и социальные институты». [2, с. 135]

Представления о справедливости, закрепляемые в праве, должны развиваться и обогащаться. Сегодня к числу таких представлений «относятся стремление к высокому качеству жизни, защита интересов общества, соблюдение норм нравственности, устойчивое, разумное развитие общества. Будущее российского права, видимо, за соединением традиционных либеральных ценностей с нашими исторически сложившимися представлениями о справедливости». [3, с. 43] Говоря о защите интересов общества невозможно не вспомнить январские, а затем и сентябрьские события во Франции: сначала с карикатурой на пророка Мухаммеда и с утонувшим сирийским мальчиком. Средства массовой информации трубили «подробности убийств несчастных в редакции злополучного сатирического журнала Шарли Эбдо... террористы, прежде чем убить, требовали у своих жертв назвать свои имена. Фантазии не хватает, чтобы представить, какой ужас пережили перед смертью эти люди. И никакого воображения не хватает, чтобы воспроизвести то нечеловеческое хладнокровие и ту космическую жестокость, с какой действовали те, кто это совершил». [3, там же] Общественное сознание разделилось: одни защищали свободу слова, другие — оскорбленных религиозных верующих. И снова нормы нравственности, морали и права «столкнули лбами».

Полагаем, что такие безграничные способы выражения свободы слова свидетельствуют о солидарности и поддержке непопулярного, заслуживающего осуждения, «художественного» хамства. «Свободу слова при этих событиях можно воспринимать как вседозволенность, насмешливость над чужой верой в отсутствии своей. Ничего святого нет для жителя пластмассового мира, кроме прилавочной стоимости». [3, там же].

Таким образом, своего рода сбалансированным стержнем, скрепляющим всю иерархию социально-значимых ценностей от духовно-нравственных глубин до норм публичного права является, принцип справедливости. В сфере права справедливость приобретает вид равной меры свободы, равенства, равноправия. Данные социаль-

но-правовые явления находятся в зоне пересечения права и морали. «Каждый шаг по пути повышения моральности права, укрепления его нравственного фундамента способен приблизить человечество к совершенно новому ценностному юридическому мировоззрению, способствующему духовному возрождению общества». [4, с. 404]

Мораль обусловлена осознанным, нормированным поведением индивида, которое характеризуется его потребностью в сбалансированности и согласованности с интересами всего общества, преодолении противоречий между ними. Моральная норма это ответ на эту социальную потребность. Является очевидным, что мораль и право обладают способностью проникать в самые различные области общественной жизни, не ограничиваясь обособленной сферой социальных отношений. Они связаны с поведением людей и их взаимодействием. Следовательно, мораль и право «универсальны», они возникают и действуют, прежде всего, в отношениях собственности и политической власти. Тем не менее, тесная связь права и морали, не означает, что они всегда «работают» однонаправленно.

С развитием общества, когда наиболее сложные отношения требуют более жестких правовых предписаний, нравственные нормы, лежащие в основе общественных процессов, могут вступать в «конфликт» с правом и отражать отсутствие их необходимой согласованности. [5] Противоречие нравственности и права возникает также тогда, когда очнувшееся сознание личности отклоняется от общепринятых норм и нуждается в свободе действий и убеждений для духовной жизни.

Более того, современные российские законы не всегда отражают моральные принципы и нормы. В связи с этим задача юридической науки — способствовать выявлению факторов, понижающих, а иногда даже сводящих на нет общую позитивную направленность работы законодательных органов. Установление таких негативных факторов, снижение их действенности должно происходить не стихийно, а на основе научных рекомендаций. [6, с. 30–35]

Гуманистические и нравственные основы обязательно реализуются в процессе правоприменительной деятельности. Можно принять справедливые, мудрые, правовые законы, но работать они будут только посредством их практической реализации с учетом нравственных устоев общества и высоких моральных качеств правоприменительного органа.

Следовательно, ценностную основу общественных отношений составляют нормы нравственности и морали. Они охватывают все сферы общественной жизни и придают им индивидуальное человеческое начало. Они специфичны, выступают в качестве регулятора общественных отношений и способствуют формированию духовных ценностей. С целью упорядочивания поведения людей, регулятивную функцию наряду с моралью выполняет и право. Право является важнейшей самостоятельной формой духовного освоения действительности, представляет собой не только равную меру свободы, но и гарантии ее обеспе-

чения. Право как равная мера свободы осуществляется лишь посредством его применения и исполняется путем реализации правовых явлений: субъективных прав и юридических обязанностей, дозволений и запретов, предписаний, поощрений и ограничений. Поэтому, для защиты нравственных интересов общества, государство использует принудительные методы обеспечения прав и свобод граждан с одной стороны и ограничения незаконной деятельности отдельных лиц, с другой. В противном случае ограничения могут оказаться неоправданными и неспра-

ведливыми. Отношения государства и общества становятся более гармоничными, они тесно «сотрудничают», нуждаются друг в друге, требуют взаимной поддержки. Эти «партнерские отношения» должны базироваться на законодательно закрепленных моральных принципах. Очевидно, что современное российское государство в значительной степени заинтересовано в становлении здорового гражданского общества, с твердыми морально-нравственными устоями и справедливыми законами, как в средстве своего выживания.

Литература:

1. Гегель, Г.В. Ф. *Философия права*. //Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М., 1970.
2. Клименко, Т. М. Справедливость как принцип права// Вектор науки ТГУ. № 1 (4). 2011.
3. Гришкoveц, Е.В. Я не Шарли. Я боюсь. Газета//«Вечерняя Москва» 14.01.2015, <http://vm.ru/news/2015/01/14/evgenij-grishkovets-o-terakte-vo-frantsii-ya-ne-sharli-ya-boyus-275899.html>
4. Иванов, Л. О. *Право как ценность*. Материалы дискуссии. М., 2002.
5. Мальцев, Г.В. *Понимание права Подходы и проблемы*. М., Прометей, 1999.
6. Нерсесянц, В.С. *Право. Многообразие определений и единство понятия*. // Советское государство и право. 1983. № 10.

Идеология терроризма: актуальные аспекты

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Терроризм представляет собой одно из самых опасных и сложных явление современности, приобретающее все более угрожающие масштабы.

Его проявления обычно влекут массовые человеческие жертвы, разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой воссозданию; он порождает недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения. Его жестокость и наглость пугают нас, показывая нам нашу незащищенность и уязвимость.

Терроризм дает знать о себе регулярно, чтобы мы не забыли его и не расслабились. Он во всех его формах и проявлениях и по своим масштабам и интенсивности, по своей бесчеловечности и жестокости превратился ныне в одну из самых острых и злободневных проблем глобального значения.

Давно выйдя за национальные рамки, терроризм приобрел международный характер, акты терроризма привели к необходимости создания международной системы борьбы с ним. Терроризм относится к тем видам преступного насилия, жертвами которого могут стать невинные люди, каждый, кто не имеет никакого отношения к конфликту и жаль, что в последнее время для многих людей, групп и организаций терроризм стал лишь просто спо-

собом решения их проблем — политических, национальных, религиозных, субъективно-личностных и т. д.

К нему сейчас особенно часто прибегают те, которые иным путем не могут достичь успеха открыто, в политическом соперничестве, утверждении или отстаивании национальной независимости, реализации своих идей переустройства, мира и всеобщего благополучия, которые не вполне могут показаться нормальными. Неверно считать, что все это характерно лишь современному этапу развития гражданского общества.

Отметим то, что самыми эффективными средствами террора являются насилие и запугивание — как в отношении представителей власти, так и против мирных, беззащитных и, что крайне важно, не имеющих отношения к «адресату» террора людей.

Использование силового ресурса и правовых механизмов в борьбе с терроризмом — ничто, если при этом не учитываются его идейные корни, если им не противопоставляется иная, но столь же сильная по своему воздействию на мировоззрение человека идея, как и та, что подвигает террориста на совершение террористического акта. Вот почему наиболее сложной является борьба с националистическим и сепаратистским терроризмом. Идеи крови и почвы из всех великих идей являются наиболее древними и наиболее волнующими, на-

несенные на их основе обиды зачастую, как показывает история, не способны вытравить никакое время. «Член ИРА, палестинец, франко-канадец, молукканец или баск, корсиканский автономист или тирольский сепаратист могут понятно выразить свои мотивы...», — писал М. Функе, размышляя об эволюции западногерманского терроризма от стихийного бунта против системы (лучше поджечь универмаг, чем быть его владельцем!) до бессмысленных акций с преобладанием эгоистических мотивов, искажающих всякое представление о революционной культуре.

В действительности, терроризм, осуществляемый по социальным мотивам, может переживать состояния спада или упадка, когда идеи, породившие его, начинают ослабевать в сознании людей, вызывать скепсис и недоверие. Таковой была судьба леворадикальных террористов Западной Европы 60-х — 70-х гг. XXв.

Зародившись в «карнавальном» атмосфере 60-х гг. с ее во многом показным, символическим протестом, романтикой утопических порывов, страстной поглощенностью проблемами и процессами «третьего мира», где мудрые старики Хо и Мао возводят здание новой человеческой общности, левые террористы по мере того, как Запад переваривал и абсорбировал бунтарские порывы своих детей, трансформировал их идеалистический инфантилизм в предмет купли-продажи, исподволь засасывая молодежь в стихию рыночного чистогана, заражая их расчетливостью, циничным меркантилизмом и обывательской идеологией «среднего класса», превращались в хладнокровных расчетливых убийц, исподволь становясь орудием той самой системы, против которой они выступали. Это привело к тому, вместо усиления революционных настроений деятельность террористов все более вызывала массовое недовольство и осуждение, что привело их к углубляющейся изоляции. Террористическая деятельность перестала быть предметом теоретических рассуждений и приобрела характер антиинтеллектуальной политической практики. Поскольку общественные цели исчезли из деятельности террористов, механизм ее замкнулся и основным импульсом к продолжению борьбы стала защита личных интересов инициаторов террористических акций. [3, с. 357]

Социальный терроризм в странах Запада стал сдавать свои позиции. На этом фоне даже такой маститый терролог, как Уолтер Лакёр, констатировал, что к концу 70-х гг. волна терроризма при всех оговорках отступила. Зарубежные и отечественные авторы, констатировавшие в начале-середине 80-х гг. полное отсутствие у левых террористов какой бы то ни было прогрессивной или протестной революционной идеи, смычку их на этой основе с неофашистами и обычными уголовниками, тогда

еще не могли знать, что наблюдают не кризис социального терроризма, а момент спада, связанный со сменой глобальной мировоззренческой парадигмы человечества [4, с. 499].

С одной стороны, под влиянием системного кризиса в лагере социализма идеи левых теряли былую притягательность и популярность, уступая место все более оживляющимся праворадикальным расистским и неонацистским взглядам. С другой стороны, общий кризис цивилизации, основанной на либерально-материалистической идеологической доктрине, в основе которой лежало философское наследие эпохи Просвещения и прагматический рационализм западной культурной традиции, реанимировал интерес к разного рода религиозным мировоззрениям как в устоявшихся, ортодоксальных, так и во внеинституциональных модернистских формах. По злой иронии истории этот процесс совпал с триумфом политики Запада по развалу СССР и мировой системы социализма и с одновременным началом развертывания проекта глобализации, т.е. встраивание всего мира в суперимпериалистическую систему, в которой вступивший в постиндустриальную стадию развития Запад во главе со своим претендентом на роль мирового гегемона — США — играл бы роль мозга и координирующего центра, а все остальные страны заняли бы места согласно тому расписанию ролей, которое было предъявлено всему миру западными державами.

В этих условиях многие общества с традиционно сильными собственными мировоззренческими устоями ощутили опасность утраты культурной идентичности, потери с таким трудом завоеванной самостоятельности и растворении в безликой техницистской массовой псевдокультуре Запада. Возникли доктрины, предвещающие близкий конец света и явление Антихриста под предлогом установления нового мирового порядка. Политические и деловые круги незападного мира, деятельность и мировосприятие которых не связаны с пристальной ориентацией на США и их союзников, также почувствовали угрозу своему монопольному положению в ряде сфер, включая сферы теневого и преступного бизнеса, например, производство и торговля наркотиками. Все это сыграло роль в формировании таких сложных идеологических конструкций, которые фактически воодушевляют террористов сильнее, чем идеи борьбы с капиталом и возведенной им социальной системой, основанной на нищете и несправии. Несомненно, что сутью всех идеологических доктрин, мировоззренчески обрамляющих терроризм, является экстремизм радикально-революционного и радикально-консервативного толка. И тот, и другой в свою очередь может быть как ортодоксального, так и реформистского характера.

Литература:

1. Кожушко, Е.П. Современный терроризм. Анализ основных направлений/Под ред. А.Е. Тараса. — Минск: МГРТУ, 2010. — 368 с.

2. Бидова, Б. Б. Уголовное законодательство зарубежных государств и международные стандарты в сфере противодействия молодежному экстремизму // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2011. № 4. — с. 60–61.
3. Бидова, Б. Б. Криминологическая характеристика экстремизма, основанного на национально-религиозной специфике Северо-Кавказского федерального округа // Молодой ученый. 2012. № 12. — с. 356–358.
4. Бидова, Б. Б. Историко-правовые аспекты феномена экстремизма в России // Молодой ученый. 2013. № 5. — с. 498–501.

Религиозный экстремизм: истоки и тенденции возникновения

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Религиозный экстремизм, как и любое другое явление, — явление неслучайное и имеет свои объективные причины появления и закономерности. Мы придерживаемся той точки зрения, что необходимо бороться не с самим реальным явлением, которое уже есть и наступило, а нужно искоренять даже предпосылки его возникновения. Именно этот подход к борьбе с религиозным экстремизмом имеет большое значение, поскольку понимание причин появления экстремизма обязательно должно предшествовать применению тех или иных методов борьбы как непосредственно с данными причинами, так с самим экстремизмом. Имея это в виду, мы попытались определить причины возникновения религиозного экстремизма. Сразу хочется отметить, что причина возникновения рассматриваемого явления по своей сути является и проблемой поставленного вопроса.

Для начала давайте учтем тот факт, что нет только одного единого изолированного фактора, на котором будет «базироваться» абсолютно любое явление. Религиозный экстремизм — не исключение.

Причины возникновения религиозного экстремизма могут быть абсолютно разными: религиозными, политическими, социальными и др. Поскольку человек — существо социальное, изначально корень всей проблемы может находиться в самом человеке, в его взаимоотношениях с членами семьи, родственниками, друзьями либо может быть обнаружен при более глубоком анализе в противоречиях между внутренним миром самого экстремиста и окружающим обществом, между верой и поведением, идеалами и реальностью, религией и политикой [1]. Таких противоречий можно найти очень и очень много. Вполне логично, что такое внешнее и внутреннее «противостояние» рано или поздно заставит человека решить проблемы, прибегая к различным методам, в том числе и религиозному экстремизму.

Теперь перейдем непосредственно к причинам возникновения религиозного экстремизма:

1. Отсутствие у молодежи полноценного знания о целях и сути самой религии, ее первоисточников. При этом не важно, что это за религия, — православие,

католицизм, ислам, буддизм и т.д. Говорят, что лучше не знать ничего, чем знать это частично. Данное выражение можно полностью отнести и к нашему случаю. Поскольку полное отсутствие религиозного знания и практики приводит к одной форме экстремизма — эгоизму и аморальности, половинчатое, отрывочное знание приводит к противоположному результату — агрессивному радикализму. При этом отсутствие правильного понимания целей и внутренней системы религии приводит к слепой убежденности в своей правоте, а она, в свою очередь, в союзе с гордыней и тщеславием создает опасную смесь и приводит к бездумному буквализму. Насколько нам известно, основной целью пяти столпов ритуалов ислама являются воспитание в человеке чувства богоприсутствия и построение на его основе твердого морально-нравственно-идеологического стержня гражданской ответственности, т.е. создание целостной здоровой личности, обеспечение полноценного интеллектуального развития индивидуума и построение конкурентоспособного общества [2].

Радикальное (буквалистское) религиозное сознание отвергает саму возможность подобной рациональной расшифровки принципов ислама и приводит к интеллектуальному застою и пассивному традиционализму в среде молодежи. Это в свою очередь создает благоприятные условия для идеологических манипуляций со стороны различных внешних сил (сепаратистских политических течений, радикальных террористических группировок, спецслужб иностранных государств) [3].

Таким образом, становится видно, что главной причиной религиозного экстремизма являются интеллектуальная слепота и невежество, которые становятся катализаторами таких явлений, как агрессивность по отношению к инакомыслию, терроризм. Поэтому противодействовать феномену экстремизма необходимо прежде всего на интеллектуальном уровне. Фанатизм должен быть дискредитирован на академическом уровне, усилиями ученых гуманитарной и религиозной сфер науки не только при преподавании религии обычным студентам, но и путем долгого и упорного разъяснения этого тем сту-

дентам, которые впоследствии будут служить на благо религии. [4]

2. Проблема воспитания в семье. Все мы знаем, и давно доказано, что человек как личность, индивидуальность формируется с детства. Наибольшее влияние на него оказывают родители. В нашей стране множество неполных или неблагополучных семей. Зачастую в таких семьях отношения между родителями складываются на основе ненависти друг к другу либо к ребенку. Возникают вопросы «Что тогда может взять ребенок от родителей, если изо дня в день он видит одно и то же, а именно: неприязнь, ненависть, насилие и т. д.?»; «На ком детям срывать такую же ненависть (как и у родителей), если не на тех, кто отличается от них, либо на государство, которое их не может защитить?». В очень редких случаях дети, когда вырастают, не бывают похожими на своих родителей.

3. Образование, т. е. проблема воспитания подрастающего поколения в школе. На уровне подсознания ребенок очень часто воспринимает учителя за некий идеал, на который надо ровняться. И это очень даже хорошо, если бы не было так плохо. Давайте сравним абитуриентов педагогических вузов настоящего времени и, например, конца 1980х — начала 1990х гг. Давайте проанализируем насколько поменялись уровень воспитания, общество, госу-

дарство, вспомним, как проводили свое свободное время раньше. А сейчас? Мы надеемся, что разницу увидели все. Напоследок такое замечание. Раньше в педагогические вузы шли отличники, медалисты, активисты, спортсмены и просто хорошие ребята, т. е. люди, с которых можно и нужно было брать пример (в большинстве случаев). В наше время мы видим совершенно противоположную ситуацию. В педагогические вузы идут только изза того, что туда берут всех, туда легко попасть, настолько легко, что в любой сельский техникум поступить порой бывает сложнее. И с кого будущему поколению, т. е. нашим детям, брать тогда пример? С учителей, которые во времена своей молодости не стеснялись применять психическое (а порой и физическое) насилие над своими ровесниками? Да и реформа образования создает нам все больше и больше предпосылок для дальнейшей деградации поколений.

4. Довольно открытый доступ к информации, касающейся религии и экстремизма, в Интернете. В широком доступе в Интернете существует множество сайтов, на которых можно легко и просто обнаружить призывы к осуществлению тех или иных экстремистских действий, различные видеоролики пропагандирующего назначения, неправильное толкование всех первоисточников (например, Библия, Коран) и многое другое.

Литература:

1. Кожушко, Е. П. Современный терроризм. Анализ основных направлений / Под ред. А. Е. Тараса. — Минск: МГРТУ, 2010. — 368 с.
2. Бидова, Б. Б. Уголовное законодательство зарубежных государств и международные стандарты в сфере противодействия молодежному экстремизму // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2011. № 4. — с. 60–61.
3. Кагерманов, А. С. С., Бидова Б. Б. Идеологические направления российского экстремизма конца XIX — начала XX вв // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2014. № 2 (39). с. 45–48.
4. Бидова, Б. Б. Историко-правовые аспекты феномена экстремизма в России // Молодой ученый. 2013. № 5. — с. 498–501.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Миграционный коридор: понятие, тенденции, риски

Казакова Анна Валерьевна, бакалавр
Московский институт экономики, политики и права

В условиях глобализирующегося пространства, интенсивного развития международного права, интернационализации, мультикультурализма, демократизации, образования единого «поликонгломерата» и прочих тенденций, способствующих размыванию страновых границ, вопросы миграционной политики стоят крайне остро, а отношение к ним носит весьма полемический характер.

На фоне информационного обмена и мощного экономического импульса масштабы проблем международных отношений, наблюдаемых сегодня в Европе, Северной Америке, а также на постсоветской территории, еще только предстоит оценить.

Объектом исследования, по нашему мнению, должен выступать так называемый «миграционный коридор» как демографический феномен, а предметной областью — его динамика и риски, возникающие вследствие прогрессии.

Миграционным коридором называют территориальную область, промежуток, находящийся между государственными границами и служащий буферной зоной для пересечения страновых пределов [8].

Основным назначением этого пересечения является, как правило, поиск качественных изменений жизни (факторами, способствующими массовой миграции, являются войны, революционные столкновения, низкий уровень развития и т. д.).

На сегодняшний день наиболее активными коридорами принято считать следующие: Мексика-США, Турция — Германия, Судан — Южный Судан, Индия — ОАЭ, Мьянма — Тайланд, Палестина — Иордания [2].

Для понимания масштабов потока миграции необходимо привести некоторые цифры: в период 2010–2013 гг. число переселенцев из Мексики в США только по официальным данным составило свыше 150 тыс. человек, из Судана в Южный Судан — свыше 135 тыс., из Палестины в Иорданию — 118 тыс. [2]. Положительная динамика при этом продолжает сохраняться.

Основными сущностными особенностями, сопровождающими миграционные коридоры, по нашему мнению, являются:

— вынужденный, как правило, характер миграционного потока, его образование на границах с развитыми государствами;

— контроль миграционного коридора (интенсивности его потока) крайне затруднителен: большинство мигрантов пересекают границы незаконно;

— миграционный поток представляет собой значительную группу потребителей ресурсов (пространственных, энергетических, финансовых и др.);

— миграционный поток — носитель цивилизационной атрибутики: религиозных особенностей, норм культуры, самобытных традиций и др.

Обозначенные позиции являются неотъемлемыми спутниками любой миграционной динамики. На современном этапе они достаточно хорошо просматриваются в Европе (Германии и Франции) и носят системный характер с очевидными последствиями: от притока мигрантов, исповедующих преимущественно исламскую культуру, например, значительно увеличилось количество мечетей (там, где исламская конфессия исторически не складывалась и не распространялась), самое популярное мужское имя — Мохаммед, целые кварталы, вмещавшие в себя трудовых мигрантов во Франции, превратились в анклав, «переплавить» которые знаменитому «европейскому котлу» так и не удалось.

В России практика «открытых границ» способствовала притоку трудовых резервов: азиатские государства бывшего СССР регулярно снабжают РФ неквалифицированными кадрами. Преимущества ситуации, видимые в занятии малопrestижных профессий переселенцами, сопровождаются негативными тенденциями. Среди них: рост преступности, увеличение ксенофобских настроений, а также «экспроприация» целых отраслей экономики (продовольственные рынки, сфера ЖКХ, строительство и др.).

В связи с этим обстоятельством необходимо четче, как нам кажется, определить риски миграционных коридоров для формирования предложений, направленных на оптимизацию процесса в перспективе.

Первым таким риском, закономерно проистекающим из обозначенной тенденции, является крими-

ногенный потенциал миграции. Совершенно очевидна связь между отчаянным сознанием переселенца и его преступным мотивом. Это предположение подтверждается эмпирически. Так, исходя из данных доклада прокурора г. Москвы С. Куденева, количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, увеличилось в 2014 г. на 36% и составило порядка 11,5 тыс.

При условии определенной конфликтогенной почвы (присутствует в странах с высоким индексом терроризма) обозначенная проблема может привести к росту бандформирований, подпольных террористических организаций [1;4;5;6].

Вторым риском, возникающим в ходе миграционного потока, является так называемая «утечка мозгов». Этот риск характеризуется оттоком интеллектуального потенциала человеческого капитала и носит проблемный характер, прежде всего для страны, которую покидает иммигрант. В чистом виде ситуация по подобному сценарию развивается сегодня в Украине. Охваченная гражданской войной, бывшая союзная республика «теряет наиболее талантливых ученых, что угрожает национальной безопасности страны» [3].

Третьей проблемой миграции является вопрос экономического характера: речь идет о буквальной

экспроприации мигрантами отдельных отраслей хозяйства. В частности, в России такие сектора, как продовольственные рынки, сферы услуг ЖКХ и т. д. перешли под полный контроль прибывших. В результате складывающейся «монополии» создается дополнительный барьер, препятствующий развитию отдельных экономических отраслей.

Четвертый риск, по нашему мнению, — наиболее значимый. Он состоит в «культурологической диффузии», размывании национальных границ. В результате неконтролируемого миграционного потока образуются смешанные семьи и, следовательно, поколения от таких браков. В конечном счете, ситуация может привести к потере «цивилизационных корней».

Учет вышеобозначенных рисков миграционного потока — важнейшая задача, стоящая перед государствами мира. Четкое понимание проблемного характера миграции в совокупности с объединенными усилиями (страновый диалог) — единственное средство борьбы с негативными трендами переселенчества.

Остается надеяться, что руководство ведущих стран, крупнейшие международные организации (в т. ч. НКО) сумеют сориентироваться в непростой ситуации и принять верные, конструктивные решения.

Литература:

1. Гостевая преступность // Российская газета [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/2014/02/05/prestupnost-moscow-site.html> (дата обращения: 06.10.2015 г.)
2. Международная миграция и миграционная политика // Центр исследований и аналитики Фонда исторической перспективы [Электронный ресурс]. — URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/mezhdunarodnaja_migracija_i_migracionnaja_politika_2014-07-03.htm (дата обращения: 05.10.2015 г.)
3. «Утечка мозгов» из Украины грозит национальной катастрофой [Электронный ресурс]. — URL: <http://tree.biz.ua/news/utechka-mozgov-iz-ukrainy-grozit-nacionalnoy-katastrofoy> (дата обращения: 11.10.2015 г.)
4. Шегаев, И. С. ИГИЛ и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз // «Вестник Московского государственного областного университета» (Электронный журнал). 2015. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/622>
5. Шегаев, И. С. Конфликтогенный потенциал исламского модернизма в постсоветском пространстве: локальный, региональный и глобальный уровни // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2. с. 177—122.
6. Шегаев, И. С. Религиозный фундаментализм: определение понятия и причины его происхождения // Альманах современной науки и образования. 2014. № 1. с. 133—136.
7. Шегаев, И. С. Антитеррористическая защищенность образовательного учреждения: проблемы и попытки их решения // Молодой ученый. 2013. № 10. с. 465—467.
8. Шегаев, И. С., Полозов А. Г. Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины. — М.: Перо, 2015. — 242 с.

Влияние реноме политической партии на ход избирательной кампании: пример норвежской Партии прогресса на региональных выборах 2011 г.

Тарасов Александр Сергеевич, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Целью исследования является выявление влияния политического реноме Партии прогресса на уровень ее электоральной поддержки. Объектом исследования являются региональные выборы в Норвегии 2011 г. В качестве предмета исследования выступает анализ влияния имиджевых факторов на ход предвыборной борьбы и результаты выборов в условиях негативного информационного фона.

Ключевые слова: политический маркетинг; политический рынок; политический продукт; стратегический образ, имидж, бренд, реноме, Партия прогресса.

Актуальность использования маркетинговых методов в исследовании политических процессов обусловлена стремительной медиатизацией политики и ростом вовлеченности отдельных граждан в общественно-политические процессы. Одной из ключевых категорий политического маркетинга является политический рынок. Политический рынок — это пространство, в котором происходит обмен голосов избирателей на предвыборные обещания кандидатов [3; с. 106.].

В практическом измерении политический маркетинг можно представить как совокупность практических действий специалистов — политтехнологов, политмаркетологов и имиджмейкеров, по формированию привлекательного образа политика или политической партии с целью достижения политических целей.

В контексте политического маркетинга партия и электорат приобретают свойства политического продукта и его покупателя (или потребителя) соответственно, а продавцами продукта выступают в одном случае — профессиональные политтехнологи и имиджмейкеры, в другом — сама партия.

Бренд и имидж как элементы политического продукта

Согласно теории политического маркетинга, реноме партии определяется соотношением таких компонентов как бренд и имидж политической силы.

Для электоральной практики понятие бренда можно сформулировать как сочетание названия партии или имени кандидата, ее (или его) стратегического образа, политической программы, реноме, качества и креативности рекламной кампании, а также стилистики проведения агитационных мероприятий.

Б.Д. Кадлер выделяет 3 основные задачи бренда [2; с. 58.]:

- создание и выражение значения продукта;
- его идентификация;
- способность выгодно отличать продукт от других предложений.

Рассмотрим функции брендов с позиций политического маркетинга.

Во-первых, бренд гарантирует некоторый определенный набор функциональных характеристик и «удостоверяет определенный стандарт качества» [3; с. 106.]. Данная функция упрощает выбор, экономит время потребителя, гарантирует соответствие его ожиданиям. Таким образом, именно бренд, а не сам товар предопределяет выбор продукта. Д. Бойетт приводит данные опроса, согласно которому 70% респондентов ориентируются на бренд при принятии решения о покупке той или иной продукции, а 72% готовы переплативать 20% за бренд [1; с. 114.]. Также дело обстоит и с электоральными предпочтениями граждан.

Во-вторых, бренд предоставляет определенный набор устойчивых обещаний. Он создает ощущение надежности и стабильности политического продукта. При отсутствии должного соблюдения правил управления, бренд разрушается. В то же время, для создания бренда требуется довольно много времени. Довольно часто бренд необходимо «расширять», и не изменять. Иначе, бренд «рискует» потерять свою ценность, соответственно, ценность потеряет и продукт.

В-третьих, бренд формирует ценность товара через набор ассоциаций, воспоминаний и впечатлений. В этом смысле, бренд помогает партии занять вполне определенное место в уме потребителя.

В-четвертых, бренд усиливает восприятие продукта как психологической и социальной, а не только как материальной выгоды. Бренды оказывают серьезное воздействие на иррациональные критерии выгоды, например, что касается возможностей социальной интеграции (следование моде, увлечениям, обычаям, стремление к престижу и статусу) [4; с. 190].

Обратимся к другой составляющей политического продукта — имиджу.

И. Недяк определяет имидж как «результат целенаправленно создаваемого стратегического образа политического товара» [3; с. 285.]. Необходимо подчеркнуть, что имидж является самым главным инструментом в процессе создания политического продукта. В этой связи есть смысл рассмотреть основные принципы создания имиджа.

Во-первых, имидж должен вызывать у потребителя доверие. Имидж не сыграет свою роль в том случае, если его правдивость можно поставить под сомнение. Согласно результатам исследования, проведенного американским политологом Дж. Наполитаном, для 74% респондентов гораздо важнее, чтобы кандидат производил впечатление уверенного в себе и способного справиться с критической ситуацией политика. Напротив, за кандидата, который разделял бы схожие с опрашиваемыми взгляды, проголосовало бы всего лишь 14% [5 с. 263].

Следующий принцип заключается в том, что имидж обязан отвечать ожиданиям электората, а не быть вещью в себе. Он должен наиболее полно отражать предпочтения и представления электората об идеальной партии или политике. Привлекательный кандидат — это тот кандидат, в котором избиратель смог бы разглядеть качества, которые он, избиратель, считает наиболее предпочтительными для данного конкретного политика в данных конкретных условиях. Если политический рынок слишком гетерогенен, то формирование имиджа зачастую идет «от противного» на основе информации о том, что не устраивает значительную часть электората.

Основу имиджа кандидата составляет непосредственно сам кандидат: его убеждения, манера поведения, его биография. Имидж кандидата воздействует на чувства электората. Если избиратель верит и симпатизирует кандидату, то имидж будет работать. Восприятие имиджа политика должно быть доступно простым людям. Имидж, учитывая предпочтения электората, строит новый характер, который создается непосредственно «под выборы». Если смена имиджа происходит резко, то кандидат скорее потеряет сторонников, нежели заручится поддержкой большего числа электоральных групп.

Имидж должен усиливать стратегический образ, но не изменять его. Это правило применимо как к начальному этапу построения имиджа, так и к его последующей корректировке.

В контексте проблематики крайне правых партий, важным компонентом в формировании имиджа партии является конструирование образа врага, что основано на природной потребности индивида ассоциировать себя с определенной группой.

В процессе эволюции социума границы идентичности постепенно расширялись от семейных и племенных до национальных. Эрик Эриксон отмечал, что «развитие индивида обусловлено социальными прототипами добра и зла, образами, которые отображают до конца неясную природу исторических перемен, разделяемыми людьми, объединенными этнической территорией, исторической эпохой и/или экономическими целями» [10; р. 18.]

Данные образы, по мнению Эриксона, предлагают ограниченный набор социально значимых моделей для формирования идентичности [10; р. 25].

Несмотря на глобализационные процессы, на сегодняшний день отсутствует модель формирования идентичности, приспособленная к новым условиям. В резуль-

тате обозначенных макросоциальных изменений, а также ввиду отсутствия новой модели идентичности, возникают конфликты, которые принято называть кросс-культурными или цивилизационными. Примером такого конфликта могут служить события 11 сентября 2001 г. и последующая эскалация конфликта между так называемым Западом и исламским миром. Содержательная часть этого конфликта сводится к тому, что, в то время, как исламский мир воспринимается Западом как пример терроризма и религиозного фундаментализма, представители ислама видят в этом конфликте ответ «не-западного» мира на экономическую, политическую и социальную несправедливость, которую, по мнению представителей ислама, привнес в их жизнь Запад. В этом случае представители исламской цивилизации говорят об «экстремистском материализме» как инструменте продвижения западных ценностей.

Образ врага часто служит для защиты своего собственного имиджа, а также для возвеличивания собственного имиджа на фоне неблагоприятного «враждебного». В практической политике такую технологию самопозиционирования принято называть «игрой на контрастах».

Миддентс пишет о вражеской угрозе как об инструменте оправдания действий, которые в ином случае считались бы неприемлемыми и незаконными. «Нападения и убийства становятся оправданными мерами в ходе войны или при провокациях. Враг служит точкой сосредоточения агрессии, а также способом отвлечения внимания от собственных внутренних проблем. К тому же, образ врага обеспечивает тот контраст, за счет которого индивид, коллектив или макросоциальная группа может улучшить свой имидж» [13; р. 44–45.]. Р.К. Уайт пишет о том, что «основная цель конструирования образа врага — избежать обвинений в свой адрес» [17; р. 3.].

Конструирование образа врага долгое время было важным элементом в построении стратегического образа норвежской Партии прогресса.

Политический «ребрендинг» Партии прогресса

За годы председательства Карла Хагена за Партией прогресса закрепилось реноме ультранационалистической политической силы, подтверждение чему можно было наблюдать не только в анти-иммиграционной идеологии и политике партии, но и в деятельности ее лидера. В качестве примера можно привести факт знакомства Карла Хагена с известным норвежским неонацистом Туре Тведтом, лидером неоязыческой организации «Vigrid».

Крайне правый популизм партии, в частности, анти-иммиграционная риторика стала приносить политические дивиденды партии, начиная с середины 1990-х гг.. Это происходило на фоне кризиса традиционных правых политических сил в Норвегии, которые не были способны составить серьезную конкуренцию правящей Норвежской рабочей партии, а также на волне роста иммиграционных потоков в страну.

Таблица 1. Результаты парламентских выборов в Норвегии 1985–2009 (%) [15].

	1985	1989	1993	1997	2001	2005	2009
НРП	40,8	34,3	36,9	35,0	24,3	32,7	35,4
Хейре	30,4	22,2	17,0	14,3	21,2	14,1	17,2
Христианские демократы	8,3	8,5	7,9	13,7	12,4	6,8	5,5
Партия прогресса	3,7	13,0	6,3	15,3	14,6	22,1	22,9

В 1997 г. партия совершила прорыв на парламентских выборах, набрав 15,3%, что позволило обойти традиционных правых из Хейре и Христианской народной партии. После незначительного падения в 2001, последовал еще более значительный рост на выборах 2005 г. [Таблица 1].

Однако, на выборы 2009 г. партию вел за собой уже другой человек. После того, как в 2006 г. пост Председателя покинул Карл Хаген, партия сосредоточилась на экономической повестке, значительно снизив уровень националистической риторики. Одиозного политика сменила бывший первый заместитель Председателя Партии прогресса и глава парламентской фракции, Сив Йенсен.

При Йенсен произошла ротация приоритетов: если раньше акцент делался на антииммиграционной составляющей, то после смены лидера партия стала позиционировать себя как поборника демократических ценностей. Главным вопросом в политической повестке стала экономическая политика, основанная на идеологии либертарианства. В этом смысле Партия прогресса вернулась к истокам, к 1973 г., когда партийная идеология была выражена в ее первоначальном названии («Партия Андерса Ланге за значительное сокращение налогов, пошлин и государственного вмешательства»).

В ходе избирательной кампании 2009 г. на официальном сайте партии была размещена брошюра, которая должна была сформировать первое впечатление о партии. В разделе «Идеология и принципы Партии прогресса» [6] представлены шесть основных положений:

- «Экономика свободного рынка для развития торговли и благосостояния»;
- «Энергетика и окружающая среда»;
- «Безопасность в повседневной жизни»;
- «Иммиграция и интеграция»;
- «Общественные службы здравоохранения и социального обеспечения»;
- «Образование и наука».

Примечательно, что в списке приоритетов деятельности Партии иммиграционный вопрос стоит на четвертом месте, однако, если учесть, что предыдущие три пункта поместились на одной странице, то получается, что «иммиграционный пункт» фактически «возглавляет» список приоритетов на следующей странице. Таким образом, можно обозначить двойственность позиции Партии прогресса по вопросу иммиграции: если допустить, что такое оформление документа ранжирует сферы партийной политики по степени важности, то, по всей видимости, им-

миграционный вопрос буквально является самым важным вопросом в менее важной подгруппе вопросов.

Рассмотрим этот пункт более подробно.

Пункт «Иммиграция и интеграция» состоит из трех абзацев. В первом приведено следующее положение: «Партия прогресса является приверженцем идеи о максимально свободном перемещении товаров, услуг, капитала и рабочей силы. То же время, это предполагает, что люди, которые поселяются в Норвегии, не получают автоматически пакет социальных услуг, который ложится на плечи норвежских налогоплательщиков» [6]. Таким образом, четко обозначен критерий отбора иммигрантов, т.е. желательно, чтобы иммигрант был материально обеспечен.

В следующем абзаце отмечено: «Партия прогресса выступает за жесткую и ответственную иммиграционную политику, что выражается в сопряжении предоставления гражданства с рядом обязательств. Занятость на рынке труда, знание языка и соблюдение законов являются главными элементами успешной иммиграционной политики» [6]. Здесь обозначен следующий уровень ценза: знание языка, возможность трудоустройства и законопослушность.

В третьем и заключительном абзаце вопрос поставлен таким образом: «Равенство между социальными группами является решающим фактором в предотвращении конфликтов. В демократическом обществе нет места для религиозного экстремизма» [6]. Здесь партия делает акцент на светском характере норвежского общества и указывает на опасность набравшего в то время силы исламского фундаментализма.

Завершает абзац примечательная фраза о том, что все вышесказанное является «естественной целью для классической либеральной партии» [6].

Таким образом, Партия прогресса дает понять, что не против иммигрантов, но устанавливает своего рода ценз, который складывается из степени материальной обеспеченности, уровня образования, степени интегрированности в норвежское общество, а также вовлеченности в трудовые процессы.

Теперь обратимся непосредственно к оформлению программы.

Слоган программы — «Изменение к лучшему» («A Change for the Better») частично раскрывает суть политического курса партии и коррелирует с ее названием — «Партия прогресса». В этом смысле понятие «прогресс» наделяется исключительно позитивными качествами: слоган явно указывает на то, что прогресс (в том числе

в названии партии) — это те изменения, которые ведут к лучшему.

Далее, рассматривая иллюстрации, которые сменяют страницы с непосредственно программным текстом, заметно, что на большинстве из них изображена счастливая норвежская семья [рис. 1].

Рис. 1. The Progress Party: a Change for the Better [6]

Фактор семейных ценностей в партийной идеологии имеет правоконсервативную основу. Это подчеркивает принадлежность Партии прогресса к правому флангу идеологического спектра. В этом смысле, фактор семьи как ценности носит более выраженную объединяющую функцию, нежели фактор религии, поскольку ряд современных крайне правых партий, особенно в Скандинавских странах, акцентируют внимание на религии (в данном случае — Христианстве) скорее в контексте завоеваний Западной гуманистической мысли и элемента культурно-исторического наследия «трансатлантической цивилизации».

В ряде семейных образов в программе вставлена иллюстрация с видом на здание Норвежской оперы, которое было построено относительно недавно [рис. 2]. В этом образе также заключена некоторая смысловая нагрузка, которая, к тому же, носит двойственный характер. С одной стороны, здание оперы на берегу Осло-фьорда — это образец современной архитектурной мысли с некоторыми чертами футуризма, что соответствует названию партии: в данном случае современное здание является образом прогресса.

Рис. 2. The Progress Party: a Change for the Better [6]

С другой стороны, функциональное назначение здания носит черты «идеального» общества: общества интеллектуалов, людей, интересующихся культурой. Такой образ «идеального общества» вряд ли предполагает наличия в нем иммигрантов, которые нередко являются малообразованными, чуждыми европейской культуре.

Таким образом, проанализировав визуальное оформление и текстовое наполнение предвыборной брошюры, можно сделать вывод о том, что таким образом была произведена попытка «расширить» бренд партии: не отказываясь от консервативных ценностей в своей идеологии, партия, тем не менее, дает понять, что она стала более умеренной в отношении вопроса иммиграции, в то время как на первый план вышли вопросы экономики.

Рассмотрим подробнее так называемый стратегический образ нового лидера Партии прогресса Сив Йенсен.

В своих выступлениях и интервью лидер Партии прогресса часто ссылается на Маргарет Тэтчер, называя ее своим «политическим гуру» [7]. Образ Тэтчер в этом смысле хорошо вписывается в концепцию построения имиджа лидера Партии прогресса. Во-первых, это своего рода легитимация нового лидера-женщины на посту председателя партии в контексте ухода яркого, харизматичного Карла Хагена. Это в некотором смысле месседж, что курс, проводимый «норвежской «железной леди»», будет не менее жестким, чем при Хагене. То же можно сказать и о внутрипартийной организации. Во-вторых, в экономическом аспекте делается акцент на неолиберальную политику, которая в свое время проводилась Тэтчер. Это согласуется как с программными пунктами партии, так и с ее антиистеблишментской риторикой.

Бренд Партии прогресса был усилен путем смены имиджа лидера партии и сдвига партийной идеологии в сторону центра, что обеспечило привлечение новых электоральных групп.

Региональные выборы 2011 года: фактор Брейвика

Изначально считалось, что преемнику Хагена на посту руководителя партии будет чрезвычайно трудно удержать организацию на тех высотах, каких партия добилась с ним. Однако все последующие выборы оказались одни успешнее других. Норвежская крайне правая партия медленно, но верно отбирала голоса у правых партий, при относительно постоянном уровне популярности правящей НРП. Особенно это характерно для последних выборов 2005 и 2009 гг., где очевидно, что прирост голосов партии шел за счет части электората традиционных правых партий Норвегии: Консервативной (Хёйре) и Христианско-демократической партии (рис. 3).

Уже после описанных выше имиджевых изменений, к региональным выборам 2011 г. партия подходила в статусе главной оппозиционной силы в парламенте и наиболее популярной правой партии. Однако несмотря на все свои достижения на электоральном фронте, нор-

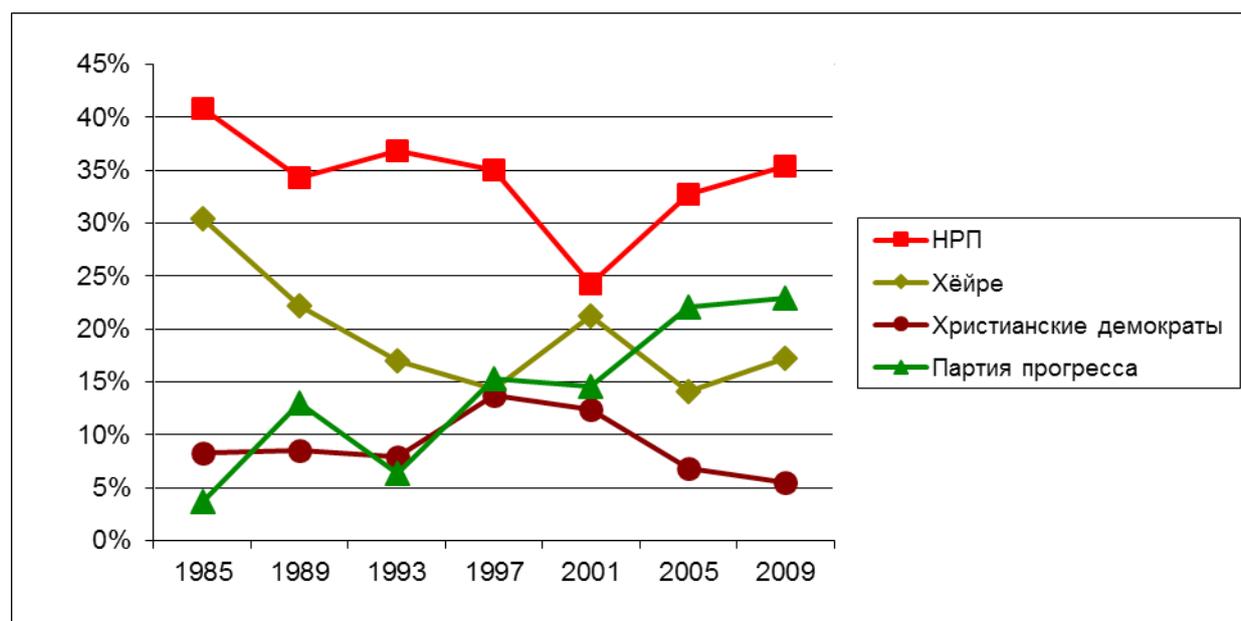

Рис. 3. Результаты Партии прогресса на парламентских выборах в Норвегии 1985–2009 в сравнении с результатами традиционных правых партий и Норвежской рабочей партии [15]

вежской Партии прогресса не удавалось реализовать свою главную цель — поучаствовать в формировании Кабинета министров. Главной причиной этих неудач было то, что партия не участвовала в коалициях, что помогло бы ей в достижении этой цели. Главным образом, это происходило потому, что влиятельные группы внутри Консервативной партии (а именно эту организацию Партия прогресса рассматривает в качестве своего тактического союзника) выступали против формирования коалиции с Партией прогресса из-за разногласий в экономической политике и вопросах иммиграции. В частности, не удавалось прийти к взаимопониманию по вопросам распоряжения средствами от продажи нефти. Партия прогресса всегда настаивала на использовании нефтедолларов на внутренние инвестиции. Практически все остальные партии, в том числе и консерваторы их Хейре, вступают против этого, руководствуясь тем, что такая политика нерациональна и может привести к перегреву экономики и инфляции.

Как уже не раз отмечалось, Партия прогресса всеми возможными средствами пыталась подчеркнуть свою непричастность к ультраправым организациям, позиционируя себя на политическом рынке как классическую либеральную партию, ориентированную на западные ценности. Тем не менее, образ, закрепившийся за партией со времен К. Хагена, все еще имел достаточное влияние в общественно-политической среде, а традиционные правые отказывались формировать коалицию с Партией прогресса из-за антииммиграционной риторики.

В июле 2011 г., за 2 месяца до региональных выборов произошло событие, которое серьезно сказалось на имидже и поставило под угрозу дальнейшие политические перспективы Партии прогресса. Этим событием

стало массовое убийство А. Брейвиком членов молодежной организации НРП. В ходе следствия выяснилось, что Брейвик разделяет ультранационалистические взгляды и является противником действующей миграционной политики властей. Также стало известно, что в своем мировоззрении Брейвик руководствовался не только традиционными идеями крайне правых, например, о культурной гомогенности общества, но также оперировал и политэкономическими критериями, вроде перехода экономики в правое русло по типу тэтчеризма и рейганомики. Довольно скоро выяснилось, что Брейвик в свое время участвовал в деятельности молодежной организации Партии прогресса, а позже стал членом партии.

Все это способствовало тому, что акт массового убийства быстро приобрел политическую окраску. Частое упоминание в СМИ факта членства Брейвика в Партии прогресса сказалось на имидже партии, которая последние 5 лет старалась избавиться от негативного наследия Карла Хагена.

Сив Йенсен, тем не менее, пыталась «улучшить» имидж партии. В своей статье в *The Wall Street Journal* Йенсен отметила, что «Партия прогресса ... огорчена, что Андерс Брейвик когда-то был членом партии» [11], а также в очередной раз добавила, что «Партия прогресса — классическая либеральная партия, которая исповедует демократические и гуманистические ценности» [11]. Лидер партии также отметила, что некоторые норвежские средства массовой информации пользуются инцидентом, чтобы «оклеветать и очернить» Партию прогресса [11].

Несмотря на все попытки восстановить репутацию партии, до выборов оставалось слишком мало времени. В итоге Партия прогресса набрала 11.8% голосов, что со-

поставимо с уровнем поддержки партии середины 1990-х гг. По сравнению с предыдущими выборами, партия потеряла почти 7% голосов и лишилась 54 мест в региональных законодательных органах. На муниципальных выборах партия также серьезно снизила свои показатели, набрав 11.4% голосов и, потеряв, по сравнению с предыдущими выборами, более 6% или 483 места в муниципальных законодательных органах [14]. Эти показатели отбросили партию в 1995 г., когда она набрала 10.5% [12]. Сив Йенсен признала, что эта неудача объясняется тем, что «у партии был достаточно тяжелый год» [16]. С другой стороны, Консервативная партия (Хейре) набрала рекордно высокое для себя число голосов избирателей за последние 15 лет.

Региональные выборы в Норвегии 2011 г. подтвердили внутривнутриполитический тренд, согласно которому НРП осталась главной политической силой со стабильным уровнем электоральной поддержки, а главная конкурентная борьба развернулась между Хейре и Партией прогресса. Учитывая относительно стабильные показатели НРП и миноритарных партий, можно сделать вывод, что успех консерваторов был обусловлен оттоком части сторонников Партии прогресса [14; 8].

Заключение

Смена лидера в Партии прогресса была имиджевым ходом, который, несомненно, был призван привлечь к партии более умеренный правый электорат. Очевидно, что Карл Хаген стал олицетворением расцвета крайне правой идеологии в Норвегии. Его замена на молодого политика, которая в своих выступлениях делает акцент скорее на экономические аспекты партийной программы, нежели на антииммиграционные пункты (безусловно, не отказываясь от них), «освежило» партийный облик и привлекло более широкие слои электората: представителей малого и среднего бизнеса, городскую молодежь, часть демократически настроенной интеллигенции [9]. Такая стратегия оправдала себя: рост электоральной поддержки партии увеличился, что позволило выйти на 2-е место по популярности, уступив только НРП. Однако события июля 2011 г. прервали позитивный тренд, отбросив партию по уровню поддержки на 15 лет назад. Партия прогресса, не сумев до конца избавиться от репутации ультраконсервативной политической силы, не смогла преодолеть вызовы имиджевого характера, с которыми она столкнулась после событий июля 2011 г.

Литература:

1. Бойетт, Д. Гуру маркетинга. Каким быть маркетингу в третьем тысячелетии. Эксмо. 2004.
2. Кадлер, Б. Д. Дизайн бренда. Питер. 2006.
3. Недяк, И. Л. Политический маркетинг. Основы теории — М.: Издательство «Весь мир», 2008.
4. О'Шонесси, Д. Конкурентный маркетинг: стратегический подход. Серия Бизнес-класс. Питер. 2002 г.
5. Почепцов, Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. РЕФЛ-бук, Ваклер. 6-е изд. 2005 г.
6. A Change for the Better: A Brief Introduction to the Progress Party. Режим доступа: <http://www.e-pages.dk/frp/3/fullpdf/full4f50ede726e73.pdf>. Дата обращения: 10.10.2013.
7. «A Norwegian Thatcher?». Interview with Siv Jensen in Standpoint Magazine. Режим доступа: http://www.frp.no/filestore/Standpoint_Dec_2008_web.pdf. Дата обращения: 11.10.2013.
8. Berglund, N. Nøyre wins big, at Frp's expense. 13.09.2011. Views and News from Norway. Режим доступа: <http://www.newsinenglish.no/2011/09/13/h%C3%B8yre-wins-big-at-frps-expense/>. Дата обращения: 28.03.2012.
9. Bjorklund, T. The Norwegian Progress Party: A Bridge-Builder over old Cleavages. Institut für Politikwissenschaft. Режим доступа: http://www.politik.uni-mainz.de/ereps/download/bjorklund_progress_party_builder_cleavages.pdf. Дата обращения: 13.10.2013.
10. Ericson, E. Identity and the Life-cycle. Режим доступа: <http://www.scribd.com/doc/33861838/Erikson-Identity-and-the-Life-Cycle-Selected-Papers-1959>. Дата обращения: 13.11.2013.
11. Jensen, S. Norwegian Politics after Breivik. The Wall Street Journal. Режим доступа: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424053111903366504576485690702017656>. Дата обращения: 25.09.2013.
12. Kommunevalg. Режим доступа: http://home.online.no/~b-aardal/k_f_valg.pdf. Дата обращения: 15.12.2013.
13. Middents, G. Psychological Perspectives on Enemy-Making // Organization Development Journal. Summer, 1998.
14. Norway Locals 2011. World Elections. Режим доступа: <http://welections.wordpress.com/2011/09/15/norway-locals-2011/>. Дата обращения: 23.12.2013.
15. Norway. Parliamentary Elections. Electoral Geography 2.0. Режим доступа: <http://www.electoralgeography.com/n/ew/ru/category/countries/n/norway>. Дата обращения: 13.07.2012.
16. Norway's anti-immigration party suffers election setback. Norway News. 13.09.2011. Режим доступа: <http://www.norwaynews.com/en/~view.php?72Q2654QL84834v285Qlj844VR3886SH76CFp253L7m8>. Дата обращения: 28.03.2012.
17. White, R. K. American Acts of Force // Journal of Peace. Vol. 1. 1998.

СОЦИОЛОГИЯ

Образ жизни сельского жителя

Каменская Елена Владимировна, кандидат экономических наук
Псковский научно-исследовательский институт сельского хозяйства

В статье раскрываются особенности сельского образа жизни. Представлены результаты анкетного опроса сельских жителей Плюсского района Псковской области по качеству их жизни.

Ключевые слова: образ жизни, сельская территория, сельские жители, анкетный опрос, аграрный сектор, социальная сфера.

Образ жизни — это устоявшаяся форма бытия человека в мире, находящая своё выражение в его деятельности, интересах, убеждениях [1]. В отечественной социологии категория образ жизни соотносится определенным образом с понятиями «уклад жизни», «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни», «стандарт жизни». Основными параметрами образа жизни являются труд (учёба для подрастающего поколения), быт, общественно-политическая и культурная деятельность людей, а также различные поведенческие привычки и проявления. Образ жизни человека — ключевой фактор, определяющий его здоровье [1].

Деревня — это сельская территория, где проживает особая социальная группа населения, которой свойственен определенный образ жизни. Она отличается как уровнем социально-экономического развития, так и спецификой психологического климата, социально-психологических отношений [2].

Под образом жизни сельского населения следует понимать систему осуществляемых им видов деятельности, которая детерминируется внешней средой и спецификой самого населения деревни как особой общности.

Среди отличительных черт села можно выделить:

- занятость населения преимущественно в аграрном секторе;
- преобладание среди населения людей пенсионного возраста;
- ведение личных подсобных хозяйств;
- отсутствие развитой рыночной инфраструктуры;
- ограниченность в выборе формы досуга, культурной деятельности и т. д. [2].

Аграрная отрасль является системообразующей для сельских территорий, поэтому трудовая жизнь сельских жителей России определяется в основном особенностями сельскохозяйственного производства.

Население занято преимущественно в сельхозпредприятиях.

Определенная часть селян работает в социальной сфере, которая в сельской местности представлена школами, детскими садами, фельдшерско-акушерскими пунктами, почтой, библиотеками, клубами. Незначительная часть сельского населения трудится вне сферы сельского хозяйства. Это в лесном комплексе, на железной дороге, в дорожных бригадах, перерабатывающих предприятиях, расположенных в сельской местности. Некоторые селяне работают в близлежащем городе, районном центре или вахтовым методом в городах, на севере и т. п. при условии развитой транспортной инфраструктуры. Как правило, все селяне заняты также в ведении личного подсобного хозяйства [3].

Важная роль в определении образа жизни населения отводится изучению его бытовой деятельности, под которой понимается совокупность занятий, направленных на удовлетворение материальных потребностей, связанных с воспроизводством здоровья и физического состояния человека и его семьи.

С древних времен основные виды деятельности делились на две группы: присваивающие и производящие. К первой группе относятся охота, рыболовство, сбор дикорастущих растений (съедобных и лекарственных), заготовка древесины и т. п. Производящая деятельность в сельском хозяйстве представлена животноводством и земледелием.

Особенности сельского образа жизни связаны со спецификой труда и быта жителей: подчиненностью труда ритмам и циклам года; более тяжелыми, чем обычно в городе, условиями труда; малыми возможностями для трудовой мобильности жителей; большой слитностью труда и быта, трудоемкостью труда в домашнем и подсобном хозяйствах; ограниченным набором занятий в свободное

время. В жизненном укладе сельских поселений сохранились элементы соседской общины. В них довольно стабильный состав жителей, слаба его социально-профессиональная и культурная дифференциация, типичны тесные родственные и соседские связи. Ритм жизни размерен, нетороплив. Время далеко не всегда рассматривается сельским жителем как быстропроходящее, как социальная ценность [4].

Для селян характерна «открытость» общения, которое довольно тесное и охватывающее все стороны жизни. Чем меньше деревня, тем всеохватнее общение ее жителей.

В формировании образа жизни важны и такие обстоятельства, как наличие или отсутствие социальных объектов — школы, клуба, почты, медпункта и т.д., а также близость к городу — большому или малому, наличие хороших дорог и транспортных маршрутов.

В сельских поселениях силен социальный контроль поведения человека. Поскольку жителей немного, постольку все знают всех и про всех. Каждый эпизод жизни сельского жителя может стать объектом для оценки со стороны окружения.

С целью оценки качества жизни селян, уровня их доходов, выявления проблем нами проводился анкетный опрос 200 сельских жителей Запольской волости Плюсского района Псковской области по 39 вопросам. Обследовались три деревни с разным числом проживающих: деревня Заполье — с числом жителей более 400 человек, деревня Запесенье — более 30 человек, деревня Любенск — до 30 человек [5].

Характеристика опрашиваемых включала их возрастную состав, пол, образование, семейное положение, размер семьи, наличие детей, род занятий, место регистрации, продолжительность жизни и работы в сельской местности. Возрастной состав анкетированных был следу-

ющий: до 30 лет — 7%, 30–39—18%, 40–49—19%, 50–59—27%, старше 60 лет — 26%. По уровню образования 33% респондентов имели среднее образование, 27% закончили ПТУ, 34% — со средним специальным образованием, 6% — с высшим. Большинство людей проживают в сельской местности более 20 лет. По роду занятий анкетированные распределились так: представители местной интеллигенции — 19%, разнорабочие — 22%, механизаторы, водители — 7%, специалисты — 2%, пенсионеры — 25%, безработные — 23% и дачники — 2%.

Условия проживания 77% респондентов — отдельный небольшой сельский дом площадью 34–58 м² с печным отоплением, водоснабжение из колодца, газ в баллонах, сотовая связь. 23% проживают в квартирах, где есть центральное водоснабжение, ванна или душ, домашний телефон. Почти все селяне ведут личное подсобное хозяйство с приусадебным участком размером 7–12 соток земли. 14% населения держат корову, свиней, у большинства семей есть птица. 37% анкетированных реализуют излишки продукции для получения дополнительного дохода. В каждой семье есть холодильник, телевизор. У 11% опрошенных имеется трактор, 37% — автомобиль, 34% — компьютер, 24% — вклады в банках.

По уровню среднедушевых доходов в семье ответы в процентном отношении распределились так: более половины сельского населения бедные и малообеспеченные, богатых нет (рис. 1).

Из социальных объектов в деревне Заполье расположены магазин, кафе, почта, медпункт, клуб с библиотекой, здание волости. Нет школы и дошкольного образовательного учреждения, поэтому 2/3 опрашиваемых удовлетворены предоставляемыми услугами кроме образовательных. Жители же малочисленных деревень большинством услуг недовольны из-за их недоступности.

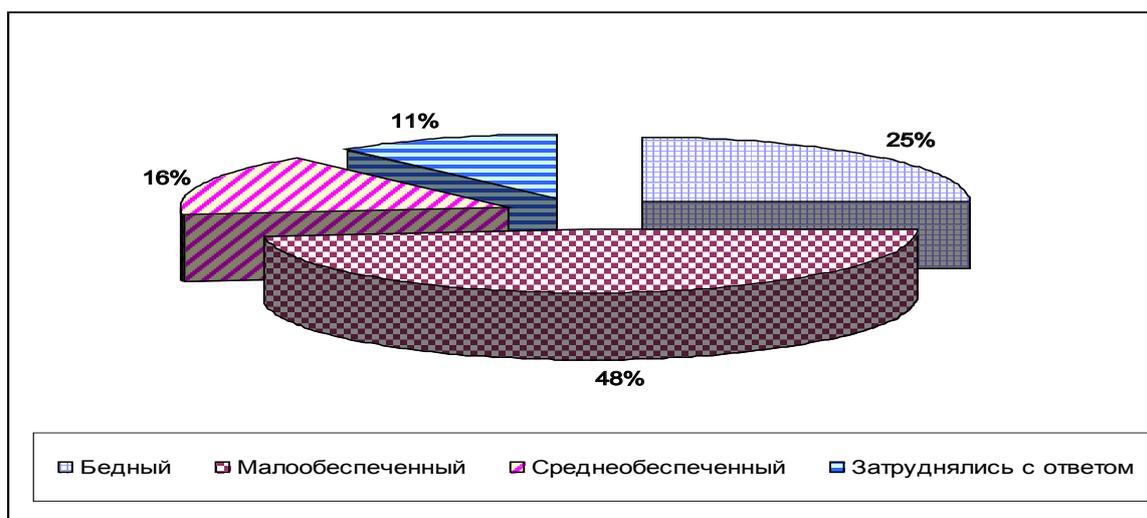

Рис. 1. Структура уровня обеспеченности доходами сельских жителей Запольской волости Плюсского района Псковской области, %

Состояние окружающей среды, по мнению большинства (62%), ухудшилось. Конфликты на сельских территориях отмечаются преимущественно на бытовой почве и межевые (75%), между коренными жителями и дачниками (25%). Социальный климат оценивается как благополучный — 83%, неблагополучный — 16%, напряженный — 1%. Социальное настроение у 95% респондентов нормальное, ровное; только 5% испытывают депрессию, тоску. Запас терпения еще не исчерпан — 88% опрошенных ответили, что «все не так плохо и жить можно», однако 3% считают, что терпеть теперешнее положение уже невозможно.

Свободное время сельянами проводится: дома у телевизора, походы в лес, рыбалка, посещение родных и друзей, прием гостей, клубные мероприятия. Большинство сельских жителей считают, что местные традиции частично утрачены (44%) или не сохранились (54%). Проблемы сельских территорий видятся в плохом использовании земли, отсутствии рабочих мест, низких доходах, недостатке культурных мероприятий, несанкционированных свалках, недоступности водоемов, лесов, пьянстве. 47% опрошенных употребляют алкоголь в переводе на спирт более 22 л в год. Ответы респондентов на вопрос «Если Вы хотите, чтобы Ваши дети (внуки) жили и работали на селе, то кем бы Вы желали их видеть?» отражены на графике в количественном исчислении (рис 2).

Многие респонденты (84%) высказались за развитие несельскохозяйственных видов деятельности — ремесел, сельского строительства, переработки сельхозпродукции, сельского туризма.

Проведенный комплексный анализ территории сельского муниципального образования свидетельствует, что для нее характерны низкий уровень жизни населения, безработица, неэффективное использование земли, неравный доступ к предоставляемым услугам — транспортным, медицинским, образовательным, культурно-досуговым; слабо развито жилищное строительство, крайне низкая обеспеченность социальной и транспортной инфраструктуры, дефицит муниципальных бюджетов. Преобладают люди пенсионного возраста, сельское сообщество характеризуется адаптивно-пассивным поведением, слабо мотивировано к самостоятельному улучшению своей жизни, распространен алкоголизм, отмечается взаимное отчуждение между местными жителями и приезжими, утрачиваются традиции, нет имиджа территории.

По истечению последних 25 лет разница между городским и сельским образом жизни превратилась в пропасть. Проблемы сельских территорий — это не только проблема производства качественной сельскохозяйственной продукции, но и проблемы населения, живущего и работающего на этой земле. Поэтому в последние годы прекращают свое существование многие деревни и села. Молодые люди, видя бесперспективность жизни на селе, выезжают в города. Теряется преемственность поколений, когда знания предков передавались детям.

Необходимо развивать социальную сферу и инженерную инфраструктуру сел и деревень, создавать экономические условия для перехода к устойчивому социально-экономическому развитию сельских населённых пунктов [5].

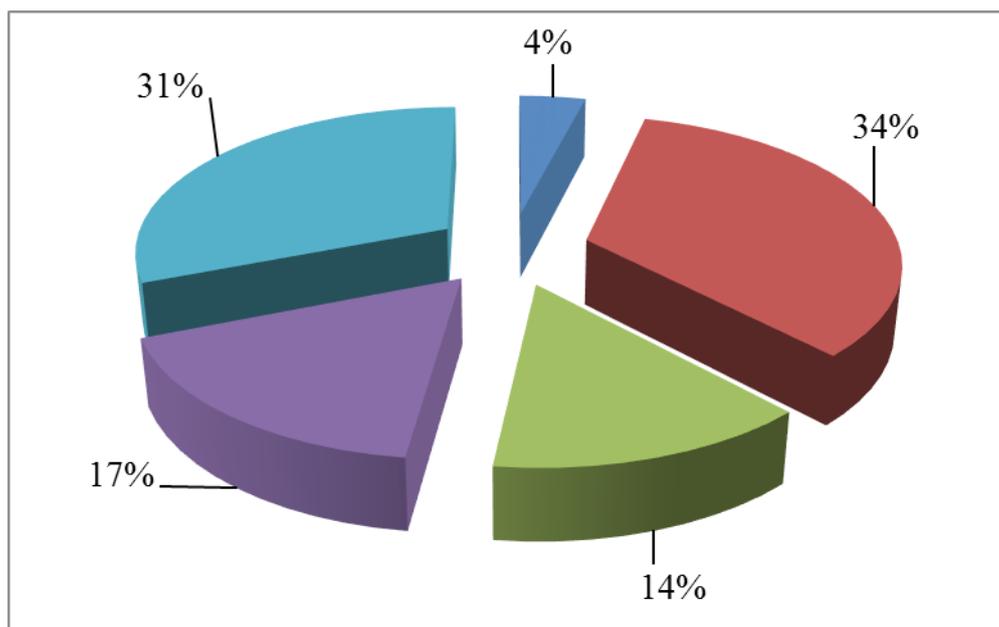

Рис. 3. Оценка сельскими жителями Запольской волости Плюсского района Псковской области будущего рода занятий, %: 4% — Вижу работниками сельхозпредприятий, 34% — Не хочу, чтобы мои дети [внуки] остались на селе, 14% — Вижу специалистами, руководителями сельхозпредприятий, 17% — Вижу работниками здравоохранения, 31% — Не знаю, не думал об этом.

Литература:

1. https://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%E1%F0%E0%E7_%E6%E8%E7%ED%E8
2. http://www.rusnauka.com/2._SND_2007/Economics/19233.doc.htm
3. <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/sociokulturnye-osobennosti-obraza-zhizni-i-cennosti-sovremennogo-selskogo-zhitelja.html>
4. <http://socialpeded.ru/konspekty-k-ekzameni-soczialnaya-pedagogika/33-dajte-sravnitelnyj-analiz-obraza-zhizni-v-derevne-gorode.html>
5. Ефимова, А. А., Каменская Е. В. Предпосылки устойчивого развития сельских территорий Псковской области // В сб.: «Научное наследие академика А. А. Никонова и проблемы современной аграрной экономики. — М., 2014. — с. 372–377.

Экономика и экономия безопасности полетов

Лебедев Андрей Владимирович, аспирант

Московский государственный технический университет гражданской авиации

Конец XX века ознаменовался распадом одной из крупнейших держав в мире. Данный процесс не мог пройти безболезненно ни для общества, ни для государства. Негативному влиянию подверглись все сферы жизни: политическая, экономическая, социальная и духовная. Отсутствие представления о том, что будет дальше, падение промышленного производства, массовые сокращения работников, падение уровня жизни, медицины и образования поставили под угрозу развитие «молодой» России в целом и воздушного транспорта в частности. Нестабильность новоиспеченных республик сильно сказалась на внутреннем и международном пассажиропотоке, показатели которого вышли на уровень 1960 года. В России, например, в 2000 году пассажиров было перевезено в 4,5 раза меньше, чем в 1990 году. Сокращение количества рейсов, а следовательно взлетов и посадок, должно было положительно сказаться на аварийности воздушного транспорта, однако, и здесь качественные показатели пошли на убыль. По такому показателю, как количество погибших на 100 млн. пассажиро/км данные изменились с 0,08 в 1982–1991 на 0,10 в 1992–2001 годах. [4]. Развал СССР повлек за собой исчезновение единой системы управления гражданской авиацией.

Как правило, причины аварийности делятся на три группы: технические, личностный фактор и воздействие окружающей среды. Заостряя внимание проблемы обеспечения безопасности полетов только на этих факторах, не совсем справедливо игнорировать экономический аспект данного вопроса. Хотя опосредованно экономический фактор и затрагивается в описании каждой из вышеупомянутых категорий, вполне оправдано выделить его в отдельную группу, так как это позволит по-новому взглянуть на причинно-следственные связи в возникновении авиационно-транспортного происшествия (АТП). Конструктивное улучшение техники и повышение ее надежности, совершенствование психофизиологических ка-

честв человека-оператора, повышение уровня метеорологического и аэронавигационного обеспечения а, в итоге, и безопасности полетов полностью зависит от размера материального обеспечения. Ставя приоритетной задачей быструю прибыль, руководство авиапредприятий финансируют мероприятия по обеспечению авиационной безопасности по остаточному принципу. Механизмы влияния экономических рычагов на обеспечение безопасности полетов исследуются недостаточно и в отрыве от изучения личности в авиации.

В начале XXI в. началась абсолютно новая эра для человечества, которая характеризуется глобализацией общества, технологизацией всех сфер его жизни и повсеместной информатизацией. Любая передовая экономика основывается на разделении труда и кооперации производства, поэтому логистические операции и транспортная доступность образуют необходимый элемент, связывающий многочисленные производственные процессы. В конце XX века авиаперевозки выходят на второе место в мире по пассажирообороту. Однако, ситуация с доступностью и соответственно с прибыльностью авиатранспорта отличается в разных частях планеты. Например, в 80-х годах прошлого столетия каждый второй житель нашей страны совершал хотя бы один перелет в год (в США в это время каждый гражданин дважды в году пользовался воздушным транспортом). В настоящее время ситуация немного улучшилась, но четырехкратное отставание от США и Европы сохранилось. В западных странах в пассажирских перевозках уже сейчас ведущую роль играет воздушный транспорт. Высокая эффективность авиационного транспорта влечет за собой большие расходы на текущее обслуживание и перспективные разработки, что давно осознали на Западе, и никак не хотят принимать в России.

По своей природе авиационная безопасность — это категория не столько этическая или юридическая, сколько экономическая. В связи с этим стоит признать не совсем

корректным анализ безопасности полетов без учета имеющейся ресурсной базы, экономических возможностей и ограничений.

Абсолютно очевидно, что финансовые потери и человеческие жертвы при различного рода происшествиях будут гораздо меньше, если материальная база обеспечения безопасности полетов (БП) будет увеличиваться. Капитальные вложения на модернизацию авиационного комплекса состоят не только из кредитов, которые необходимо возвращать, но и из безвозмездных ассигнований, направляемых федеральными и местными органами власти и состоящих, в конечном счете, из отчислений налогоплательщиков. Например, в США в 2013 г. на поддержку воздушного транспорта (соответствующая статья бюджета называется «Средства, выделяемые на гражданскую авиацию»), было выделено 8,4 млрд. долларов, а на военную — 36 млрд. долларов [1, с. 25]. Такая господдержка нацелена на создание национальной научно-технической базы, которая в дальнейшем позволит создавать надежные и экономичные модели. Использование собственных ресурсов (как человеческих, так и материальных) избавляет от внешней зависимости и повышает конкурентоспособность за счет уникальности продукта. Подобная практика на западе носит систематический характер и полностью себя оправдывает. Во время разработки проекта создания единого европейского конкурента самолетам Boeing государственные вложения были практически единственным источником финансирования. Результатом стало появление второго по величине производителя воздушных судов в мире консорциума Airbus, который также активно штурмует космическую сферу. В это же время перед российским авиапромом была поставлена задача дать достойный ответ западным разработкам и вернуть некогда утраченные позиции в авиации. Таким ответом стал гордость отечественного авиастроения проект Sukhoi SuperJet 100, который тоже не остался без господдержки. На самолет, который только на 50% состоит из отечественных компонентов (а в стоимостном выражении всего 10% — российские части) с начала проектирования потрачено около 7 млрд. долларов, что в 7 раз превышает затраты на создание канадского аналога фирмы Bombardier. Нужно также сказать, что за период создания Sukhoi SuperJet 100 всего на авиацию было выделено 462 млрд руб, что говорит о малом финансировании авиапредприятий и как следствии ухудшении состояния БП [3]. На западе цикл от проектирования до производства, а затем испытаний занимает 4 года, во время которого постоянно идет контроль за каждым номером воздушных судов. В России этот период составил 15 лет, в результате которого появился не конкурентоспособный продукт с большим числом инцидентов и одной катастрофой на счету в первый же год полетов.

Как правило, работы по повышению эксплуатационной надежности и летной годности финансируются непосредственно авиатранспортными предприятиями. В неконкурентоспособных компаниях (как крупных, так

и маленьких) с небольшой нормой прибыли это осуществляется не в полной мере, что негативно сказывается на безопасности. Отсутствие должного внимания к состоянию техники одновременно с ее моральным и физическим устареванием просто губительно. Сейчас, например, в странах СНГ 20% аварий происходит из-за отказа техники вследствие ее некачественного обслуживания. Уверенность в успешном завершении полета является основным требованием со стороны пассажиров и общества. Это требование естественным образом ограничивает функционирование любого предприятия, и лежит в основе разработки любых нормативных актов, правил и технологий.

В рамках высокой конкуренции у авиакомпаний возникает желание как можно интенсивнее использовать имеющиеся самолеты и расходовать минимум средств на поддержание их в летной годности. Экономия приводит к тому, что резервная заправка воздушных судов (ВС) доводится до недопустимо малых значений. В результате экипажи, опасаясь нехватки топлива, перестают уводить ВС на второй круг и осуществляют полеты на границе метеоминимумов. Это позволяет значительно экономить топливо и ресурс авиационной техники, существенно повышая риск авиационных происшествий. Однако следует понимать, что летные инциденты делают авиакомпанию непривлекательной, и пассажиры предпочитают более надежных конкурентов. Таким образом, успех предприятия в условиях рыночной экономики зависит от искусства руководства найти оптимальное соотношение между экономической выгодой и безопасностью.

Недостаточность финансирования авиационной отрасли является причиной еще одного отрицательного явления — миграции высококвалифицированных кадров: инженеров, конструкторов, летного состава и опытных руководителей. Отъезд специалистов за рубеж носит массовый характер и имеет огромные социально-экономические последствия для России. По подсчетам Комиссии по образованию Совета Европы, каждый год Россия теряет более 50 миллиардов долларов от выезда из нее высококлассных специалистов [2, с. 29]. Несмотря на то, что отъезд научных работников из России значительно снизился по сравнению с 90-ми годами прошлого века, эта негативная тенденция сохраняется. Отток научной и производственной элиты подрывает подготовку новых кадров и всю систему образования в наукоемких отраслях. Эксплуатация зарубежной техники предъявляет новые требования в сфере владения иностранным языком, знания законодательства, управления персоналом и производством, удовлетворять которым современному специалисту все труднее. Многие компании понимают необходимость адаптации работников к новым реалиям, но делают это не своевременно и не в полном объеме, что опять же сказывается на качестве обслуживания ВС. Дефицит профессионалов ограничивает потенциал роста авиационной отрасли, и даже при существенном увеличении финансирования, кадровый голод утолится не скоро.

На наш взгляд, справедливо для осознания всей серьезности ситуации ввести такой критерий безопасности полетов как стоимостная оценка человеческой жизни. Лица, недооценивающие мероприятия по БП, должны осознавать, что помимо потери самого человека и большого горя для его родственников страна и авиакомпания несет колоссальные убытки. С точки зрения государства ранняя смерть гражданина прекращает поступление в казну результатов экономической деятельности не только конкретного индивида за время до его естественной смерти, но и его будущих детей во многих поколениях. Безопасное существование этого же человека, напротив, увеличивает поступления в бюджет. Одновременно с этим тратятся средства на поисково-спасательные работы, расследования, выплаты компенсаций, восстановление имиджа авиакомпании и государства. Стоит ли говорить о таком серьезном ущербе как потеря поколения, проблеме воспроизводства нации и др. Зачастую в катастрофах гибнут талантливые и активные люди, способные сделать многое для процветания нации. В каче-

стве примера можно привести катастрофу Як-42, унесшую жизни хоккейной команды Локомотив — цвета российского хоккея, а также гибель губернаторов Иркутской области (2009 год) и Сахалина (2003 год). Громкое событие произошло в конце 2014 года, когда во Внуково разбился самолет главы одной из крупнейших в мире нефтегазовых компаний, французской Total.

Неустойчивое социально-экономическое положение России накладывает огромный отпечаток на состояние безопасности полетов в стране. Помимо фактического отсутствия средств отрасль испытывает недостаток в людях, осознающих всю серьезность проблемы и способных даже в нынешних условиях при помощи собственного профессионализма и самоотдачи решать поставленные задачи. Сейчас крайне важно сконцентрировать усилия общества и государства на создании условий для формирования, реализации и роста человеческого потенциала, а также условий для перелома в сознании участников производственного процесса.

Литература:

1. Региональные различия в эксплуатационных экономических показателях международных авиакомпаний, ИКАО, Монреаль, 2013.
2. Юревич, А. В. Наука и рынок // Общественные науки и современность. — 1999. — № 1
3. «Развитие гражданской авиационной техники России на 2002–2010 годы и на период до 2015 года», Доклад о результатах проверки соблюдения целевой программы, Генеральная Прокуратура РФ, Москва, 2013
4. Состояние безопасности полетов в гражданской авиации государств-участников соглашения о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства за десятилетний период (1992–2001 гг.) Доклад Межгосударственного авиационного комитета. http://www.mak.ru/russian/info/doclad_bp/1992-2001/doklad_za_1992-2001_godi.html (дата обращения 21.09.15)

Влияние социальных инноваций на социальную безопасность общества

Петухова Ирина Сергеевна, преподаватель;
Сиушкина Наталья Владимировна, студент
Петрозаводский государственный университет

The influence of social innovations to the social safety of the society

Сегодня нет сомнений в том, что демографическое состояние государства является важнейшим показателем уровня его социально-экономического, политического и этнического развития [2, с. 165]. В связи с серьезными демографическими изменениями, происходящими в последние десятилетия, человечество столкнулось с рядом новых социальных феноменов. Наряду с проблемами бедности, низкого уровня жизни, миграции

общество сталкивается с новым пластом социальных проблем, влияющих на его стабильное и безопасное развитие [5, с. 142]. В частности, это высокий уровень безработицы, рост преступности, низкая продолжительность и качество жизни и другие.

В мировой практике состояние социальной безопасности принято оценивать по шкале, состоящей из двадцати различных показателей. В число таких показателей

включают и старение населения как особо важную социально-демографическую проблему [3, с. 175].

Согласно классификации Э. Роскета, население можно считать старым, если доля людей в возрасте 60 лет и старше больше 6% [4, с. 2]. На начало 2014 года численность населения Республики Карелия составляет 634,402 тыс. человек. Из них 127,259 тыс. человек находятся в возрасте старше 60 лет, что составляет 20% от общей численности населения республики [6, с. 10–13]. Впоследствии эксперты отдела демографии ООН в 1959 г. приняли возраст 65 лет как границу для измерения процессов старения. Ученые предложили три уровня, характеризующие демографическую структуру населения: 1) при наличии 4% лиц старше 65 лет — молодое население; 2) от 4 до 7% — структура зрелого населения; 3) более 7% — старое население [4, с. 2]. Располагая данными по республике Карелия, лица старше 65 лет составляют 13%. Таким образом, согласно классификации Э. Роскета, а также экспертов ООН, Карелию можно назвать «демографически старой» республикой, где старшая возрастная когорта является многочисленной и увеличивающейся группой.

Процесс старения населения интересует многие науки: демографию, философию, медицину, экономику, психологию, социологию и др. Для социальной безопасности общества наиболее значимыми являются последствия описываемого процесса. На сегодняшний день, ученые выделяют четыре основные группы проблем, которые спровоцированы старением населения. К первой группе относятся *демографические проблемы* — низкая продолжительность жизни, низкий показатель рождаемости и др. Во-вторых, претерпевает изменения сфера *социальных отношений*, в частности, это изменения в структуре семейно-родственных отношений. Изменение демографической структуры отражается на *рынке труда* — происходят изменения отношения общества к трудовой деятельности, возникает необходимость переквалификации трудящихся в пожилом возрасте, происходят изменения пропорций занятости среди мужчин и женщин, увеличение возраста выхода на пенсию. Наконец, происходящие изменения затрагивают *функциональные особенности и состояние здоровья пожилых людей*, что, в свою очередь, влечет за собой серьезные последствия для социальных служб и системы здравоохранения [4, с. 13–14].

В настоящее время можно наблюдать негативное, а временами и агрессивное отношение к пожилым; их считают бесполезными, ненужными обществу, отсталыми и неспособными к работе в постоянно трансформирующемся обществе [5]. Сегодня прогнозы ученых неутешительны: численность населения в трудоспособном возрасте будет уменьшаться при одновременном возрастании в обществе доли людей пожилого и старческого возраста. Таким образом, предложение рабочей силы снизится, что приведет к дисбалансу на трудовом рынке. Уже в ближайшем будущем на европейском и российском рынках труда будет наблюдаться несоответствие спроса и предложения на рабочую силу [5, с. 70].

Люди пожилого и старческого возраста часто подвергаются насилию со стороны взрослых детей. Они практически не обращаются за помощью в силу боязни наказания от родственников, незнания своих прав.

Еще одной явной социальной проблемой пожилых людей становится одиночество, прежде всего, отсутствие одного из супругов, родственников, детей, внуков. В современной российской действительности, одной из причин одиночества и изоляции становится финансовая немощь. Почти треть одиноких пожилых людей испытывают трудности при решении элементарных гигиенических и бытовых проблем [5]. Характеристиками социальной напряженности в обществе являются низкий уровень жизни населения, негативное социальное настроение, неудовлетворенность сферами жизни. Утрата уверенности в завтрашнем дне и пессимистическая оценка своего будущего отражаются на уровне социального благополучия людей пожилого и старческого возраста [5, с. 101].

Таким образом, возникновение новых социальных проблем пожилых людей, уже существующие проблемы высокая динамика старения населения дают понять, что традиционные методы социальной работы неспособны справиться с вышеперечисленными противоречиями. В этом случае необходимо введение качественных эффективных инновационных методов решения социальных проблем. Необходимо отметить, что социальные инновации предполагают не просто значительные социальные изменения в виде повышения пенсий или пособий, но и закрепление новых социокультурных норм и образцов в сознании и поведении человека [1, с. 24].

Социальные инновации — ключевой элемент, необходимый для оптимального развития страны. Результатом эффективного применения социальных инноваций является удовлетворения потребностей граждан, создание условий для развития личности, следствием является повышение качества жизни пожилых людей, что положительно влияет на их социальную безопасность и безопасность общества в целом. Социальные инновации выступают как важный фактор экономического, социального и культурного прогресса современного общества, средство удовлетворения общественных потребностей; способствуют улучшению организации социальной работы, благоприятствуют повышению ее эффективности и качества, статуса профессии в обществе [2, с. 144]. Стратегия инновационного социально-ориентированного развития включает в себя ряд мер по качественному обновлению социальной сферы. В связи с этим все большую актуальность приобретают исследования инноваций, инновационных процессов, применяемых в социальной работе.

Проявлению инноваций в социальной работе с пожилыми людьми способствуют различные процессы: обострение социальных проблем у людей пожилого и старческого возраста, что требует новых подходов к их решению; возможность использования мирового опыта инновационных решений в социальной сфере, обусловленная сближением социальных и экономических систем России

и развитых стран; урегулированность основных правовых проблем развития социальной сферы.

Несмотря на факторы, положительно влияющие на применение инноваций в социальной сфере, следует отметить группу факторов, отрицательно влияющих на него. К таким факторам относятся: отсутствие финансовых, и административных ресурсов, необходимых для развития инновационных методов социальной работы с пожилыми людьми; отсутствие кадров, способных грамотно применять социальные инновации в работе с пожилыми людьми; недостаточная заинтересованность органов государственной и муниципальной власти в использовании нововведений; сопротивление социальных организаций инновационным социальным технологиям.

Основной сдерживающий фактор инновационной активности в социальной сфере заключается в том, что структура управления социальной сферой не обладает достаточным инновационным потенциалом.

В 2014 году было проведено гайд-интервью с экспертами, целью которого являлось изучение методов и проблем внедрения инновационных технологий в учреждениях, оказывающих социальные услуги пожилым людям.

В качестве экспертов выступили 2 специалиста по социальной работе в Петрозаводском доме-интернате и заведующая отделением социальной реабилитации и трудовой терапии.

Выборка осуществлялась методом доступного массива, так как многих экспертов не удалось опросить в силу их высокой занятости. Базой проведения эмпирического исследования выступили отделение дневного пребывания МУ КЦСОН «Истоки» и ГБСУ СО «Петрозаводский дом-интернат для ветеранов».

В доме-интернате не внедряются и не используются инновационные технологии социальной работы, но, по словам специалистов, имеются предпосылки для развития инноваций, такие как активная проектная деятельность, совместные разработки с другими учреждениями. Причинами неиспользования инноваций специалисты считают нехватку кадрового состава, отсутствие управленческих ресурсов, высокую загруженность работой. Вследствие этого не остается времени для разработки и внедрения инноваций.

По словам специалиста, в отделении дневного пребывания МУ КЦСОН «Истоки», применяются инновационные технологии, а именно клуб «Золотой возраст». Он включает в себя 6 студий: студия информационных технологий, студия творческого развития личности; студия здорового образа жизни; студия культурно-досуговой деятельности; студия психологической поддержки личности; студия юридической безопасности пожилых людей. Специалист также подчеркивает, что это нововведение применяется в «Истоках» впервые.

Причинами редкого использования или вообще неиспользования инноваций специалист выделяет недостаточность соответствующей методической литературы, вследствие этого недостаточные знания по социальным

инновациям, недостаточное финансирование. Так же специалист отметил, что различные социальные учреждения будут сопротивляться внедрению и развитию инноваций в их организации.

На основе результатов эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что, препятствиями внедрения инноваций в социальной сфере являются отсутствие финансовых, административных (управленческих) ресурсов; отсутствие специалистов и базы знаний по социальным инновациям; сопротивление социальных организаций многим нововведениям. Эксперты отметили, что для того, чтобы разрабатывать и внедрять инновации, нужна коллективная, сплоченная, плодотворная работа специалиста по социальной работе, методического отдела и заведующих отделениями.

Инновационная деятельность специалиста по социальной работе заключается в создании, освоении социальных технологий и программ, внедрении их в практику социальной работы с различными группами клиентов, в том числе с людьми пожилого и старческого возраста, что будет способствовать решению их социальных проблем и улучшению их социального функционирования. Существенной особенностью инновационной деятельности в социальной работе является то, что эта деятельность основывается на личностном подходе и имеет своей целью разработку социальных технологий, способствующих развитию личности клиента [5, с. 144–145].

Социальная работа с пожилыми людьми приобретает все большую актуальность. Пожилые люди нуждаются в различных социальных услугах, оказываемых социальными учреждениями. Социальные учреждения относятся к структуре социальной сферы: они оказывают большое влияние на формирование параметров качества жизни населения. В то же время социальные учреждения реализуют социальную защиту населения, которая выступает в качестве важнейшего механизма и способа обеспечения социальной безопасности российского общества.

Проблема демографического кризиса актуальна для нашей страны. Проявляясь, главным образом, в негативных качественных изменениях, кризис приводит к серьезным преобразованиям в структуре населения, что непосредственно является угрозой оптимального развития государства. В связи с этим, выявляются актуальные направления деятельности по стабилизации и укреплению демографической ситуации в России. Например, обеспечение профессиональной занятости населения, мониторинг и адресная помощь нуждающимся, повышение эффективности профилактической работы, предоставление рабочих мест пенсионерам, готовым осуществлять трудовую деятельность; создание социально-экономических условий, способствующих полноценной жизнедеятельности лиц пожилого и старческого возраста, улучшению состояния их здоровья. Применение инновационных технологий в сфере социальной защиты пожилых людей способствует преодолению эксклюзии пожилых, тем самым обеспечивая социальную безопасность современного общества.

Литература:

1. Князев, А. А. Инновация как социальная ценность/А. А. Князев// Основы экономики, управления и права. — 2012. — № 1 (1). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsiya-kak-sotsialnaya-tsennost> (дата обращения: 09.11.2014).
2. Кузнецова, О. П., Косьмин А. Д. К вопросу о демографической безопасности России/О. П. Кузнецова, А. Д. Косьмин// Проблемы современной экономики. — 2013. — № 3 (47). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-demograficheskoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 09.11.2014).
3. Максименко, Е. В. Специфика и содержание инновационной деятельности специалистов по социальной работе/Е. В. Максименко// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2011. — Вып. 11. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-soderzhanie-innovatsionnoy-deyatelnosti-spetsialistov-po-sotsialnoy-rabote> (дата обращения: 09.11.2014).
4. Неваева, Д. А. Особенности социальной эксклюзии лиц пожилого возраста (по материалам социологического опроса)/Д. А. Неваева// Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — № 2—2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialnoy-eksklyuzii-lits-pozhilogo-vozrasta-po-materialam-sotsiologicheskogo-oprosa> (дата обращения: 05.11.2014).
5. Смирнова, Т. В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция/Т. В. Смирнова// Социологические исследования. — 2008. — № 8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0357/analit02.php> (дата обращения: 09.11.2014).
6. Республика Карелия в цифрах'2014: краткий статистический сборник/Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия (Карелиястат). — Петрозаводск, 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/26ae9580444de1b39e00ff20d5236cbc/02471.pdf (дата обращения 09.11.2014).

Стигматизация школьников подросткового возраста как фактор девиантного поведения

Прокофьева Анастасия Анатольевна, студент
Петрозаводский государственный университет (Республика Карелия)

Проблемы девиантного поведения и связанные с ним причины и мотивы привлекают к себе серьезное внимание социологов и представителей других областей научного знания. Однако многообразие теорий и концепций, объясняющих природу отклоняющегося поведения, говорит о неопределенности, противоречивости во мнениях исследователей, особенно в ситуациях, когда речь идет о девиантном поведении детей и подростков, которое испытывает на себе влияние многочисленных факторов.

Школьный этап, несмотря на свою относительную непродолжительность, оказывает определяющее влияние на весь жизненный цикл человека. В силу этого представляется целесообразным попытаться выявить те, часто латентные причины, которые не только мешают ребенку развиваться и социализироваться в школьной среде, но и провоцируют отклонения в поведении, отрицательно программируют его жизненный путь.

Девиантное поведение в большинстве научных работ рассматривается как результат воздействий, проявляющийся в разного рода отклонениях в эмоционально-волевой сфере и поведении подростка [2]. В работах по этой теме оказались недостаточно изучены социальные факторы и условия возникновения девиантного поведения, в том числе влияние фактора стигматизации на формирование девиантного поведения школьников.

На тему стигматизации можно обнаружить немало исследовательских работ в области педагогики, психологии, социологии и других наук, однако в большинстве исследований рассматриваются отдельные аспекты и элементы данного феномена. Так, В. С. Мухина рассматривает подростковую стигматизацию в криминальной среде и подчёркивает, что элементы стиля поведения криминальных подростковых группировок проникают и в сферу общения законопослушных подростков. Автор отмечает важность развития «чувства личности» как профилактики стигма-

тизации как в законопослушной, так и в криминальной среде. Для развития этого чувства она предлагает оригинальный метод «прохождения через инициации» [5].

В отечественной литературе имеются данные, освещающие отдельные компоненты стигматизации в среде старшеклассников общеобразовательной школы: о взаимосвязи социометрического статуса старшеклассника и его личностных и коммуникативных характеристик, о психологическом климате школьного класса и т. д. Впервые результаты исследований проявлений социальной стигматизации в практике образовательной среды представлены в монографии Мамедова А. К. «Социальная стигматизация».

Изучение стигматизации в среде школьников позволяет не только прояснить специфику этого феномена на данном возрастном этапе, но и понять многие скрытые причины дивантного поведения подростков, а значит выработать пути решения и профилактики этой проблемы в образовательном процессе.

Девантное поведение несовершеннолетних имеет свою специфическую природу и формируется под влиянием различных целенаправленных (организованных) и стихийных (неорганизованных) воздействий на личность ребенка, подростка, юноши. Ю. А. Клейберг определяет дивантное поведение подростков как специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации ценностного отношения к ним [3].

В современной отечественной социологии интерес представляет позиция Я. И. Гилинского, считающего источником диванции наличие в обществе социального неравенства, высокой степени различий в возможностях удовлетворения потребностей для разных социальных групп, «и не только витальных, но, что для нашего предмета особенно важно, собственно социальных: в престиже, статусе, самоутверждении и др».

На уровне индивидуального поведения наиболее общей причиной дивантности служит «социальная неустроенность» как результат несоответствия объективных свойств индивида, включая его задатки, способности, а также свойства, приобретенные в процессе социализации, требованиям занимаемой позиции в системе общественных отношений.

Говоря о факторах отклоняющегося поведения можно выделить биологические, психологические, социологические факторы, которые находятся в сложном взаимодействии и взаимовлиянии. Социологические факторы, в свою очередь включают в себя, социально-экономические, социально-педагогические, морально-этические факторы. Биологические факторы, в том числе генетические факторы — это неблагоприятные физиологические или анатомические особенности организма ребенка. Негативное отношение со стороны окружающих вызывают дефекты речи, внешняя непривлекательность, которые приводят к искажению межличностных отношений в среде сверстников. Психологические факторы — это психопатологии или акцентуации характера. Данные отклонения выражаются в нервно-психических заболеваниях, психо-

патии, неврастении, пограничных состояниях, повышающих возбудимость нервной системы и обуславливающих неадекватные реакции подростка. Социальные факторы выражаются в дефектах школьного, семейного и общественного воспитания, в их основе — игнорирование половозрастных и индивидуальных особенностей детей, приводящее к нарушениям процесса социализации.

Таким образом, сам подростковый возраст является фактором риска возникновения дивантного поведения. Установить все причины и условия, способствующие возникновению диванций невозможно, но то, что на формирование поведения человека влияют три основные группы факторов: биологические, психологические и социальные, признается всеми учеными. Наряду с объективными социальными факторами (маргинализация общества, растущее социальное неравенство, семейное неблагополучие и т. д.) действуют и субъективные причины дивантного поведения, которые и анализируются в рамках теории стигматизации.

Сущность социальной стигматизации проявляется в реакции на любые отклонения от норм конкретного сообщества и последующем закреплении этих отклонений с помощью различных символических форм — стигм (ярлыков). При этом она, как правило, возникает по инициативе доминирующих членов социальной общности и выступает в качестве символической формы определения социального статуса человека. Стигматизированное состояние (навязываемое социальное качество или признак) принимается человеком, становятся его неотъемлемой характеристикой, определяют его место и роль в данной общности.

Э. Лемерт пытается ответить на вопрос, как люди втягиваются в «дивантную карьеру», и какие обстоятельства способствуют рецидиву. По мнению Э. Лемерта, именно социальный контроль и порождает дивантность, которую он, в свою очередь делит на две категории: первичную и вторичную диванцию. Первичная диванция происходит тогда, когда индивид начинает входить в предписанную ему социальную роль. Вторичная диванция начинается с момента социальной реакции на дивантное поведение.

Итак, понятие стигматизации выражает одновременно и сам процесс маркирования определенной стигмой, и его результат. Социальная стигматизация — всегда результат сложного взаимодействия процессов, происходящих в обществе и в сознании человека. Она наносит вред в одинаковой степени, как индивиду, так и обществу в целом: способна вызывать дивантность, наносит удар по общественной морали и гуманным социальным установкам, приводит к конфликтам. Процесс социальной стигматизации носит постоянный характер, а это предполагает необходимость систематического «отслеживания» тенденций и результатов его развития, выявления и типологизации причин возникновения.

Подростковый возраст — это время становления характера, формирования чувства индивидуальности. Подросток приобретает общечеловеческие, общественно

значимые свойства и качества, успешно воплощает их в индивидуально-неповторимых проявлениях.

В школьной среде процесс стигматизации осуществляется как *по горизонтали*, самим детским сообществом, так и *по вертикали* — педагогами, учителями, родителями и другими значимыми взрослыми. Процессы стигматизации в школьной среде, по мнению Т. Липай, формируются с начальной школы, затем развиваются и фиксируются в подростковом возрасте. «Наклеивание ярлыков» связано, прежде всего, с позицией учителя как педагога, который приобщает ребенка к социализации. Он вводит его в мир культуры, и от того, как это делается, ребенок чувствует себя «нормальной» частью социума или отвергается от него. [4]

Несмотря на декларирование гуманистических принципов, в современной школе по-прежнему преобладает традиционный шаблонный подход — стремление ограничить поведение ребенка заданной извне (как правило, педагогом) схемой. Ребенок продолжает восприниматься не как личность с ее специфическими особенностями, а как человек, который должен быть сформирован на основе ценностей и требований, рассматриваемых образовательной общностью в качестве нормы. Все, что в ребенке не совпадает с этими параметрами (внешний вид, отношение к учебе, степень общественной активности, уровень учебных достижений и т.д.) определенным образом стигматизируется.

К наиболее частым педагогическим ошибкам можно отнести подчеркивание (особенно публичное) психологических недостатков ребенка, его школьных неудач, оскорбительный тон замечаний, угрозы. Совершенно недопустимы насмешки над детьми с физическими дефектами и нарушениями речи. Такого рода ошибочные педагогические приемы могут явиться причиной стигматизации, а в дальнейшем, больших эмоциональных потрясений с возникновением у детей и подростков различных психогенных расстройств: невротических реакций, реактивной депрессии девиантных форм поведения в форме реакций протеста, уходов из школы, а иногда даже попыток к самоубийству. Не стоит забывать и о влиянии родителей на процесс стигматизации, причем нередко взрослые члены семьи не думают о последствиях сказанного на родительских собраниях, в гостях, по телефону и т.д. В подростковых коллективах основой для стигматизации может быть любая, даже самая незначительная, особенность ребенка: полнота или худоба, косноязычие, заикание, выражение или форма глаз, национальная или конфессиональная принадлежность, приверженность ученика ценностям, непопулярным в группе старшеклассников и т.д.

Данные современной науки убеждают, что девиантный подросток — это, чаще всего, обычный ребенок, а черты и качества девиантного он приобретает под влиянием ошибок, упущений в воспитательной работе, сложностей в окружающей его среде. Мы предположили следующее: если подросток подвергается стигматизации

(ярлык «аутсайдер»), то он будет иметь повышенный уровень агрессивности и враждебности по сравнению с другими членами группы. В ходе исследования нами были использованы следующие методы: социометрия; тест Басса-Дарки «Диагностика агрессивных и враждебных реакций» и глубинное интервью с педагогом-психологом и социальным педагогом школы. В процессе исследования возникла необходимость более глубокого изучения данного явления, в том числе и среди учащихся, «принявших» стигму. Для обеспечения достоверности опросных данных применялся метод фокусированного интервью с классными руководителями и учителями-«предметниками».

Исследование проводилось на базе Средней общеобразовательной школы № 19 г. Заполярный Мурманской области. В результате проведения социометрии были выявлены группы аутсайдеров в каждом из трёх 9-х классов: из 71 ученика 11 аутсайдеров, из них 7 мальчиков и 4 девочки. Затем с подростками — аутсайдерами были проведены индивидуальные беседы, с целью выяснения причин их стигматизации, а также интервью с классными руководителями. Полученные данные позволяют сделать следующие выводы.

В 9А аутсайдерами оказались мальчики, которые отличаются самым низким уровнем успеваемости и девочки с самым высоким уровнем успеваемости в классе. Таким образом, стигма носит прямо противоположный характер: с одной стороны, мальчики — «тупые», «двоечники», а с другой, девочки — «заучки» и «зубрилы». Такой характер стигматизации объясняется тем, что 9А — класс с углубленным изучением английского языка, то есть, в целом, подростки мотивированы на учебу, и поэтому дают оценку друг другу именно с этой точки зрения. В 9Б аутсайдеров оказалось значительно больше, чем в других классах. В качестве стигмы здесь выступили ярлыки — «хулиган», «плохо себя ведет», «прогульщица», «он (она) из плохой семьи»; то есть на первый план выступило клеймение на основе поведенческих норм и социального статуса семьи. В 9В аутсайдером оказался мальчик — инвалид, имеющий увечье лица. В то же время в этом классе мальчик и девочка оказались стигматизированными аутсайдерами на основе национальной принадлежности (характерные фамилия и внешность) — «они не русские», «кавказской национальности». Многие дети имеют обидные клички: «Горшок» (производная от фамилии), «Шрэк» (особенности внешности) и т.д.

Были выявлены специфические стигмы. В 60% случаев: «он был на комиссии», «он был индивидуальщиком» (речь идет о медико-психологической комиссии и индивидуальном обучении в начальной школе). Эти характеристики давались и учителями, и учениками для подтверждения неполноценности аутсайдеров. Подростки в свою очередь тоже упоминали данное обстоятельство как важное и негативное для них. Учителя, работающие в школе более 20 лет, учившие родителей своих учеников, нередко воспринимают их на основе стереотипов типа «его отец такой же был», «мама тоже плохо училась».

Таким образом, предположение подтвердилось: стигма зависит от ценностей, принятых в группе подростков; стигматизации подвергаются чаще мальчики, чем девочки; более 50% стигматизированных подростков — это мальчики и девочки из «неблагополучных семей»; почти в 70% случаев стигматизаторами выступили взрослые.

Проведенное исследование также позволило сделать вывод о ярко выраженной стигматизации классных коллективов в целом. Так, 9А получил характеристику «они у нас самые умные», а 9Б — «там одни хулиганы и двоечники». Коллективная стигма накладывает отпечаток на восприятие себя отдельными членами класса и на их восприятие окружающих, а это в свою очередь во многом определяет поведение.

На следующем этапе исследования была проведена диагностика уровня агрессивности как среди аутсайдеров, так и среди остальной части группы. Все дети — аутсайдеры показали повышенный уровень агрессивности, особенно учащиеся 9Б класса. У остальной части группы также наблюдаются отклонения в сфере агрессии, но в значительно меньшей степени.

В ходе исследования были выявлены некоторые особенности проявления агрессии у стигматизированных подростков: подростки могут быть носителями нескольких видов агрессии одновременно. Физическая агрессия у девочек может приобретать более жестокие формы (хотя традиционно считается, что данный вид агрессии более характерен для мальчиков); косвенная агрессия и раздражение являются наиболее распространенными видами агрессии; негативизм вызывается и поддерживается чаще всего родителями, при этом ведущей стигмой является «неблагополучная семья»; обида чаще проявляется у школьников, имеющих стигму «ботаник, зубрила»; словесная агрессия в школе чаще проявляется не столько в нецензурной брани или крике, сколько в интонации оскорбительной или пренебрежительной. Таким образом, все стигматизированные подростки являются аутсайдерами в классах, а их тестирование показало высокую степень агрессии разных видов. Можно также сделать предположение о зависимости между вариантом стигмы и видом агрессии подростка.

Литература:

1. Богомаз, С.Л., Комлёнок Н.М. Изучение психологических детерминант процесса стигматизации у старшеклассников методом интегративной эклектики//Социальные науки: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 4–5.
2. Гофман, И. Представление себя другими в повседневной жизни/И. Гофман; пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалёва. — М., 2000
3. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения. — М., 2001. — 454 с.
4. Липай, Т.П. О проявлении стигматизации в процессе образования/Т.П. Липай // Социологические исследования. — 2004. — № 10.
5. Мухина, В.С. Инициации подростков во временных объединениях как условие личностного роста и стигматизация личности в подростковой среде// Развитие Личности. — 2000. — № 3–4.

В рамках исследования было проведено глубинное интервью с психологом, социальным педагогом школы и другими членами педагогического коллектива, в ходе которого выявилась крайне низкая степень информированности и осведомленности педагогических работников школы о сути стигматизации, ее положительных и отрицательных аспектах. При этом, как указывалось выше, они нередко сами выступают стигматизаторами.

До сих пор проявление любых девиаций школьников педагоги связывают с врожденными задатками, неблагополучием семьи, педагогической запущенностью, но только не с организацией учебно-воспитательного процесса, профессионализмом учителя и издержками педагогической науки в целом. В настоящее время в работе со школьниками, имеющими отклоняющееся поведение, чаще используется интегративный подход, предполагающий сочетание различных направлений и форм работы: сотрудничество школы с семьей, психологическая помощь со стороны школьного психолога и т.д. Однако сотрудничество с семьей часто затруднено, так как семья по определенным причинам не может выполнять воспитательных функций, а подросток с девиантным поведением не идет на контакт с психологом (к тому же такая штатная единица во многих учебных заведениях отсутствует).

Стоит отметить, что результаты представленного исследования носят промежуточный характер и не дают возможности сделать репрезентативные выводы, однако анализ научной литературы и результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что стигматизация является одной из существенных причин девиантного поведения подростков.

Отклоняющееся поведение подростков является одной из острейших социальных проблем нашего времени. Особую тревогу вызывает не только растущая отчужденность, повышенная тревожность, духовная опустошенность детей, но и их жестокость, агрессивность. Девиантное поведение подростков становится источником душевных страданий не только родителей, но самих подростков, которые нередко сами становятся жертвами со стороны сверстников. Теория стигматизации призвана служить оказанию реальной помощи в решении этой проблемы, хотя пока остается вне зоны внимания педагогов — практиков.

Особенности формирования компетенций молодого специалиста с позиции теории капиталов: методологический аспект

Хизбуллина Радмила Радиковна, кандидат социологических наук, доцент;
Казанский государственный энергетический университет

В статье представлен методологический анализ формирования социальных и профессиональных компетенций молодого специалиста. Опираясь на положения теории капиталов П. Бурдьё, Г. Беккера, Дж. Минсера, М. Фридмана, Т. Шульца, К. Маркса определено, что формирование профессионализма молодого специалиста базируется на структурах компетентностной модели, в комплексе формирующих профессионально-социализированную личность специалиста.

Ключевые слова: человеческий капитал, молодой специалист, социализация, социальный капитал, компетенции.

Процесс воспроизводства специалистов посредством системы образования рассматривается как воспроизводство человеческого капитала в рамках отрасли. В основе создания человеческого капитала лежат инвестиции в профессиональное образование личности. Подобные инвестиции представлены приобретением профессиональных навыков, повышением квалификации, аккумулярованием знаний и практического опыта. Анализируя систему образования и её влияние на социально-профессиональную социализацию молодого специалиста, целесообразно обращение к категориям «общего человеческого капитала» и «специфического человеческого капитала».

Анализ теории человеческого капитала (П. Бурдьё, Г. Беккер, Дж. Минсер, М. Фридман, Т. Шульц) [1, с. 90] позволяет представить профессиональный капитал молодых специалистов в качестве комплекса способностей, знаний и навыков личности, которые используются в рамках реализации профессиональной деятельности в целях получения дохода.

Общий человеческий капитал связан с получением универсальных знаний, умений и навыков, которые призваны увеличить шансы молодого специалиста на рынке труда и профессиональных областях. Приобретение общего человеческого капитала происходит на уровне образовательных институтов и в рамках повседневных социальных взаимодействий. Специфический человеческий капитал понимается как совокупность профессиональных знаний, умений и навыков, реализуемых на уровне конкретной отрасли.

В нашем случае специфический капитал реализуется в процессе социально-профессиональной социализации молодых специалистов в рамках профессионально-трудовой среды предприятий [4, с. 87–89]. Специфический капитал связан с социализацией в рамках предприятий отрасли, усвоением норм, ценностей и установок профессионально-трудовой среды. Приобретение специалистом специфического капитала осуществляет социально-профессиональную мобильность специалиста внутри стратификационной системы организации. Процесс воспроизводства специалистов посредством образования следует

рассматривать как воспроизводство человеческого капитала, где интеллектуальный капитал играет ведущую роль в становлении личности молодых специалистов. Принимая во внимание значимость роли квалифицированных специалистов в тенденциях научно-технического и социально-экономического развития общества, можно говорить о том, что система образования становится одной из основных движущих сил этих процессов.

Исходной посылкой разработки концепций «капиталов» с прилагательными стала «теория кругооборота форм капиталов» К. Маркса. В рамках данной теории рассматривается процесс труда как взаимодействие двух факторов: во-первых, объективного, или вещественного, т. е. средств производства; во-вторых, субъективного, или личного, т. е. рабочей силы. Рабочая сила, или, если точнее, способность не просто к абстрактному труду, а к преобразовательной деятельности, является «переменным капиталом» [2].

Способ воспроизводства и накопления данных форм капитала заключается в процессе обучения и других форм социализации.

Таким образом, корпорация, выходя в своей деятельности на политический рынок, опирается на следующие виды капиталов:

- 1) экономический капитал;
- 2) человеческий капитал и социальный капитал;
- 3) административный капитал.

К. Маркс отмечал экономический капитал как важнейший, так как производство, прежде всего, существует как экономическая организация, производящая то или иное благо или товар с целью получения прибавочной стоимости, прибыли. Однако Г. Беккер утверждал, что политический капитал, как главенствующий, вырабатывается на этапе перехода природного капитала, основанного на ресурсах, и произведенного капитала (технологий и машин) в экономический капитал посредством человеческого капитала. Г. Беккер характеризует политический капитал через олицетворение с корпорацией, когда все работники корпорации, вне зависимости от своего статуса, отождествляют себя с ней. Корпорация

производит постоянный политический капитал в виде доверия со стороны ее работников и социальных сетей посредством «корпоративных статусов», «корпоративной культуры». Г. Беккер отмечал, что политический капитал корпорации станет действующим, когда будет опираться на постоянный капитал, что невозможно без инвестиций в социальный и административный капиталы.

Анализ теории человеческого капитала позволяет объяснить различие в доходах в связи с образованием и возрастом; связь безработицы с индивидуальным уровнем навыков и знаний; частой смены мест работы и интенсивное посещение курсов в начале трудовой биографии. Актуальными проблемами теории являются разработка моделей форм обучения, специфических для организаций; концептуализация неформальных средств приобретения человеческого капитала.

Система образования с точки теории человеческого капитала (П. Бурдые) [3] воплощает в себе идею формирования и воспроизводства социальной структуры, превосходящая тем самым развитие интегративной, логически обоснованной системы. Данная парадигма может быть применима к изучению продукта данного формирования — молодого специалиста, а успешную социально-профессиональную подготовку личности молодого специалиста, как конечный результат для успешного функционирования системы.

П. Бурдые также полагал, что воспроизводство классовых отношений, классовых привилегий включает и такую составляющую, как культурный капитал. Но это классовое отношение воспроизвести неизмеримо труднее, чем отношения владения. Оно воссоздается косвенно, через получение хорошего образования. При этом по П. Бурдые культурный капитал — это языковая и культурная компетенция. Необходимо согласиться с целым рядом положений П. Бурдые, относящихся к оценке деятельного проявления качественных оценок человека в виде человеческого капитала, взять на вооружение социологические особенности формирования культурного потенциала и его профессиональную трансформацию в культурный человеческий капитал. Профессиональная трансформация качественных характеристик индивида происходит как в социальной сфере, так и в сфере материального производства. При этом формирование профессиональной структуры материального производства является определяющим компонентом в системе общественного воспроизводства, оно базово определяет динамику развития совокупных социальных отношений, в том числе в системе социальных институтов, направляющих свою деятельность на формирование культурного человеческого капитала. Физические же способности и здоровье человека — основа вообще всякой жизнедеятельности и активности человека, что, безусловно, влияет на возможность доступа к профессии и профессиональному росту [6, с. 149–154].

Социальный капитал является общественным благом, но создается свободным и рациональным индивидом

для достижения собственных выгод. Как и другие формы капитала, социальный капитал приносит дивиденды лишь в случае его активного использования: обмена, интериоризации и экстериоризации.

Таким образом, теория человеческого капитала в контексте изучения социально-профессиональной социализации молодого специалиста может быть определена в таких аспектах как:

1) человеческий капитал молодого специалиста есть предмет социальных отношений в социально-трудовой, информационно-образовательной, профессиональной, социально-политической сферах;

2) специфический человеческий капитал — результат социальных взаимодействий, рассмотренных как инвестиции в развитие человека;

3) система знаний, умений и навыков молодого специалиста которые на данный момент уже используется субъектом труда в сфере общественного воспроизводства и поэтому определяются как реально функционирующий человеческий капитал.

От реализации перечисленных социальных функций зависит качество социально-профессиональной социализации молодых специалистов.

С точки зрения компетентностного подхода, при оценке качества профессионального образования как детерминантной компоненты в структуре социально-профессиональной социализации особое внимание обращается на соответствие молодых специалистов требованиям специальности [5, с. 54–62]. Для объективной оценки данного соответствия необходимы предметные оценочные критерии, позволяющие измерить уровень развития профессионализма, профессиональной компетентности выпускника.

Основная категория компетентностного подхода — «компетенция» — шире понятия «знание, умение» и включает в себя когнитивную, операционально-технологическую составляющие, а также мотивационную, социальную стратегии поведения. Готовность к профессиональной деятельности включает овладение стандартами профессионального образования, все то, что в основе своей поддается нормированию и технологизации. Именно готовность к профессиональной деятельности служит фундаментом профессиональной компетентности.

Таким образом, компетентностная модель специалиста представляет собой постоянно развивающуюся систему взаимосвязанных, взаимозависимых элементов, в комплексе описывающих личность специалиста. Для достижения успеха в профессиональной деятельности необходимо развитие каждого элемента этой системы. Компетентностный подход позволяет говорить о компетенции, как о компоненте потенциального качества подготовки молодого специалиста, выражающем собой его способность к выполнению определенного комплекса задач или вида профессиональной деятельности.

Литература:

1. Беккер, Г. Человеческий капитал и личное распределение доходов: аналитический подход // Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — с. 90
2. Маркс, К. Капитал: критика политической экономии/Под. ред. Л.Л. Васиной, П.Н. Ключкина, О.И. Анянина. — Москва: Эксмо, 2011. — Т. 1. — 1200 с.
3. Bourdieu, P., Passeron J. C. Reproduction in Education: Society and Culture. — L., 1977
4. Хизбуллина, Р.Р. Профессиональная ориентация молодого специалиста в условиях трансформации российского общества: социологический аспект. — Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2009. — Т. 4. — № 4. — с. 87–89.
5. Чеботарева, С.В. Компетентностная модель специалиста как ориентир в профессиональном образовании/С.В. Чеботарева // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф./Под. ред. Д. Ф. Ильясова. — Челябинск: Изд-во «Образование», 2008. — с. 54–62.
6. Хайруллина, Ю. Р., Хизбуллина Р.Р. Социализация молодого специалиста в современном образовательном пространстве. — Регионология. — 2010 — № 1. — с. 149–154.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 20 (100) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Агаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26